

[Polaris]

САКС РОМЕР

ВЕДЪМЧИНО
ОТРОДЪЕ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXIV

Salamandra P.V.V.

Сакс Ромер

ВЕДЬМИНО ОТРОДЪЕ

Перевод
Е. Янко

Salamandra P.V.V.

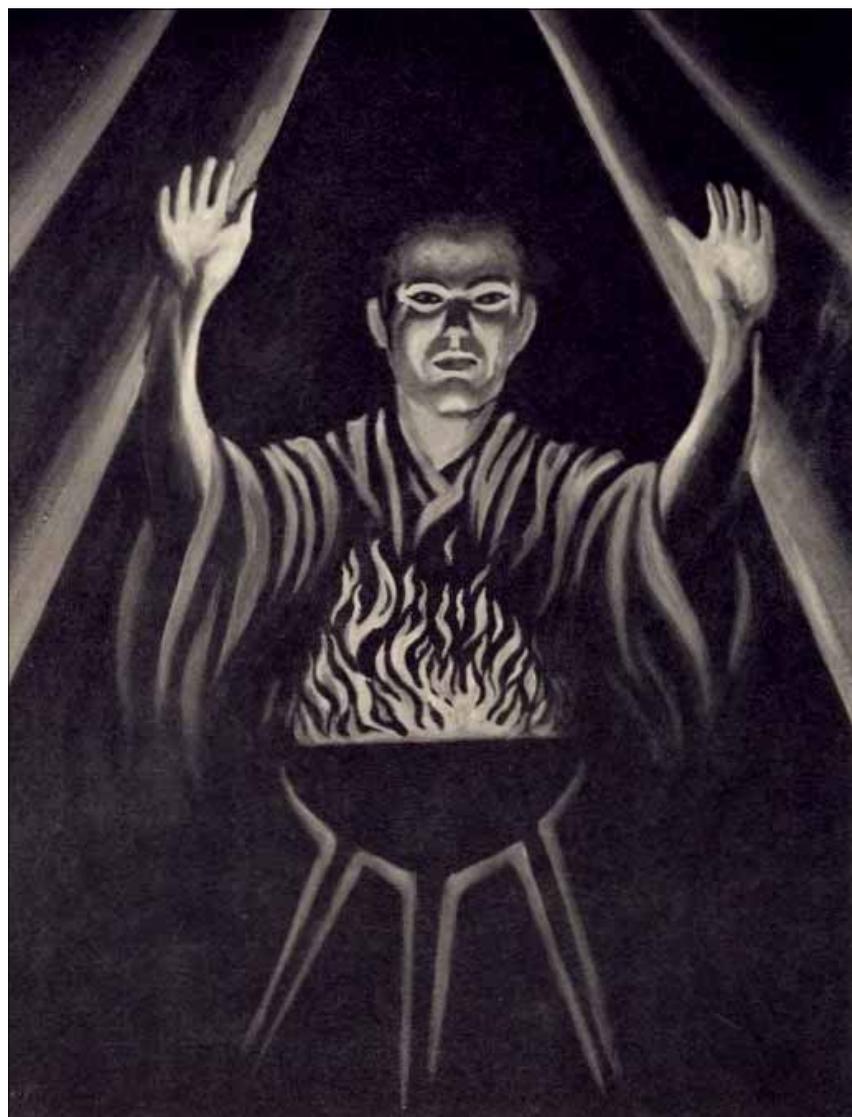
Ромер С.

Ведьино отродье. Пер. с англ. и прим. Е. Янко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 221 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXIV).

Роман «Ведьино отродье» переносит читателя из Оксфорда в Порт-Саид, из шумного лондонского Вест-Энда в душные и мрачные подземелья египетских пирамид. И всюду ученый Брюс Кean и его сын Роберт сталкиваются с ужасающими призраками и чудовищными тварями, порожденными воскресшей магией древности. Сумеют ли они победить? Сможет ли Роберт спасти любимую от козней современного колдуна, вооруженного тайными знаниями Древнего Египта? Ответ – в книге Сакса Ромера, создателя знаменитого доктора Фу Манчу и одного из основоположников жанра оккультного детектива. Роман впервые переводится на русский язык.

© Y. Yanko, перевод, примечания, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

**ВЕДЬМИНО
ОТРОДЪЕ**

От переводчика

Перевод романа Сакса Ромера «Ведьмино отродье» («Brood of the Witch-Queen»), ранее появлявшийся в сетевой версии, представлен в настоящем издании в заново просмотренном и исправленном виде.

Евгения Янко

Предварительное замечание

Удивительные и устрашающие деяния Энтони Феррары, речь о которых пойдет далее, призваны проиллюстрировать, что из себя представляла Магия в том виде, в каком, согласно многочисленным источникам, ее практиковали не только в Древнем Египте, но и в Европе в Средние века. И ни в коем случае силы этого человека не превосходят могущества, каким обладает посвященный во все тайны адепт.

С. Р.

Глава I

Энтони Феррара

Роберт Кean выглянул во двор. Только что показавшаяся луна смягчила суровую красоту старых строений колледжа, подретушировав следы неумолимого времени, заштриховав стрельчатые арки западных галерей и четко обрисовав плющ на древних стенах. Лежащая на обросших лишайником камнях ажурная тень вяза почти скрывала калитку, а где-то впереди, между замысловатой печной трубой и сторожевой башенкой, можно было разглядеть бархатисто переливающийся треугольник — там текла Темза. Именно оттуда дул прохладный ветерок.

Но Кean не смотрел в ту сторону: его взгляд был устремлен в окно напротив, расположенное под самыми трубами. В комнате за окном весело пылал огонь камина.

Кean повернулся к своему товарищу, атлетически сложенному здоровяку, немного смахивающему на быка, который в этот момент деловито исследовал человеческий череп, сверяя свои наблюдения с «Заболеваниями нервной системы» Джеймса Росса¹.

— Сайм, — сказал он, — зачем Феррара всегда зажигает камин, даже в это время года?

Сайм недовольно покосился на говорящего. Кean был высоким худым шотландцем, гладко выбритым, светловолосым, с квадратной челюстью и необыкновенно пронзительными серыми глазами.

— Ты работать не собираешься? — с чувством спросил он. — Я-то думал, ты мне поможешь разобраться с базаль-

¹ Джеймс Росс (1837-1892) — автор первого современного учебника по заболеваниям нервной системы (*Здесь и далее прим. перев.*).

ными ганглиями². Я уже ими занимаюсь, а ты к окошку прилип!

— У Уилсона из дома на углу очень необычный мозг, — абсолютно некстати заявил Кean.

— Неужели! — огрызнулся Сайм.

— Да, в бутылке. Его научный руководитель из Бартса³, мозг вчера прислал он. Тебе надо глянуть.

— Твой-то мозг в бутылке никому не понадобится, — с ухмылкой предрек Сайм и вернулся к своим занятиям.

Кean разжег потухшую трубку и вновь уставился во двор.

— А ведь ты у Феррары никогда не был, да? — опять начал он.

Друг тихонько выругался, дернулся, и череп покотился по полу.

— Слушай, Кean, — разозлился Сайм, — у меня осталась неделя с небольшим, и я жутко нервничаю, меня прямо разрывает на части. Хочешь поболтать, давай. Когда закончишь, я наконец начну работать.

— Идет, — спокойно сказал Кean и бросил Сайму кисет. — Я хочу поговорить о Ферраре.

— Выкладывай. Что там с Феррарой?

— Ну, — ответил Кean, — какой-то он странный.

— Тоже мне новости, — Сайм набивал свою трубку. — Все знают, что он с чудинкой. Но женщины от него тают. Будь он неврологом, давно бы разбогател.

— Ему это не нужно. Он получит все, когда умрет сэр Майкл.

— У него прелестная кухня, знаешь об этом? — лукаво спросил Сайм.

— Знаю, — отрезал Кean и продолжил, — мой батюшка с сэром Майклом близкие друзья, и хотя я с молодым Фер-

² Базальные ганглии, или базальные ядра — комплекс подкорковых нейронных узлов головного мозга.

³ Бартс, или Госпиталь святого Варфоломея — больница в лондонском Сити.

рарой не на короткой ноге, ничего против него не имею. Но... — он замешкался.

— Давай, не молчи, — подбодрил Сайм, но посмотрел на друга несколько странно.

— Это, конечно, глупости, но зачем ему камин в такую жаркую ночь?

Сайм удивился.

— Может, мерзнет, — выдвинул он предположение. — Феррары, пусть и считаются шотландцами, — так ведь? — явно выходцы из Италии...

— Из Испании, — поправил Кean. — Ведут свою родословную от сына Андреа Феррары, оружейника, а он был испанцем. Цезарь Феррара прибыл вместе с армадой в 1588 году. Его корабль затонул у Тобермори⁴, он же выбрался на берег — там и остался.

— Женился на шотландочке?

— Точно. Но вопросы происхождения не имеют ничего общего с привычками Энтони.

— Какими привычками?

— Смотри. — Кean указал в сторону распахнутого окна. — Что он делает весь вечер без свечей, только при свете камина?

— Болеет?

— Чушь! Ты же никогда у него не был, так?

— Верно. У него мало кто бывал из мужчин. Говорю тебе, его женщины любят.

— И что?

— Как что? На него жаловались. Любого другого за такое давно бы выгнали.

— Думаешь, у него есть связи?

— Уверен, что есть.

— Вот видишь, тебе он тоже кажется подозрительным, как и мне, поэтому слушай. Помнишь грозу в четверг? При-

⁴ По некоторым сведениям, осенью 1588 года галеон разбитой Непобедимой армады зашел в бухту Тобермори и там по неизвестной причине загорелся. Существует легенда, что корабль вез золото и был вместе со всей армадой проклят шотландской ведьмой.

шла из ниоткуда.

— Да, от работы меня отвлекала.

— Я под нее попал. Плыл на плоскодонке по заводи, сам знаешь, по *нашей* заводи?

— Лентяй!

— Честно говоря, я обдумывал, не бросить ли медицину и согласиться занять предложенное мне место в «Плэнет».

— Сменить таблетки на чернила, Харли-стрит на Флит-стрит⁵? И что решил?

— Ничего; кое-что произошло, и я забыл, о чем думал.

Комната постепенно наполнялась табачным дымом.

— Было невероятно тихо, — Кеан продолжил рассказ. — В футах от меня проплыла водяная крыса, а на ветку у самого моего локтя сел зимородок. Только-только начало смеркаться, лишь вдаль на реке плескали весла да иногда бился о воду шест — больше ни звука. Я еще подумал, что река как-то неожиданно опустела. Повисла неестественная тишина, после стало непривычно темно. Я так глубоко задумался, что совсем не двигался.

Затем из-за излучины выплыла стая лебедей, с Аполлоном — ты же знаешь Аполлона, их вожака? — во главе. Тьма уже была непроглядная, но я почему-то не удивился. Лебеди проплывали бесшумно, казалось, что это призраки. Сайм, затишье служило лишь к прелюдией к чему-то странному — дьявольски странному!

Кеан вскочил и подошел к столу, попутно сбив череп.

— Просто гроза собиралась, — буркнул Сайм.

— Собиралось что-то совершенно иное! Слушай! Становилось все темнее и темнее, но по необъяснимой причине, хотя я, наверное, должен был слышать раскаты грома, я не мог оторвать глаз от птиц. А потом произошло то, о чем я собирался тебе рассказать. Мне нужно с кем-то поделиться, такое сразу не забывается.

Он вытряхнул пепел из трубки.

⁵ Харли-стрит — улица в Лондоне, на которой расположены многочисленные врачебные кабинеты; Флит-стрит — улица в Лондоне, считающаяся цитаделью британской прессы.

— Продолжай, — кратко поторопил Сайм.

— Большой лебедь, Аполлон, был от меня в трех футах⁶; он плыл один, другие куда-то делись, никто его не трогал. Внезапно он закричал, да так пронзительно, что кровь застыла в жилах, так лебеди не кричат, и поднялся в воздух, расправив огромные крылья. Сайм, он был похож на мятущегося духа; никогда не забуду — он взлетел на шесть футов над водой. Жуткий вопль перешел в сдавленное шипение, и, подняв целый фонтан брызг и окатив меня с головы до ног, бедняга упал. Некоторое время его крылья бились о воду, а потом он перестал двигаться.

— Ну и?

— Остальные лебеди уплыли, бесшумные, как привидения. По листьям деревьев забарабанили капли. Полагаю, я был испуган. Одно крыло Аполлона лежало прямо в моей лодке. Я встал, нет, вскочил, когда все произошло. Наклонившись, дотронулся до крыла. Передо мной лежала мертвая птица! Сайм, я вытянул голову лебедя из воды. Его шея была сломана, не менее трех позвонков раздавлены!

В окно полетело облако табачного дыма.

— Такому лебедю, как Аполлон, можно свернуть шею, Сайм, но все случилось у меня на глазах: рядом совсем никого не было! Я отбросил его и взялся за шест. Разразилась гроза. Гром оглушал, как залпы тысячи пушек. Я что было силы орудовал шестом, лишь бы уплыть из ужасной заводи. Промок до нитки, пока добрался до берега, и сломя голову бросился прочь.

— Ну и? — прозвучало вновь, пока Кean молчал, набивая трубку.

— Я увидел, что в камине Феррары мерцает огонь, и решил зайти. Я не слишком часто посещаю его, но тогда мне подумалось, что неплохо бы растереться перед камельком и выпить стаканчик пунша для поправки. Гроза почти прекратилась, когда я оказался на лестнице. Я только слышал, как где-то вдалеке гремит гром.

⁶ В одном футе приблизительно 30 сантиметров.

Затем из темноты — почти ничего не было видно — вышел кто-то укутанный с ног до головы, с тусклой лампой в руке. Я вздрогнул от ужаса. Это была девушка, довольно симпатичная, но чрезвычайно бледная, с невероятно яркими глазами. Она мельком взглянула на меня, пробормотала, по-моему, извинение и вновь исчезла в своем укрытии.

— Его же предупреждали, — прорычал Сайм. — В следующий раз получит уведомление о выселении.

— Я побежал наверх и постучал в дверь Феррары. Он открыл не сразу, просто крикнул «Кто там?». Я назвалса, он меня впустил и быстро закрыл дверь. Войдя, я почувствовал едкий запах благовоний.

— Благовоний?

— Пахло, как в дацане⁷. Я так ему и сказал. Он ответил, что экспериментировал с *куфи*, египетским благовонием, тем, что курилось в древних храмах. Было темно и жарко — фух! — как в печке. Комнаты Феррары всегда казались мне необычными, но я уже так давно у него не был, что, боже мой, они показались просто отвратительными.

— И что? Феррара ездил в Египет. Что-нибудь привез?

— О да! Всякую дьявольщину! Но это наводит меня на кое-какие мысли. Я знаю о парне побольше остальных. Сэр Майкл Феррара дружит с моим родителем уже тридцать лет, но отец крайне сдержанно, я бы сказал, чрезвычайно сдержанно, относится к Энтони. В любом случае, ты слышал что-нибудь о его поездке в Египет?

— Говорили, что он попал в какие-то неприятности. Но он молод, к тому же обладает чертовски сомнительной репутацией. Так что ничего странного в этом не вижу.

— А в какие неприятности?

— Понятия не имею. Сдается мне, никто толком не знает. Слышал от молодого Эшби, что из Египта Феррару попросили уехать.

— Что-то болтают о Китченере...

— Да, о нем Эшби тоже упоминал, но я не поверил.

⁷ Дацан — буддийский храм.

— Итак, Феррара зажег лампу — она у него такая изысканная, серебряная, и я оказался в подобии музея кошмаров. Там была мумия без покровов, женская — даже не знаю, как ее описать. И картинки — да, фотографии. Не решаюсь рассказать, что на них изображено. Я не слаонервный, но там было такое, что лучше не рассматривать, если не хочешь загреметь в Бедлам⁸. На столе у лампы стояли какие-то предметы, ничего подобного я в жизни не видел, несомненно древние. Он убрал их в шкаф, и я не успел ничего разглядеть. Потом он пошел за полотенцем, домашними туфлями и прочим. Проходя мимо камина, он что-то бросил туда. Была яркая вспышка, но огонь тут же стал ровным.

— Что бросил?

— Не знаю точно, могу лишь предположить. Потом он помог мне снять мокрую одежду, поставил чайник, ну ты понимаешь. Ты ведь представляешь, насколько он может быть очарователен? Но есть в нем что-то неприятное — как бы это сформулировать? — зловещее. Он обычно бледен, а тогда был белее мела, сказал, что выжат как лимон, абсолютно обессилен. На лбу блестели капельки пота.

— Из-за жары?

— Нет, — кратко ответил Кean, — не из-за нее. Я вытерся, надел какие-то брюки. Феррара помешивал грог и притворялся, что рад мне. Я кое-что вспомнил: может, это просто совпадение, но... В комнатах были фотографии, хорошие, он сделал их сам. И я не о чем-то уродливом, отталкивающем, я говорю о пейзажах, девушках, особенно девушках. На странной маленькой подставке под лампой стояла красивейшая фотография Аполлона, лебедя, хозяина заводи.

Сайм со скукой посматривал на друга сквозь табачную дымку.

— Я был в некотором смысле шокирован, — продолжал Кean. — Это подстегнуло интерес к тому, что же он все-та-

⁸ Бедлам, или Бетлемская королевская больница — психиатрическая больница в Лондоне.

ки бросил в огонь. А затем в его фотографическом гареме я увидел изображение девушки, которая, я почти уверен в этом, встретилась мне около лестницы. С другого портрета на меня смотрела Майра Дюкен.

— Его кухня?

— Да. Я даже хотел сорвать карточку со стены. Честно говоря, как только я заметил фотографию, сразу захотел уйти: бежать к себе на квартиру и не медля сбросить с тела одежду, которую дал мне этот человек! Мне с трудом удавалось держаться в рамках приличий. Сайм, если бы ты видел, как умер этот лебедь...

Сайм подошел к окну.

— Я начинаю разделять твои страшные подозрения, — проговорил он. — В последний раз за такое вышвыривали из университета, насколько я помню, в шестнадцатом веке: доктора Ди⁹ попросили покинуть Сент-Джонс колледж в Кембридже.

— Знаю. Конечно, все звучит так нелепо. Но я должен кому-то довериться. Что ж, мне пора.

Сайм кивнул, глядя в открытое окно. Кean закрывал дверь, когда друг окликнул его:

— Раз уж ты подумываешь стать литератором и ничем сейчас не занят, ты мог бы, наверное, заскочить к Уилсону и одолжить тот мозг для меня.

— Хорошо, — крикнул Кean в ответ.

Во дворе он немного задержался, задумавшись. Затем, словно приняв неожиданное решение, поспешил к воротам и начал подниматься по лестнице дома Феррары.

Некоторое время он безуспешно стучал в дверь, но характер его отличался настойчивостью, а кулаки — силой: дверь открыли.

Перед Робертом Кeanом стоял Энтони Феррара. На нем был серебристо-серый халат на лебяжьем пуху — на этом фоне словно выточенная из слоновой кости шея напоми-

⁹ Джон Ди (1527-1608/9) – английский математик, астроном, оккультист, алхимик и астролог, один из образованнейших людей своего времени.

нала об античных скульптурах. Черные, как безлунная ночь, миндалевидные глаза странно сверкали под невысоким гладким лбом. По сравнению с ними прямые темные волосы выглядели блеклыми. Губы были неестественно красны. Неуловимая женоподобность его облика отталкивала.

— Войти можно? — резко потребовал Кean.

— Что-то важное? — голос Феррары был хрипловат, но не лишен приятности.

— Ты что, занят?

— Как бы тебе сказать, — Феррара странно улыбнулся.

— Посетитель? — Кean шел напролом.

— Не совсем.

— Что и объясняет твою неторопливость, — заметил Кean, собираясь уходить. — Видно, ты принял меня за проктора¹⁰. Спокойной ночи!

Феррара не ответил. Кean не оглядывался, но чувствовал, что Энтони все еще стоит, облокотясь на перила, и смотрит ему вслед. Этот взгляд, как пламя, прожигал затылок.

¹⁰ Проктор — официальное лицо, надзиратель при университете.

Глава II

Призрачные руки

Через неделю Роберт Кean покинул Оксфорд, чтобы занять предложенное ему место в лондонской газете. Но провидение, вероятно, имело свои планы на молодого человека: в понедельник ему позвонил Сайм и рассказал о необычном случае в одной из больниц.

— Уолтон там хирург-интерн, — сказал он, — он проведет тебя, чтобы ты осмотрел пациентку. Она, вне всякого сомнения, умерла от какого-то редкого нервного заболевания. У меня есть теория, что... — дальше пошли профессиональные подробности.

Кean поехал в больницу, и там, благодаря любезности Уолтона, которого знал еще по Оксфорду, его допустили к осмотру тела.

— Симптомы, заинтересовавшие Сайма, — объяснял хирург, снимая простыню с лица умершей, — это...

Он прервался: Кean неожиданно побледнел и упал бы, если бы не схватился за Уолтона.

— Боже мой!

Кean, не отпуская хирурга, склонился над бескровным лицом. Когда девушка была жива, ее можно было назвать милостивой, но сейчас черты жутко исказились. По обеим сторонам шеи в области гортани белели огромные пятна.

— Что, черт побери, с вами такое? — забеспокоился Уолтон.

— На какую-то секунду мне показалось, — выдохнул Кean, — что я ее знал.

— Правда? Надеюсь, вы не ошиблись. Нам о ней ничего не известно. Посмотрите внимательнее.

— Нет, — ответил Кean, с трудом взяв себя в руки, — просто случайное сходство, не более, — и вытер пот со лба.

— Вы едва не упали в обморок, — заметил Уолтон. — Она похожа на кого-то из ваших близких знакомых?

— Ничуть, особенно сейчас, когда я ее разглядел, но поначалу я испытал шок. Господи, какова причина смерти?

— Асфиксия, — коротко ответил Уолтон. — Разве не видно?

— Кто-то ее задушил, и сюда привезли уже мертвое тело?

— Ничего подобного, приятель. Никто ее не душил. Ее доставил в критическом состоянии четыре или пять дней назад какой-то священник из трущоб — они всегда подкидывают нам работку. Мы диагностировали крайнее истощение и прочие осложнения. До вчерашнего вечера она шла на поправку, почти восстановилась. Но вдруг около часа ночи вскочила в постели и упала обратно в подушки, задыхаясь. Когда подбежала медсестра, все было кончено.

— А следы на горле?

Уолтон лишь пожал плечами.

— Сами видите! Все очень заинтересовались случаем. Он абсолютно уникален. Молодой Шоу, склонный все сводить к нервной системе, сразу отослал длинный отчет Сайму — тот страдает от того же заблуждения, — усмехнулся хирург.

— Да, Сайм позвонил мне.

— Но с нервами это не связано, — презрительно заключил Уолтон. — Не просите объяснений, но это уж точно не психическое.

— Но кто-то из пациентов...

— Дорогой мой, все крепко спали. Сестра сидела за столиком в углу и все время видела кровать. Никто до девушки не дотрагивался!

— Как быстро сиделка добежала до нее?

— Не прошло и минуты. Но мы не знаем, когда начался припадок. Возможно, девушка вскочила в самом конце, а не в начале приступа.

Кеан почувствовал потребность выйти на свежий воздух, словно над телом несчастной жертвы собралось удушье.

ливое злое облако. Его голову переполняли странные мысли, жуткие мысли, основанные на безумных догадках.

Уходя из больницы, хранящей мрачную тайну, он на миг остановился у ворот, не зная, что делать дальше. Его отца, доктора Кеана, не было в Лондоне — иначе в мучительной попытке понять, что происходит, он сразу бы отправился к нему.

«Что же за этим стоит?» — спрашивал он себя.

Одно он знал наверняка: та, что лежит сейчас в морге, и та, кого он встретил ночью в Оксфорде, — это девушка с фотографии в квартире Феррары!

В голову пришло неожиданное решение. Мимо как раз проезжало такси, он остановил машину и назвал адрес сэра Майкла Феррары. Мысли путались, и страшные подозрения не давали покоя, хотя он гнал их от себя, как мог. Тьма уже накрывала Лондон, как тогда — в заводи на Темзе. Он вздрогнул, будто от настоящего холода.

Дом известного египтолога, белеющий за пышными кронами деревьев, выглядел как обычно, хотя Кean и смотрел на него с тревогой. Он сам не понимал, чего опасается, и тем более не сумел бы выразить это.

Сэр Майкл, сообщил слуга, плохо себя чувствует и никого не принимает, что не удивило Роберта: с тех пор, как ученый переболел в Сирии малярией, здоровье его пошатнулось. Но мисс Дюкен была дома.

Кеана провели в узкую комнату с довольно низким потолком и обширной коллекцией бесценных реликвий мертвых цивилизаций. Стройными рядами стояли на полках тома, благодаря которым имя самого выдающегося египтолога Европы было известно всему просвещенному миру. Эта странно меблированная комната была знакома Кеану с детства и хранила сонмы воспоминаний, но в последнее время всегда являлась ему в грезах как фон для стройной фигурки. Именно здесь он впервые встретил Майру Дюкен, племянницу сэра Майкла, когда она, только что вернувшись из католического монастыря, осветила своим присутствием мрачную обитель старого книгочея. Он часто думал об этом дне, в мельчайших подробностях припоминая первую встречу...

Тяжелые портьеры арочного входа отодвинулись, и вошла Майра Дюкен. Справа от изящной девушки стоял гранитный Осирис¹¹, слева — позолоченный саркофаг. Она же, лучшащееся видение, одетое во все белое, бросилась к гостю. Девушка остановилась перед лампой, и свет, проходящий через мягкие русые волосы, был похож на нимб, обрамляющий самое красивое, по мнению Роберта Кеана, лицо на свете.

— Вы здесь, мистер Кеан, — сказала она и очаровательно залилась румянцем, — а мы начали думать, что вы нас забыли.

— Ничего подобного, — ответил он, пожимая протянутую руку. Что-то в его голосе и манере заставило девушку опустить ясные серые глаза. — Я в Лондоне всего несколько дней и с удивлением обнаружил, что работа в газете отнимает больше времени и усилий, чем я ожидал.

— Вам действительно надо повидаться с дядюшкой? — спросила Майра.

— Вообще-то да. Но, по-моему, он не в состоянии принять меня...

Майра покачала головой. Радостное выражение лица омрачилось. Кеан даже забеспокоился: она была бледна, под глазами темнели круги.

— Сэр Майкл серьезно болен? — быстро спросил он. — Только один из видимых симптомов...

— Да, по крайней мере, все началось с одного из них.

Она замешкалась, и Роберт, к своему отчаянию, увидел, что девушка плачет. Опекун нездоров, она совершенно одна, рядом нет даже друга, способного выслушать и развеять ее страхи, — молодой человек внезапно ощутил весь ужас сложившейся ситуации.

— Вы очень утомлены, — мягко заметил он. — Вы не уходили от его постели?

Она кивнула, пытаясь улыбнуться.

— Кто с ним сейчас?

¹¹ Осирис, или Озирис — бог возрождения, владыкя загробного мира в древнеегипетской мифологии.

- Сэр Элвин Гроувз, но...
- Мне послать телеграмму отцу?
- Мы уже телеграфировали ему вчера.
- Что? В Париж?
- Дядюшка настаивал.

Кеан вздрогнул.

— То есть он сам полагает, что заболевание серьезное?
— Сложно сказать, — устало ответила Майра. — И он странно себя ведет: никого не пускает в комнату, я едва его уговорила принять сэра Элвина. И еще, за последнее время уже дважды, он просыпался среди ночи и кое о чем просил.

— О чем же?
— Просил позвать утром поверенного. И говорил со мной так резко, почти с... ненавистью.

— Не понимаю. Вы исполнили его просьбу?
— Да, и каждый раз, когда юрист приезжал, он отказывался его принять!

— Полагаю, вы у него и ночная сиделка?
— Я сплю в соседней комнате, по ночам ему всегда хуже. Возможно, у меня начинают пошаливать нервы, но прошлой ночью...

Она опять замолчала, словно сомневаясь, стоит ли продолжать, но, бросив взгляд на Кеана и прочитав в его глазах неподдельное беспокойство, решила рассказать все.

— Я спала и, наверное, мне что-то снилось, потому что мне показалось, будто где-то рядом произносили заклинание.

— Заклинание?
— Да, было очень страшно. Потом стало невыносимо холодно, словно ледяной дух овеял меня своими крылами. Как бы описать это чувство? Все тело онемело, думаю, нечто подобное ощущают бедные путешественники, когда поддаются искушению и засыпают в снегу.

Кеан с тревогой смотрел на нее: рассказанное походило на симптомы опасного заболевания.

— Мне удалось проснуться, — продолжала она, — но я почему-то ужасно испугалась одной мысли о том, что нуж-

но зайти в дядину комнату. Я слышала, как он что-то невнятно бормочет, и заставила себя переступить порог. И увидела — боже, если я расскажу, вы сочтете меня сумасшедшей!

Она закрыла лицо руками и задрожала. Роберт развел ее руки и заставил поднять глаза.

— Продолжайте, — спокойно сказал он.

— Шторы были распахнуты, хотя я отчетливо помню, как задергивала их, но теперь они не закрывали окно — и лунный свет падал на кровать.

— Плохо. Должно быть, ему снились кошмары.

— Но приснилось ли *мне*? Мистер Кеан, над моим дядюшкой простерлись две руки, и они медленно двигались то вверх, то вниз, озаряемые луной!

Кеан вскочил и прижал ладонь ко лбу.

— Продолжайте, — сказал он.

— Я — я закричала, но не громко, я чуть не упала в обморок. Руки отдернулись в тень, дядя проснулся и сел. Он тихо спросил, здесь ли я, и я подбежала к нему.

— Дальше.

— Он очень холодно приказал мне вызвать поверенного к девяти утра, а после лег и тут же заснул. Поверенный приходил и пробыл у него около часа. Затем отослал за своим помощником. Оба покинули дом в половине одиннадцатого. С тех пор дядя словно под гипнозом. Он лишь однажды пришел в себя и просил позвать доктора Кеана. Я сразу отправила телеграмму.

— Отец будет здесь сегодня вечером, — уверенно сказал Роберт. — Опишите руки, которые вы видели. Было ли в них что-то необычное?

— В лунном свете они казались неестественно белыми. На одном пальце — кольцо, зеленое. Ах! — она вздрогнула. — Как сейчас вижу.

— Сможете его узнать?

— Без сомнения!

— В комнате, конечно же, никого не было?

— Никого. Жуткое видение, никогда его не забуду.

Глава III

Кольцо Тота

Все стихло на Хаф-Мун-стрит; полчаса назад пробило двенадцать, но Роберт Кean все еще мерил шагами отцовскую библиотеку. Он был очень бледен. Взгляд его то и дело возвращался к раскрытой на столе книге. Наконец он поднял книгу и еще раз прочитал взбудоражившие его отрывки.

«В 1571 году на Гревской площади казнили печально известного Труа-Эшеля¹². Пред лицом короля Карла IX он признался... что накладывал чары... Присутствовавший на казни Адмирал де Колиньи¹³ вспоминал... смерть двух аристократов... Он добавил, что тела их были найдены черными и раздувшимися».

Дрожащей рукой он перевернул страницу.

«Знаменитый маршал д'Анкр, Кончино Кончини¹⁴, — читал он, — был убит pistolетным выстрелом на подъемном мосту при входе в Лувр гвардейским капитаном Витри 24 апреля 1617 года... Было доказано, что маршал с женой колдовали с помощью восковых фигурок, которые держали в гробах...»

Кean поспешно захлопнул книгу и вновь начал ходить по комнате.

— Но это же совершенно невероятно, — простонал он. — И все же я собственными глазами видел...

¹² Ринальдо де Труа-Эшель — французский колдун времен Карла Девятого. Его казнь описывается в книге Жана Бодена «Демономания колдунов».

¹³ Гаспар де Колиньи (1519-1572) — французский государственный деятель, один из вождей гугенотов в эпоху Религиозных войн во Франции.

¹⁴ Кончино Кончини (1575-1617) — итальянский авантюрист, фаворит французской королевы Марии Медичи.

Он подошел к полке, пытаясь найти книгу, которая, насколько он знал, может пролить свет на покрытую мраком тайну. Но не нашел. Несмотря на жару, казалось, что в библиотеке стало значительно холоднее. Он позвонил в колокольчик.

— Марстон, — обратился он к пришедшему слуге, — вы наверняка очень устали, но доктор Кean прибывает через час. Скажите ему, что я отправился к сэру Майклу Ферраре.

— Но уже за полночь, сэр!

— Знаю. Тем не менее, я уйду.

— Хорошо, сэр. Вы собираетесь подождать доктора там?

— Верно, Марстон. Спокойной ночи.

— До свидания, сэр.

Роберт Кean вышел на Хаф-Мун-стрит. Погода стояла замечательная, бриллианты звезд усыпали безоблачное небо. Молодой человек сосредоточенно шагал, не замечая ничего вокруг. В душе росла ужасная убежденность, что какая-то таинственная угроза, какая-то непостижимая опасность нависла над Майрой Дюкен. Что он подозревал? Не мог объяснить. Как он будет действовать? Не имел понятия.

Сэр Элвин Гроувз, которого он видел в тот вечер, намекнул на психическое расстройство, постигшее сэра Майкла Феррару. Знаменитый врач утверждал, что утром египтолог общался с поверенным, но к вечеру абсолютно забыл об этом.

— Пусть это останется между нами, — поделился сэр Элвин. — По-моему, он изменил завещание.

Оклик водителя такси прервал размышления Кеана. Он сел в автомобиль и назвал адрес сэра Майкла.

Мысли Роберта неизменно возвращались к Майре Дюкен: сейчас она лежит, ловя каждый звук из комнаты больного, говоря себе, что обязана позаботиться об опекуне, пытается перебороть страх — страх перед призрачными руками. Такси двигалось по практически безлюдным улицам и наконец, завернув за угол, въехало в обсаженную деревьями аллею, миновало три или четыре здания, освещенных

лишь лунным мерцанием, и остановилось перед домом сэра Майкла Феррары.

В доме горели огни. Передняя дверь была распахнута, и свет падал на крыльцо.

— Боже мой, — закричал Кеан, выскакивая из машины.

— Боже мой, что произошло?

Тысячи страхов и упреков зароились в голове, сводя с ума. Он взбежал по ступеням и у входа чуть не столкнулся с полуодетым слугой.

— Фелтон, Фелтон, — хрипло прошептал он, — что случилось? Кто?..

— Сэр Майкл, сэр, — ответил мужчина. — Я думал... — он не справился с голосом, — что вы доктор, сэр.

— А мисс Майра?

— Без чувств, сэр. Миссис Хьюм с ней в библиотеке.

Кеан, отстранив слугу, бросился в библиотеку. Домоправительница и перепуганная горничная склонились над полностью одетой Майрой Дюкен; недвижная и бледная, она лежала на кожаном диване. Без лишних церемоний Кеан схватил ее запястье и, упав на колени, приложил ухо к бездыханной груди.

— Слава богу, — сказал он. — Просто обморок. Присмотрите за ней, миссис Хьюм.

Домоправительница, не изменив выражения лица, качнула головой, но не проронила ни слова. Кеан вернулся в холл и тронул Фелтона за плечо. Слуга вздрогнул.

— Что произошло? — вновь спросил Роберт. — Сэр Майкл?..

Фелтон кивнул.

— За пять минут до вашего прихода, сэр, — голос звучал хрипло от переполнявших его эмоций. — Мисс Майра вышла из своей комнаты. Ей показалось, будто ее позвали. Она постучалась к миссис Хьюм, которая как раз ложилась спать. Ей тоже почудилось, что кто-то зовет мисс Майру с лестничной площадки.

— Ну и?

— Там никого не было, сэр. Все уже спали. Я сам раздевался в это время. Но в доме витал какой-то слабый аромат — пахло, как в церкви, только противно, сэр.

— Противно? Вы сами чувствовали запах?

— Нет, сэр. Миссис Хьюм и мисс Майра несколько раз замечали его по ночам. Одна горничная утверждала, что тоже чувствовала его. Говорят, прошлой ночью запах был особенно силен. А когда они стояли у двери, сэр, услышали жуткий сдавленный крик. Обе поспешили в комнату сэра Майкла и...

— Да, продолжайте.

— Он свесился с кровати, сэр...

— Умер?

— Похоже, его задушили, мне так сказали, и...

— Кто с ним сейчас?

Фелтон побледнел еще больше.

— Никого, мистер Кеан, сэр. Мисс Майра кричала, что от его горла отдернулись две руки, когда они с мисс Хьюм вбежали, и что в комнате не было ни души, сэр. Я сам ничего не видел. Мы боимся заходить туда!

Кеан повернулся и быстро поднялся по лестнице. Верхняя площадка была темна, а дверь комнаты сэра Майкла широко распахнута. Когда он вошел, ноздрей коснулся легкий запах. Он ненадолго замер на пороге, ощутив сверхъестественный ужас.

Кровать стояла между окнами. Одна занавеска была отдернута, и комнату заливал лунный свет. Кеан вспомнил, что подобное обстоятельство было упомянуто в рассказе Майры о переполохе предыдущей ночью.

«Бог ты мой, кто же мог распахнуть шторы?!» — проворкотал он.

В холодном белом свете Роберт увидел распростертого сэра Майкла: серебристые волосы словно сияли, угловатое волевое лицо смотрело на всепроникающее ночное светило. Остекленевшие глаза вылезли из орбит, кожа почернела, скрюченные смертью пальцы сжимали простыни. Кеану понадобилось все мужество, чтобы заставить себя дотронуться до ученого.

Без сомнений, он был мертв.

На лестнице послышались шаги. Ошеломленный Кean повернулся, ожидая увидеть местного врача. Но в комнату вбежал его отец и тут же включил свет. Обычно румяное лицо доктора приобрело сероватый оттенок. Он едва обратил внимание на сына.

— Феррара! — повторял он, подходя к кровати. — Феррара!

Он опустился на колени рядом с мертвецом.

— Феррара, дружище!

Он всхлипнул. Роберт Кean, задыхаясь от слез, покинул комнату и спустился вниз.

В холле уже собрались слуги во главе с Фелтоном.

— Как мисс Дюкен?

— Пришла в себя, сэр. Миссис Хьюм отвела ее в одну из спален.

Кean замешкался и затем направился в опустевшую библиотеку, где все еще горел свет. Он шагал туда-сюда по комнате, сжимая и разжимая кулаки. Через некоторое время постучался и вошел Фелтон. Он явно был рад возможности поговорить.

— Только что позвонили мистеру Энтони в Оксфорд, сэр. Я думаю, вы должны знать об этом. Он уже едет, сэр, и прибудет в четыре.

— Спасибо, — коротко ответил Кean.

Через десять минут к нему присоединился отец. Это был стройный, хорошо сохранившийся мужчина с живыми глазами и решительными движениями — хотя от сына не ускользнуло, что он постарел лет на пять от произошедшего. Лицо его неестественно побледнело, но других признаков волнения он не выказывал.

— Ну, Роб, — резко сказал он, — вижу, у тебя есть чем со мной поделиться. Я слушаю.

Роберт Кean облокотился о книжный шкаф.

— У меня *есть* что рассказать вам, сэр, и есть о чем спросить.

— Сначала история, потом вопрос.

— Мой рассказ начинается в заводи на Темзе...

Доктор Кean сделал недовольное лицо, но сын все же начал в мельчайших деталях описывать смерть царственного лебедя. Потом он перешел к рассказу о том, что увидел в квартире у Энтони Феррары, и добрался до момента, когда Феррара что-то бросил в камин.

— Пстой! — произнес доктор Кean. — Что это было?

Ноздри доктора трепетали, глаза горели, выдавая с трудом скрывааемые чувства.

— Не уверен, сэр, но...

— Хорошо. Что, *по твоему мнению*, он бросил в огонь?

— Статуэтку из воска или похожего материала, изображающую лебедя.

В это мгновение, несмотря на всю свою выдержку, доктор Кean так сильно побледнел, что сын сразу подскочил к нему.

— Я в порядке, Роб, — отец отстранил молодого человека и, повернувшись, медленно побрел в глубь комнаты. — Продолжай, — хрипло попросил он.

Роберт рассказал все, вплоть до посещения больницы и осмотра мертвой девушки.

— Ты уверен, что это была девушка с фотографии в квартире Энтони и что именно она встретила тебя у лестницы?

— Абсолютно, сэр.

— Рассказывай дальше.

Молодой человек продолжил и дошел до истории Майры Дюкен о призрачных руках и упоминания Фелтона о странном запахе в доме.

— Кольцо, — перебил доктор Кean, — она узнает его, если увидит?

— Говорит, что да.

— Что-нибудь еще?

— Если верить вашим книгам, сэр, Труа-Эшель и д'Анкp были умерщвлены за подобное во времена менее просвещенные!

— Менее просвещенные, мальчик мой! — Доктор Кean посмотрел на него горящими глазами. — Как раз *более* просвещенные, если говорить о силах ада!

— Иначе говоря, вы полагаете...

— *Полагаю!* Разве зря я посвятил полжизни изучению этой науки? Ездил с несчастным Майклом Феррарой в Египет, чтобы *ничего* узнать? Боже праведный! Каков конец его трудов! Какова награда за мои усилия!

Он закрыл лицо дрожащими руками.

— Не очень понимаю, о чем вы, сэр, — сказал Роберт Кean, — поэтому и хочу задать вопрос.

Доктор Кean молчал и не двигался.

— *Кто такой Энтони Феррара?*

На этот раз доктор взглянул на сына, отведя руки от изможденного лица.

— Ты уже как-то спрашивал об этом.

— И задаю этот вопрос сейчас, сэр, надеясь все же получить ответ.

— Нет, я не могу ответить на него, Роб.

— Почему, сэр? Вы поклялись молчать?

— В каком-то смысле, да. Но истинная причина заключается в том, что я и сам не знаю.

— Не знаете?

— Ты не ослышался.

— Боже мой, сэр, вы удивляете меня! Я никогда не сомневался в том, что Феррару усыновили, но все же мне в голову не приходило, что вам ничего не известно о его происхождении.

— Ты не изучал всего того, что довелось изучать мне; и не надо тебе этого. Тем не менее, здесь и кроется причина, по которой я не могу беседовать с тобой на данную тему. Но, возможно, я расскажу кое-что о Труа-Эшеле и Кончино Кончини. Насколько я понял, ты пытался разыскать в моей библиотеке какую-то книгу, но не нашел?

— Я искал «Папирус Харриса» в переводе месье Шаб¹⁵.

— Что ты о нем знаешь?

¹⁵ Франсуа-Жозе Шаб (1817-1882) – французский египтолог, работал над переводом древнеегипетского трактата, известного как «Магический папирус Харриса».

— Как-то видел эту книгу в квартире Феррары.

Доктор Кеан слегка вздрогнул.

— Вот как! Экземпляр из моей библиотеки должен быть здесь. Я недавно одолжил его... сэру Майклу. Вероятно, он где-то на полках.

Он включил еще одну лампу и начал осматривать ряды книг.

— Нашел, — сказал он и, положив том на стол, раскрыл его. — Вот этот отрывок заинтересует тебя. — Он указал на абзац пальцем.

Сын склонился над книгой и прочел:

«Хай, порочный человек, был пастухом. Однажды он сказал: “О, если бы у меня была магическая книга, дарующая неограниченное могущество!” И обрел он книгу Заклинаний... Божественными силами стал он зачаровывать людей. Приобрел он склеп глубоко под землей и снабдил нужной утварью. И делал там фигурки людей и приворотные амулеты. И совершил страшные злодеяния».

— Флиндерс Питри¹⁶, — сказал доктор Кеан, — упоминает «Книгу Тота¹⁷» как еще один магический источник, дающий подобные силы.

— Но, сэр, в конце концов, сейчас двадцатый век — это же просто суеверия!

— Я тоже считал так — *когда-то*, — ответил доктор. — Но со временем узнал, что египетская магия реальна и могущественна. Большая ее часть основана на своего рода гипнозе, но есть и иное знание. Все наши современные ученые труды — детские сказки по сравнению с такими сочинениями, как египетская «Книга мертвых». Помилуй меня господь! Что же я наделал!

— Вам не в чем себя упрекнуть, сэр.

— Разве? — прохрипел доктор Кеан. — Ах, Роб, ты ничего не знаешь!

¹⁶ Уильям Мэтью Флиндерс Питри (1853-1942) — британский археолог, один из основоположников современной египтологии, разработал методологию датировки доисторических событий.

¹⁷ Тот — древнеегипетский бог мудрости и знаний.

В дверь постучали, и вошел семейный врач.

— Это очень специфический случай, доктор Кеан, — неуверенно начал он. — Осмотр тела...

— Чушь! — возразил доктор Кеан. — Сэр Элвин Гроувз предвидел такой исход. Я тоже его не исключал.

— Но с обеих сторон горла явные следы сдавливания...

— Конечно. Такие следы естественны при подобном заболевании. Сэр Майкл долгое время жил на Востоке и там переболел особой формой чумы. Он умер именно от ее последствий. Она очень заразна, и ее нельзя окончательно излечить. На этой неделе в одной из больниц скончалась девушка: на ее шее были точно такие же следы. — Он обратился к сыну: — Ты ведь ее видел, Роб?

Роберт Кеан кивнул, и наконец медик ушел: он был заинтригован, но не осмелился спорить с таким светилом, как доктор Брюс Кеан. Сам же знаменитый врачеватель расположился в кресле, оперев подбородок о ладонь левой руки. Роберт Кеан беспокойно метался по библиотеке. В половине третьего Фелтон принес поднос с закусками, но никто к ним не притронулся.

— Как мисс Дюкен? — спросил Роберт.

— Только что заснула, сэр.

— Хорошо, — пробормотал доктор Кеан. — Блаженна молодость.

После ухода слуги вновь повисла тишина, прерываемая лишь редкими репликами. Мужчины не прекращали о чем-то напряженно размышлять. Примерно без пятнадцати три доктор Кеан встал, услышав отдаленный рокот мотора. Он посмотрел в окно. Уже забрезжил рассвет. Вдоль по аллее с ревом пронесся автомобиль и встал у дома.

Отец и сын переглянулись. В холле зашумели, быстро перекинулись парой слов, потом раздались шаги на лестнице, и все смолкло. Доктор и Роберт стояли бок о бок у незажженного камина, изможденная пара, подходящий антураж для унылой комнаты, где желтоватый свет ламп отступал перед первыми лучами зари.

Потом медленно и аккуратно открылась дверь, и вошел Феррара.

Его лицо цвета слоновой кости не выражало никаких чувств, алые губы были плотно сжаты, голова опущена. Но продолговатые черные глаза мерцали, словно отражая жар горнила. Он все еще не снял теплую куртку, отороченную мехом леопарда, и лишь теперь стягивал толстые перчатки.

— Как хорошо, доктор, что вы меня дождались, — сказал он хрипловатым, но мелодичным голосом, — и ты тоже, Кean, — и сделал несколько шагов вперед.

Роберт был немного напуган, но больше всего ему хотелось взять что-нибудь потяжелее и ударить этим между змеиных глаз коварного женоподобного создания. Он с видимым усилием заговорил.

— Энтони Феррара, — сказал он, — читал ли ты «Папирус Харриса»?

Феррара выронил перчатку, нагнулся и с еле заметной улыбкой поднял ее.

— Нет, — ответил он. — А ты? — Его блестящие глаза сузились. — Но, конечно, — продолжил он, — сейчас не время обсуждать книги, Кean. Как наследник моего бедного отца и, следовательно, хозяин дома, я бы попросил тебя проявить...

Его отвлек шорох. В дверях стояла Майра Дюкен: розовые лучи зари, лившиеся в окна библиотеки, нежно касались ее. На девушке все еще был халат, волосы растрепались, босые ножки белели на красном ковре. Глаза были широко открыты: пустым взглядом она смотрела на левую руку Феррары, с которой тот успел снять перчатку.

Энтони медленно повернулся к Майре, встав спиной к Кеанам. Она заговорила. Слова звучали ровно и бесцветно, палец указывал на кольцо Феррары.

— Теперь я все про тебя поняла, — сказала она, — разглядела тебя, сын порочной женщины: ты носишь ее кольцо, священное кольцо Тота. Ты запятнал его кровью, как это сделала до тебя она, кровью тех, кто любил тебя и доверял тебе. Я могла бы сказать, кто ты, но мои губы запечатаны. Я бы сказала, кто ты, ведьмино отродье, убийца, потому что мне все известно.

Она механически излагала свои дикие обвинения, не проявляя ни малейшего признака страсти. За ее плечом показалась взволнованная миссис Хьюм и прижала указательный палец к губам.

— Боже мой! — бормотал Кean. — Боже мой! Что...

— Тсс! — Отец схватил его за руку. — Она спит!

Майра Дюкен повернулась и вышла из комнаты, сопровождаемая встревоженной миссис Хьюм. Энтони Феррара поглядел на мужчин. Его губы скривились.

— Ее беспокоят странные сны, — просипел он.

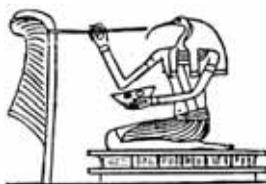
— Провидческие сны! — впервые доктор Кean обратился к нему. — И не надо на меня смотреть так свирепо, потому что, не исключено, я тоже знаю про тебя все! Пойдем, Роб.

— Но Майра...

Доктор Кean положил руку на плечо сына и посмотрел ему в глаза.

— В этом доме ничто не причинит боли Майре, — спокойно произнес он, — ибо Добро превышает Зла. А сейчас мы можем только уйти.

Энтони Феррара посторонился, и они вышли из библиотеки.

Глава IV

В квартире у Феррары

Когда в кабинет неожиданно вошел Роберт, доктор Брюс Кean развернулся на стуле и поднял густые брови в немом вопросе. Хаф-Мун-стрит была залита почти тропическим солнечным светом, но знаменитый терапевт в этот ясный день уже успел распрощаться с теми, для кого небо затянулось тучами и кого больше не радует дневное светило. В соседней комнате с волнением ожидала осмотра еще одна группа несчастных.

— Привет, Роб! Ты ко мне как к врачу?

Роберт присел на угол большого стола и отрицательно покачал головой.

— Нет, спасибо, сэр, я вполне здоров, но, по-моему, вы захотите услышать о завещании...

— Уже слышал. Так как там упоминалось и мое имя, Джермин известил меня, но неотложный случай помешал присутствовать. Поэтому он позвонил мне сегодня утром.

— Понимаю. Значит, я просто теряю ваше время, но я удивился... приятно удивился, когда узнал, что сэр Майкл оставил наследство Майре — мисс Дюкен.

Взгляд доктора Кеана стал серьезен.

— А что заставило тебя думать, что он *ничего* не оставит своей племяннице? Она сирота, он был ее опекуном.

— Конечно, в этом нет ничего необычного, но не один я предполагал, что, находясь перед смертью в определенном душевном состоянии, он изменил завещание...

— В пользу приемного сына Энтони?

— Да, я знаю, что и *вы* этого опасались, сэр. Но выяснилось, что они наследуют в равных долях, а дом остается Майре. Мистер Энтони Феррара, — он произнес это имя с особой интонацией, — даже не смог скрыть досаду.

— В самом деле?

— Точно. Он лично присутствовал при оглашении завещания, опять закутался в одну из своих шуб — подумать только, ведь на улице настоящая Африка! На сей раз шуба была из виверры¹⁸, подумать только!

Доктор Кean постукивал по промокательной бумаге стетоскопом.

— Жаль, что ты так относишься к молодому Ферраре, Роб.

Роберт вздрогнул.

— Вам жаль? Не понимаю. Вы ведь сами прилюдно порвали с ним, когда умер сэр Майкл.

— И все же мне жаль. Сам знаешь, сэр Майкл поручил мне заботу о своей племяннице.

— И слава богу!

— Я тоже рад, хотя дело весьма непростое. Более того, он вменил мне в обязанность...

— Присматривать за Энтони. Да, да, но он же не знал, что из себя представляет этот человек!

Доктор Кean повернулся к сыну.

— Не знал. По божьему благословению, он так и не узнал того, что открылось нам. Но, — отец пристально посмотрел в глаза Робу, — обязанность не стала от этого менее значимой, мальчик мой!

Молодой человек был в замешательстве.

— Но он же...

Доктор поднял палец, и слова замерли на губах сына.

— Я все понимаю, Роб, даже лучше тебя. Разве ты не видишь, как обещание связывает мне руки и заставляет молчать?

Роберт онемел, не зная, как реагировать.

— Дай мне время обдумать, что делать дальше, Роб. Признаю, что в данный момент я не могу примирить свою совесть с возложенными на меня обязанностями. Но дай мне время. Если можешь — только как формальность, тонкий политический ход, — не порывай с Феррарой. Ты его

¹⁸ Виверровые — семейство млекопитающих хищников, обликом напоминают кунных и кошачьих.

не любишь, я знаю, но мы *должны* следить за ним! Есть и другие причины...

— Майра! — догадался Роберт и покраснел. — Да, понимаю. Вы правы. Но, господи, как же это тяжело.

— Советуйся со мной. На хитрость отвечай хитростью. Мальчик мой, мы видели, что тот, кто встает у него на пути, умирает таинственной смертью. Если бы ты изучал то, что изучал я, ты бы знал, что расплата, пусть и нескорая, неизбежна. Будь начеку. Я тоже приму меры предосторожности. Я не отрицаю, у нас есть враг, и действует он при помощи невиданного оружия. Возможно, я кое-что знаю о его методах и готов пойти на некоторые... меры. Но защитой, а для тебя единственной защитой, будет хитрость, коварство!

Роберт ответил резко и решительно:

— Он снимает роскошные апартаменты на Пикадилли.

— Ты там бывал?

— Нет.

— Навести его. Воспользуйся первой же возможностью и навести. Если бы ты не узнал обо всем еще тогда, в Оксфорде, мы бы до сих пор пребывали в неведении! Тебе никогда не нравился Энтони Феррара — он никому не нравится, но ты же навещал его в колледже. Продолжай наносить ему визиты и здесь, в городе.

Роберт встал и закурил сигарету.

— Вы правы, сэр! — сказал он. — Рад, что вы со мной. Кстати, как насчет...?

— Майры? Пока она остается дома. С ней миссис Хьюм и все старые слуги. Позже мы решим, что делать. Хотя ты сам можешь съездить и проведать ее.

— Так и поступлю, сэр. До встречи!

— До свидания, — сказал доктор Кеан и нажал кнопку звонка, чтобы Марстон проводил посетителя и пригласил следующего пациента.

Роберт Кеан нерешительно застыл на Хаф-Мун-стрит: вся его душевная борьба отражалась на лице. Он может отправиться к Майре Дюкен, и там его обязательно пригласят остаться к обеду; но не лучше ли пойти к Энтони

Ферраре? Он остановился на втором, пусть и менее приятном, визите.

Направляясь к Пикадилли, он обдумывал, не явится ли мрачная сверхъестественная тайна, известная ему с отцом, препятствием для успешной карьеры в журналистике. Она, волнующая, демоническая, постоянно отвлекала его от работы. Чувство яростного негодования, которое он испытывал по отношению к Энтони, становилось сильнее с каждым шагом. Феррара был пауком, сплетающим сеть, и в ней оказались доктор Кеан, сам Роберт — и Майра Дюкен. Остальные, попавшие в нее и притянутые в самое сердце нечестивого лабиринта, были уже пожраны. В сознании Кеана фигура Энтони Феррары приобрела очертания чудовища, упыря, злого духа.

Он уже поднимался по мраморным ступеням. Перед входом в лифт остановился и позвонил.

Феррара расположился в дорогой квартире на втором этаже. Двери открыл одетый во все белое слуга, явно родом с Востока.

«Опять чертовы театральные эффекты! — пробормотал Кеан. — Ему бы на концертах фокусы показывать».

С поклонами и улыбками посетителя препроводили в небольшую гостиную. Стены и потолок комнаты поражали ажурной ориентальной резьбой по сандаловому дереву. В нишах, или скорее в стенных шкафах, стояли прелюбопытнейшие вазы и другие сосуды. Двери были задрапированы тяжелыми, богато украшенными портьерами. Посреди мозаичного пола бил фонтан. У одной из стен стоял мягкий диван: дневной свет не доходил до него, и над диваном горел узорчатый светильник со вставками из синего стекла, придающий всему окружающему особую атмосферу. Серебряная *мибхара* или курильница, стоявшая сбоку от дивана, испускала слабый аромат. Слуга удалился.

«Святые небеса, — ворчал с отвращением Кеан, — так ему ненадолго хватит денег покойного сэра Майкла». Он бросил взгляд на дымящуюся мибхару: «Фу! Изнеженное животное! Это же амбра!»

Вся ненормальность этого логова восточной распущенности получила свой приговор из уст худого благовоспитанного шотландца со свежим чисто выбритым лицом и типично британскими манерами.

Смутлый дворецкий отодвинул занавес и жестом пригласил его в комнату, низко поклонившись, когда гость проходил мимо. Кean оказался в кабинете Феррары. За каминной решеткой ярко пылал огонь, и в помещении стояла невыносимая жара.

Роберт заметил, что помещение являло собой тщательно продуманную копию кабинета Энтони в Оксфорде, только было, конечно, просторнее, и вся обстановка выглядела роскошнее за счет паласов, подушек и ковров, обильно покрывающих пол. Но на месте оказались и захламленный стол, и невероятный инструментарий, и странная серебряная лампа; мумии тоже никуда не делись; здесь же были старинные книги, папирусные свитки, заспиртованные змеи, кошки и ибисы, статуэтки Исиды, Осириса и других нильских божеств, а также многочисленные фотографии женщин (или «гарема», как подумалось Кеану в Оксфорде). Энтони Феррара тоже находился в кабинете.

На нем был серебристый халат, отделанный лебяжьим пухом, как при встрече в оксфордской квартире. На словно выточенном из слоновой кости лице играла улыбка, но отнюдь не доброжелательная: улыбались только алые губы, а глаза, продолговатые и блестящие под четко обрисованными бровями, были безрадостны и даже зловещи. Если бы не короткие блеклые волосы, его можно было бы принять за красивую, но порочную женщину.

— Дорогой Кеан, какой приятный визит. Ты молодец, что зашел!

Голос был хриповат и вновь очаровал Роберта своей мелодичностью, хотя говорил Феррара равнодушно и неискренне. Было вполне объяснимо, почему женщины, правда, лишь некоторые, были словно воск в руках сладкоголосого соблазнителя.

Гость коротко кивнул. Кеан был плохим актером, к тому же сама «роль» давила на него. Пока Феррара говорил,

им можно было плениться, но когда молчал, становился отвратителен. Энтони это знал, поэтому говорил без умолку — и красноречиво.

— Ты неплохо устроился, — сказал Кean.

— А почему бы и нет, мой дорогой друг? Каждый из нас чуть-чуть сибарит. Так зачем сопротивляться столь восхитительной склонности? Спартанская философия ощутимо нелепа. Это все равно, что зайти в розарий и зажать нос, оставаться на солнце рядом с тенистой беседкой, променять сочные вкусные фрукты на горькую придорожную траву!

— Понятно! — отрубил Кean. — Не думаешь заняться делом?

— Делом! — Энтони улыбнулся и откинулся на гору подушек. — Прости, Кean, но я с радостью и без колебаний оставлю все дела более суровым персонажам — таким, как ты, например.

Он протянул серебряный портсигар, но Роберт отказался, присев на краешек стола.

— Нет, благодарю. Я и так слишком много курил сегодня, даже во рту горчит.

— Дружище, — Феррара поднялся, — у меня есть вино, и я со всей ответственностью заявляю, что подобного ты никогда не пробовал, — чистый нектар. С самого Кипра...

Кean приподнял руку — жестами и манерами он близко напоминал отца.

— Спасибо, не стоит. Как-нибудь в другой раз, Феррара. Да и не пью я вино.

— Виски с содовой? Старый добрый британский бренди с той же содовой? Или благородный скотч с минеральной?

В хриплом голосе Энтони звучал смешок или даже откровенная насмешка. Но Кean невозмутимо покачал головой и выдавил улыбку.

— Огромное спасибо, я так рано не пью.

Он встал и начал расхаживать по комнате, рассматривая разбросанные по ней многочисленные диковинки. Особое внимание он уделил фотографиям. Потом, подойдя к огромному стеллажу, начал разглядывать ряды амулетов,

статуэток и всевозможных предметов неизвестного назначения. Вновь заговорил Феррара:

— Там слева, Кean, преинтереснейшая голова жрицы. Мозг вынули, а вместо него в полость поместили колонию жуков-кожеедов. Эти создания никогда не видели света, Кean. Но я тебя уверяю, что у них есть глаза. У меня в коробке на столе около сорока экземпляров. Возможно, они тебя заинтересуют.

Роберт вздрогнул, но почувствовал себя обязанным взглянуть на эту отвратительную коллекцию. В квадратной коробке под стеклянной крышкой он увидел жуков. Они лежали рядами на подстилке из мха, можно было даже подумать, что мерзкая жизнь все еще наполняет этих черных насекомых. Кean впервые видел таких: все тельце, за исключением сверкающего оранжевого основания крылышек, было покрыто длинными черными волосками.

— Личинки этих насекомых встречаются чрезвычайно редко, — начал объяснение Феррара.

— Правда? — буркнул шотландец.

Он чувствовал физическое отвращение к жукам, чья жизнь начиналась и заканчивалась в черепе мумии.

— Гадость какая! — воскликнул он. — Зачем они тебе?

Феррара пожал плечами.

— Кто знает? — загадочно проговорил он. — Вдруг однажды пригодятся.

Зазвонил колокольчик, и по поведению Энтони стало ясно, что он ждет гостей.

— Мне пора, — торопливо сказал Кean.

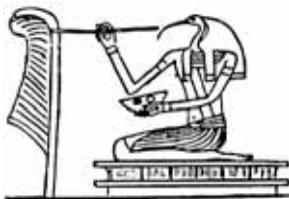
Он и вправду только и мечтал о прохладном и относительно чистом воздухе Пикадилли. Он чувствовал, что человек, с которым обстоятельства вынуждали его видаться, был средоточием зла. Обязанность поддерживать отношения с ним начинала тяготить Роберта.

— Если пора, иди, — прозвучало в ответ. — Конечно, твоя работа в газете отнимает массу времени.

И вновь слышалась насмешка, но Кean уже прошел в мандару¹⁹ с освежающим фонтаном и серебряной курильницей, испускающей тонкие струйки пара. Слуга открыл входную дверь, и Феррара с поклоном проводил удаляющегося посетителя. Но руку для пожатия так и не протянул.

— До встречи, Кean. Ассаляму алейкум, да пребудет с тобой мир, — пробормотал он, — как говорят мусульмане. Но духом я всегда с тобой, дорогой мой.

Что-то в его голосе заставило Кеана остановиться. Он повернулся, но дверь уже бесшумно закрылась, напоследок обдав его запахом амбры.

¹⁹ Мандара – во дворцах Древнего Египта веранда с колоннами перед приемным залом.

Глава V

Жужжащие тени

Кеан вышел из лифта, пересек холл и собирался покинуть дом, но остановился, заметив, что на противоположной стороне улицы замедлило ход такси, намереваясь развернуться.

Сейчас не было видно, кто подъехал, но секундой раньше Роберт заметил пассажирку: она выглянула и пристально посмотрела на парадное, в котором он стоял. Возможно, воображение сыграло с ним злую шутку. Но он не уходил, ожидая, пока такси не подъедет ближе.

Майра Дюкен вышла. Расплатившись с шофером, она пересекла тротуар и направилась в подъезд. Именно там она и столкнулась с двинувшимся навстречу Кеаном.

— Мистер Кеан! — воскликнула она. — Что вы здесь делаете? Неужели навещали Энтони?

— Да, — подтвердил он и умолк, не зная, что сказать. Ему неожиданно подумалось, что Майра и Энтони знакомы с детства и что девушка, возможно, считает его кем-то вроде брата.

— Нам с ним надо столько обсудить, — сказала она. — Кажется, он знает все на свете, а я, по-моему, не знаю почти ничего.

Кеан вновь обратил внимание на темные круги под ее глазами, серыми глазами — как же он хотел, чтобы они всегда сияли и смеялись. Она была бледна или казалась таковой из-за черного платья, но в любом случае трагическая кончина опекуна, сэра Майкла Феррары, была ужасным ударом для воспитанной в монастыре сироты. Душа Роберта горела лишь одним желанием — избавить ее от всех печалей и забот, переложив их на свои широкие плечи, укрыть ее от любых несчастий и опасностей, коими грозило будущее.

— Вы у него уже бывали? — спросил он, стараясь говорить непринужденно, хотя сердце противилось даже мысли о том, что девушка войдет в пропахшую благовониями квартиру, наполненную отвратительными вещами; но ни одна из них не была столь мерзка, как человек, которому Майра доверяла и которого считала своим братом.

— Пока нет, — ответила она, а в глазах вспыхнула детская радость предвосхищения. — Там здорово, да?

— Очень, — мрачно сказал шотландец.

— Может быть, вы зайдете со мной? Хотя ненадолго, а потом вы с Энтони сможете пойти пообедать ко мне. — Она вся светилась. — Ну пожалуйста, соглашайтесь!

Он знал, что представляет из себя человек наверху и страстно желал сопровождать девушку, но в то же время не мог заставить себя вернуться к Ферраре, будучи уверен, что не сможет сдержаться и нагрубит ему в присутствии Майры Дюкен.

— Не соблазняйте меня, умоляю вас, — попросил он с натянутой улыбкой. — Иначе я окончательно заброшу все свои обязанности в газете и в скором времени окажусь среди безработных в очереди за бесплатным супом.

— Какая жалость! — вскричала собеседница.

Их глаза встретились — они поняли друг друга без слов, и на щеках девушки неожиданно заиграл румянец. Она явно смутилась.

— Тогда до свидания, — сказала она и протянула руку. — Вы пообедаете с нами завтра?

— Огромное спасибо за приглашение, — ответил Кеан. — С радостью, если что-то вдруг не остановит меня. Я вам позвоню.

Он отпустил ее руку и проводил взглядом до лифта. Когда она уехала, он развернулся и направился на Пикадилли, где смешался с толпой. Он спросил себя, что бы подумал отец, узнав, что Майра видится с Феррарой. Одобрил бы эти встречи? Определенно, ситуация казалась щекотливой, а любое вмешательство, особенно бестактное, могло изрядно ухудшить ее. Будет крайне сложно, а то и невозможно, объяснить девушке, в чем дело. Если открытого

конфликта удастся избежать (он искренне верил в проницательность своего отца), лучше Майре оставаться в неведении. Но стоит ли позволять ей приходить к Ферраре?

И как он мог сейчас отпустить ее к этому человеку — одну?

Он подумал, что у него нет права что-либо ей запрещать. Как бы то ни было, он мог отправиться с ней.

«Вот ведь незадача, — расстраивался он. — Я окончательно запутался. Это сведет меня с ума!»

Он не мог успокоиться, не убедившись, что она в целости и сохранности вернулась домой, и работать в таком настроении тоже не мог. В полдень он позвонил Майре Дюкен под предлогом, что принимает ее приглашение на завтрашний обед, и с великим облегчением услышал ее голос.

Во второй половине дня его неожиданно вызвали освещать большое «королевское» представление, и Роберт был вынужден срочно вернуться домой, чтобы сменить грубый твидовый костюм на тонкую шерсть и кашемир. В арочный вход во двор, как всегда, потоком лились клерки и клиенты обосновавшихся там адвокатов, но в дальнем углу, где огромный платан отбрасывал тень на старенькую лестницу с истертыми железными перилами и решетчатое окно юридической конторы, было мирно и уютно, как в книгах Диккенса, как в заводи, отгороженной от бурного течения реки. А в самом подъезде царило спокойствие, удивительная тишина, не нарушаемая даже гудением автобусов.

Кеан влетел по ступенькам на третий этаж, пытаясь шарить в кармане кдюч. Это казалось невероятным, но его не покидало странное ощущение, что дома его кто-то ждет. Ощущение было столь сильным, что пока он не вошел в квартиру, он определенно, пусть и подсознательно, ожидал увидеть гостя — хотя откуда ему там взяться?

«Ну я и осел, — ворчал он про себя, а потом: — Фу! Что за отвратительный запах?»

Он распахнул все окна, прошел в спальню и там тоже открыл оба окна. Ворвавшийся поток воздуха сделал вонь, мерзкую и гниlostную, менее насыщенной, и, пока он пе-

реодевался, в квартире почти перестало пахнуть. Времени на размышления не оставалось, но когда он покидал прихожую, глядя на часы, ноздри внезапно ощутили новую волну зловония. Он задержался у порога, выругавшись: «Что за черт!»

Роберт автоматически повернулся и заглянул в квартиру. Как и предполагалось, источника запаха видно не было.

Страх — чувство сложное и малообъяснимое. Кean действительно был напуган: в комнатах словно что-то разлагалось. Он вышел на лестничную площадку и запер дверь.

Около одиннадцати ночи, когда доктор Брюс Кean уже собирался в постель, к нему неожиданно явился сын. Роберт прошел за отцом в библиотеку и расположился в красном кожаном кресле. Доктор поправил абажур на лампе: теперь лицо молодого человека было ярко освещено. Роберт был несколько бледен, а его обычно ясные глаза затравленно блуждали.

— Что случилось, Роб? Выпей-ка виски с содовой.

Сын молча последовал совету отца.

— А теперь возьми сигару и расскажи, что испугало тебя.

— Испугало меня! — повторил Роберт и потянулся за спичкой. — Да, сэр, вы правы. Я в ужасе.

— Не сейчас. Ты был в ужасе.

— И опять вы правы. — Он зажег сигару. — Начну с того — как бы это сказать? — что когда я начал работать в газете, мы решили, что мне лучше снять квартиру...

— Без сомнения.

— Ну, в то время, — он разглядывал огонек, — не было причины, по которой я не мог пожить один, но сейчас...

— Продолжай.

— Сейчас я чувствую, сэр, что мне необходима более или менее постоянная компания. И было бы желательно, чтобы кто-нибудь находился рядом... ммм... по ночам!

Доктор Кean стал очень серьезен и придвинулся поближе.

— Вытяни левую руку, — сказал он. — Пальцы не сгибай.

Сын, чуть улыбнувшись, выполнил приказ. Ладонь, освещенная лампой, не дрожала, точно вырезанная из камня.

— Нервы у меня в порядке, сэр.

Доктор Кean глубоко вздохнул.

— Тогда рассказывай.

— Все очень странно, — начал сын. — Если я расскажу подобное Крейгу Фентону или Мэддерли на Харви-стрит, я знаю, что обо мне подумают. Но вы *поймете*. Все началось вчера днем, когда солнце всюю светило в окна. Я вернулся домой переодеться, но в комнатах стояла жуткая вонь.

Отец вздрогнул.

— Чем пахло? — спросил он. — Не благовониями?

— Нет, — ответил Роберт, пристально посмотрев на него. — Я так и думал, что вы зададите этот вопрос. Пахло гнилью, затхлостью, как будто что-то тлело уже много веков.

— Нашел, откуда исходил запах?

— Я открыл окна, и на какое-то время стало легче дышать. А когда я уходил, запахло вновь. Да так сильно, словно источник вони находился рядом. Понимаете, сэр, сложно объяснить, что я почувствовал, но все сводится к одному — я был рад выбраться из квартиры!

Доктор Кean встал и, сцепив руки за спиной, начал мерить шагами комнату.

— Вечером, — сказал он внезапно, — что произошло вечером?

Сын продолжил:

— Я вернулся около половины десятого. Я так закружился днем, что почти забыл о случившемся. Конечно, не совсем забыл, но не думал об этом, пока не открыл дверь. И даже после этого не думал — надел халат и тапочки, уютно устроился в кресле и начал читать. Ничего необычного — ни малейшего намека на странности — не наблюдалось. Книга была одной из моих любимых — «Вверх по Мисси-

сипи» Марка Твена²⁰, рядом стояла большая бутылка светлого пива, во рту дымилась трубка.

Тут занервничал и сам Роберт — встал, подошел к камину и стряхнул туда длинный столбик пепла с сигары. Облокотившись о каминную полку, он возобновил рассказ:

— Часы на Соборе святого Павла пробили половину одиннадцатого и в эту минуту погасла моя трубка. Я начал разжигать ее и опять почувствовала проклятую вонь. Я и не вспоминал о ней и потому от неожиданности даже подпрыгнул и выругался. А вонь все крепчала и крепчала. Я поспешно закурил трубку. Но это не помогло: аромат табака ничуть не забил кошмарной едкости этого запаха.

Я снял с настольной лампы абажур и огляделся. Ничего необычного не заметил. Оба окна были открыты, и я высунулся из одного из них — а вдруг запах идет с улицы? Нет. Воздух снаружи был свеж и чист. Потом я вспомнил, что, когда уходил днем, мне показалось — запах усиливался в прихожей у входной двери. Я ринулся туда. В коридоре ничем не пахло, но, — он сделал паузу, посмотрев на отца, — не простоял я там и тридцати секунд, как зловоние начало окутывать меня, словно я стоял в жерле вулкана. Богом клянусь, сэр, оно меня... преследовало!

Доктор Кean стоял в тени за большим столом, глядя, как сын судорожно допивает виски.

— У меня внутри все перевернулось, — скороговоркой продолжал Роберт. — Я осознал, что за этой гадостью кроется нечто, управляющее ею, и еще я понял, что сейчас она меня поглотит. Я вернулся в спальню. Здесь запах был не так силен, но я замер в ожидании у стола, а запах становился все крепче и крепче — я чуть не задохнулся. Нервы шалили, но я держал себя в руках. Я принялся за дело — начал методично окуривать комнату. Честно говоря, я понимал, что это не поможет, но не мог сдаться и бездействовать. Вы понимаете меня, сэр?

²⁰ Книги с таким названием у Марка Твена нет; вероятно, имеется в виду «Жизнь на Миссисипи».

— Вполне, — спокойно ответил доктор Кean. — И вижу в произошедшем целенаправленную попытку избавиться от вторжения, и пусть она оказалась бесполезной, решение само по себе было правильным. Продолжай.

— Когда пробило одиннадцать, я почувствовал тошноту и сдался. Воздух в комнате был ядовит, в буквальном смысле этого слова. Я опустился в кресло и стал ждать конца. И вдруг в сумрачных углах комнаты, там, куда не доходит свет лампы, я заметил темные пятна. Сначала я пытался уверить себя, что мне показалось, но одно из них скользнуло вниз по книжному шкафу и направилось по ковру в мою сторону. Тут я понял, что мне не мерещится. Клянусь всем святым, сэр, — его голос дрожал, — либо я сошел с ума, либо вся комната наполнилась чем-то *ползучим*! Пятна были везде: на полу, стенах, на потолке надо мной! Там, куда падал свет, ничего не было, но темнота жила, захваченная существами размером с две ладони, и в растущей тишине...

Роберт охрип. Доктор Кean, недвижимый как изваяние, смотрел на него.

— В тишине они почти неслышно *жуужжали*.

Оба молчали. По Хаф-Мун-стрит проехал автомобиль, и вновь все затихло. Часы пробили половину первого. Заговорил доктор Кean:

— Что-то еще?

— Да, сэр. Я вцепился в подлокотники, почувствовав, что, если не найду под руками поддержки, сойду с ума. До моего левого запястья, — он взглянул на упомянутое место почти с отвращением, — дотронулось что-то волосатое и невыразимо противное. Просто легко коснулось, и даже это было слишком. Мне стыдно признаться, сэр, но я завизжал, завопил, как истеричка, а потом бросился наутек! Я убежал из собственной квартиры, схватив пальто и шляпу, халат же бросил на пол!

Он повернулся и поставил оба локтя на каминную полку, закрыв лицо ладонями.

— Выпей-ка еще, — сказал доктор Кean. — Ты ведь сегодня был у Энтони Феррары? Как он принял тебя?

— Да, расскажу вам и об этом, — продолжил Роберт, наливая содовую в бокал. — Там бывает... Майра.

— Где? У него в квартире?

— Да.

Доктор Кean опять зашагал по комнате.

— Не удивлен, — произнес он. — Ее с детства учили относиться к нему, как к брату. И все же необходимо положить этому конец. Как ты об этом узнал?

Роберт Кean рассказал отцу о событиях утра, подробно описав жилище Феррары, что доказывало, какое сильное и даже неизгладимое впечатление произвели на молодого человека все увиденные там странности. В заключение он сказал:

— И все же я задаюсь одним и тем же вопросом, что здесь, что в Оксфорде. *Кто такой* Энтони Феррара? Где сэр Майкл нашел его? Что за женщина дала жизнь такому сыну?

— Остановись, мой мальчик! — вскричал доктор Кean.

Роберт вздрогнул и посмотрел на отца.

— Роб, ты в опасности. Не буду от тебя этого скрывать. Майра Дюкен Ферраре не родня, поэтому, раз ей достается наследство от сэра Майкла, у Энтони мог зародиться определенный план действий. Ты, сам того не желая, становишься на пути! Это плохо, мальчик мой, но давай-ка со всем разберемся, пока ты еще не набедокурил.

Он взял со стола почерневшую вересковую трубку и начал ее набивать, не прекращая свои наставления:

— Что касается твоего следующего шага, то здесь вопросов не возникает. Ты возвращаешься к себе.

— Как?

— Даже не спорь, Роб. На тебя было совершено нападение, и только *ты* сумеешь его отразить. Если ты съедешь оттуда, на тебя нападут здесь. В данный момент удар строго локализован. Такие вещи происходят по определенным законам, столь же непререкаемым, как законы Природы. Один из них гласит: силы тьмы, как их принято называть, не могут победить силу Воли. Помимо Бога, только Воля

является высшей сущностью Вселенной. *Сопrotивляйся!* Ты обязан бороться — или погибнешь!

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Я предполагаю, что тебе грозит сумасшествие или что-то похуже. Если отступишь, ты пропал. Возвращайся к себе в квартиру. *Ищи* врага, вымани на свет и уничтожь! Есть два возможных объяснения наблюдаемому явлению, но сложно утверждать что-то наверняка. В обоих случаях нельзя недооценивать опасность, пусть она и имеет разную природу. Тем не менее, я предполагаю, что эти жуткие тени возможно развеять одной силой мысли. Скорее всего, сегодня ночью они больше тебя не потревожат, но когда они вернутся, не прячься! У тебя уже есть товарищ, лучше которого не найти, — Марк Твен! Относись к своим гостям, как он отнесся бы к ним, то есть как к отвратительной шутке! Как только все начнется опять, позвони мне. Днем ли, ночью ли — все равно. Сам же я в рабочие часы в больнице, а в остальное время буду ждать дома. Набери мой номер сразу, как попадешь домой, а потом утром, когда встанешь. И можешь полностью рассчитывать на мою активную помощь завтра ночью.

— Активную, сэр?

— Именно, Роб. Следующее появление пятен будет последним. Спокойной ночи. Помни, стоит тебе поднять трубку, и ты сразу поймешь, что не одинок в своей борьбе.

Роберт взял еще одну сигару, раскурил ее, допил виски и расправил плечи.

— Спокойной ночи, сэр, — сказал он. — В третий раз я не сбегу!

Дверь закрылась за спиной Роберта. Доктор Кеан продолжал беспокойно расхаживать по библиотеке. Он дал совет, достойный древнего римлянина, отправив сына в одиночку навстречу настоящей и, возможно, смертельной угрозе. Это был единственный способ спасти свое дитя, но на душе легче не становилось. Столкновение будет последним: Роберт сказал, что не отступится, а он всегда был верен слову.

Как уже заметил доктор Кеан, явление имело вполне определенную природу. По утверждению старейшей из наук,

той, коей руководствовались древние египтяне и, вероятно, еще более ранние цивилизации, мы делим наш мир с иными созданиями, так называемыми элементами. К счастью, эти сверхъестественные существа не видимы нашему взгляду, как, к примеру, нам не слышны все нюансы музыки.

Жертвы белой горячки, курильщики опиума и другие потребители наркотических веществ искусственно открывают в себе способность видеть иное, и ужасы, являющиеся им, не воображаемые: это те самые элементы, привлеченные специфическим состоянием разума.

Таким образом, доктор Кеан предполагал, что позучее и дурно пахнущее нечто в квартире сына представляло собой элементалей, впечатанных в сознание Роберта благорядчым-то коварным и зловещим помыслом. С другой стороны, это могли оказаться просто чары, или мыслеформы, насланные тем же магом, то есть эманации злой и могущественной воли.

Его размышления прервал телефонный звонок. Доктор поднял трубку.

— Алло!

— Это вы, сэр? Все в порядке. Я ложусь спать.

— Хорошо. Спокойной ночи, Роб. Позвони утром.

— Спокойной ночи, сэр.

Брюс Кеан набил старенькую трубку и, достав из ящика письменного стола толстую рукопись, сел и начал изучать густо исписанные страницы. Почерк покойного сэра Майкла Феррары, товарища Кеана по многочисленным путешествиям, был очень мелок. Солнце уже несколько часов заливало библиотеку золотистыми лучами, а внизу копошились давно проснувшиеся слуги, когда доктора вновь прервали. И снова это был телефонный звонок. Он встал, выключил настольную лампу и поднял трубку.

— Роб, ты?

— Да, сэр. Хвала Господу, все нормально. Могу я с вами позавтракать?

— Конечно, мальчик мой. — Доктор Кеан взглянул на часы. — Ох, святые угодники, уже семь!

Глава VI

Жуки

День пролетел быстро, и когда лондонские часы били одиннадцать, жуткий спектакль достиг своей финальной стадии. Как и прежде, доктор Кеан склонился над рукописью сэра Майкла, но взгляд его то и дело возвращался к стоящему под рукой телефонному аппарату. Он строго наказал слугам его ни в коем случае его не беспокоить, а с десяти вечера держать у дверей готовый к выезду автомобиль.

С последним ударом часов раздался долгожданный звонок. Лицо доктора стало необыкновенно серьезным, когда в трубке он услышал голос сына.

— Что случилось, мальчик мой?

— Они здесь, сэр, сейчас, во время нашего разговора. Я борюсь, сопротивляюсь, как могу, уже полчаса. В доме пахнет, как в склепе, а... пятна обретают форму, жуткую форму! У них есть... *глаза!* — Голос охрип. — Очень черные и блестящие, как бусины. Я постепенно сдаюсь, хотя и пытаюсь держать себя в руках. По-моему, я могу... не выдержать. Аааа!..

Он замолчал.

— Алло! — кричал доктор Кеан. — Алло, Роб!

— Все в порядке, сэр, — тихо прошептал в ответ сын. — Эти... существа застыли на границе света от лампы и, как бы это сказать, жужжат. Стоит огромных душевных сил не пускать их внутрь круга. Пока говорил с вами, потерял над ними контроль. Одно... проползло... схватило меня за руку... волосатое, многорукое... Боже мой, еще одно касается меня...

— Роб! Роб, спокойнее, мальчик. Слышишь?

— Да, да, — раздался слабый голос.

— *Молись, сын, молись...* чтобы Бог даровал силу, и ты обретешь ее! *Продержись* еще минут десять. Десять минут

— понял?

— Да! Да! Боже милосердный, сэр, помогите мне, помогите, если можете, или...

— Не сдавайся, мальчик! Через *десять минут* ты победишь!

Доктор Кean бросил трубку, выбежал из библиотеки, схватил шляпу с вешалки в холле, мгновенно спустился по ступеням и влетел в ожидающий автомобиль, прокричав шоферу адрес.

На Пикадилли было шумно и весело: пестрые толпы театралов и гуляк заполняли улицу. Доктор выскочил из машины и бросился к подъезду, где произошла встреча Роберта и Майры. Брюс Кean пронесся мимо лифта на лестницу и начал подниматься, перепрыгивая через три ступени. Он давил на кнопку звонка Энтони Феррары, пока дверь не открылась и из проема не показалось смуглое лицо.

Посетитель ворвался внутрь, не обращая внимания на попытку одетого в белое человека задержать его.

— Эфенди²¹, никого дома.

Доктор Кean жилистой рукой схватил слугу, высокого араба, за плечо и толкнул так, что тот, вертясь, был отброшен практически на середину мозаичного пола мандары. Воздух казался тяжелым от запаха амбры.

Не говоря ни слова слуге, доктор Кean вошел в дверь. Он рывком отодвинул занавес и оказался в темном коридоре. Сын подробно описал квартиру, поэтому Брюсу не составило труда понять, где находится кабинет.

Он повернул ручку — дверь была не заперта — и вошел в неосвещенную комнату.

В камине пылал огонь, стояла невыносимая жара. На столе тускло горела серебряная лампа, но остальное помещение тонуло во тьме.

Одетая в черный балахон фигура сидела на стуле с высокой резной спинкой; похожее на монашескую рясу одеяние закрывало часть стола. Человек приподнялся и огля-

²¹ Эфенди – господин, вежливое обращение к знатным особам на Востоке.

нулся — в отблесках пламени Энтони Феррара показался вошедшему самым духом зла.

Доктор Кеан подошел и встал напротив хозяина кабинета.

— Покажи, что у тебя на столе, — коротко сказал он.

Феррара взглянул на противника: в глубине его странных глаз горел огонь. В Средние века одного такого взгляда было достаточно, чтобы послать человека на костер.

— Доктор Кеан... — хриплый голос растерял всю свою мелодичность.

— Ты слышал мой приказ!

— *Приказ!* Доктор, пока я нахожусь в собственном...

— Покажи, что у тебя на столе. Или я сам должен сделать это за тебя?

Энтони Феррара придержал ладонью черную ткань, закрывавшую стол.

— Осторожнее, доктор Кеан, — спокойно проговорил он. — Вы... рискуете.

Внезапно доктор перешел в нападение: он уверенно схватил лежащую на материи руку и заломил ее Энтони за спину. Другим быстрым движением он освободил стол. В раскаленном воздухе начал чувствоваться слабый запах разложения и затхлости.

На столешнице оказалось выцветшее полотно, испещренное почти нечитаемыми египетскими иероглифами, а на нем был выложен стройный геометрический узор — выложен многочисленными черными насекомыми.

Доктор отдернул руку, но Феррара сохранял спокойствие, держась прямо и глядя перед собой.

— *Кожееды!* Из черепа мумии! Ах ты, гнусный, мерзкий подонок!

Окончательно придя в себя, заговорил Феррара:

— Что предосудительного в изучении жуков?

— Мой сын видел их вчера, а прошлой и этой ночью ты создал их увеличенных магических двойников, гламоров, и наслал эти жуткие чары на него! Способом, который известен и тебе, и *мне*, ты пытался материализовать свои мыслеформы.

— Доктор Кean, мое уважение к вам безгранично, но боюсь, чрезмерные ученые занятия свели вас с ума.

Феррара с улыбкой потянулся к шкатулке из черного дерева.

— Даже не смей ее трогать!

Энтони замедлил движение, вскинув брови:

— Опять приказы, доктор?

— Точно.

Доктор Кean схватил тряпку и жуков на ней и, пройдя через всю комнату к камину, швырнул в него этот неаппетитный сверток. Языки пламени взметнулись вверх, сопровождаемые мерзким треском, словно иссохшие черные тельца по-прежнему хранили в себе жизнь. Доктор повернулся к молодому человеку.

С почти звериным криком Феррара вскочил и начал быстро что-то бормотать. Язык был явно не европейским. Высокий и злоедей, Феррара смотрел на доктора, все еще пытаясь нащупать шкатулку.

— Прекрати! — повелительно сказал Кean. — Повторяю в последний раз, не смей ее трогать!

Феррара замолчал. Дрожь сотрясала его тело.

— Сейчас уже нет законов, *мудрых* законов старого времени, по которым тебя полагалось бы сжечь, — начал Брюс. — Правосудие здесь бессильно, но Бог еще способен покарать таких, как ты!

— Может быть, — прошептал Энтони, — вы хотели бы в придачу сжечь шкатулку, присутствие которой так сильно будоражит вас?

— Никакие силы в мире не заставят меня коснуться ее. Но ты, ты ее *касался*, и ты знаешь, что ожидает тебя за это! Ты пробудил силы зла, дремавшие столетиями, и попытался покорить их. Страшись! Я знаю, сколько человек ты убил, сколько несчастных оказались из-за тебя в сумасшедшем доме. Я клянусь, что теперь жертв станет меньше. Есть способ покончить с тобой!

Он повернулся, собираясь уйти.

— Страшитесь и вы, доктор Кean, — Феррара говорил тихо и вкрадчиво. — Как вы сами сказали, я пробудил си-

лы зла...

Кеан мгновенно подскочил к Энтони: кулаки ученого были сжаты, каждый мускул сухопарого тела напряжен. Даже при скудном освещении Феррара видел, что доктор бледен, а в глазах мерцает сталь.

— Ты пробудил иные силы, — тихим, но твердым голосом произнес Кеан, — но от этого не менее злые.

Энтони Феррара, повелитель безмянного ужаса, весь съежился перед ним — древним кельтским дикарем, которого, сам того не желая, вызвал к жизни. Невысокий и худощавый, доктор был тем не менее в отличной физической форме. Сейчас он являлся и воплощением силы — силы праведного гнева. Да, Кеан был опасен, и Феррара осознал это.

— Боюсь, что... — хрипло начал он.

— Не пытайся спорить со мной. — Голос доктора был холоден как лед. — Еще хоть слово и, клянусь небом, я убью тебя!

Феррара молча сидел, вцепившись в подлокотники и не смея поднять глаза. На несколько секунд время словно замерло, но доктор повернулся, и все встало на свои места.

На часах была четверть двенадцатого, когда ученый вошел в квартиру на Пикадилли. В это же время его сын, задыхаясь среди назойливых гадких существ, молил бога о пощаде. Он уже падал в их скопление, когда в комнате вдруг не стало ни шевелящихся усиков, ни горящих глаз, ни волосатых лапок. Вся кошмарная фантазмагория, сопровождаемая гнилостным запахом, растаяла, как лихорадочный сон, как только доктор Кеан добрался до создателя кошмара.

Роберт Кеан, пошатываясь и дрожа, стоял в спальне, потом упал на колени и начал истово молиться, благодаря за свое спасение.

Глава VII

Пациент сэра Элвина Гроувза

Когда пополам делят огромное состояние и одна половина достается молодому, беспринципному и хитрому мужчине, а вторая — милой и невинной девушке, сами силы ада смеются над сложившейся ситуацией. Но если наследство, доставшееся человеку беззащитному, охраняется сильным и суровым опекуном, исход предсказать сложнее.

В нашем случае такое положение дел привело к тому, что доктор Брюс Кean без промедления отправил Майру Дюкен на неопределенный срок в старое мрачное поместье под Ивернессом²². Конечно, Роберт сильно из-за этого переживал, и его страданиями дело не ограничилось.

Сонаследник Энтони Феррара сразу же сообразил, чем чревато решение, но, слишком хорошо зная доктора Кеана, протестовать не осмелился. Будучи модным терапевтом, врач часто сталкивался с Энтони в свете: общество редко отвергает молодых, красивых и состоятельных членов благородных семейств из чистого подозрения в их моральной неустойчивости. Поэтому дамы попредприимчивее всю обхаживали Феррару с немого одобрения представителей сильного пола. Доктор Кean всегда здоровался с молодым человеком и тут же отворачивался от темноглазого приемного сына своего ближайшего друга.

Никто не мог объяснить подобных отношений. Но если бы люди знали, почему доктор Кean упорно игнорирует Энтони, то ни приятные манеры, ни богатство, ни происхождение не спасли бы последнего: все двери, от Мэйфера²³ до жалкой лачуги в Лаймхаузе²⁴, закрылись бы перед его но-

²² Ивернесс – город-порт в Шотландии.

²³ Мэйфер – квартал в Центральном Лондоне.

²⁴ Лаймхауз – рабочий район в Восточном Лондоне.

сом, навсегда запертые страхом и презрением. Но доктор никому не выдал жуткой тайны.

Иногда мы воочию видим, как рука Судьбы ведет нас по жизни, а позднее забываем об этом временном прозрении. Описанный далее случай как раз из подобных.

Как-то вечером в клубе сэра Элвин Гроувз с Харли-стрит отвел доктора Кеана в сторонку.

— Хочу передать вам одного из своих пациентов, — пояснил он, — лорда Лэшмора.

Кеан задумчиво ответил:

— Ах, да! Мы с ним никогда не встречались.

— Он недавно вернулся в Англию — может, слышали? — и не один, а с женой из Южной Америки.

— Да, что-то такое слышал.

— Лорду почти пятьдесят пять, его жене, страстной южанке, кажется, нет и двадцати. Неравная пара, что и говорить. И сейчас леди Лэшмор всю развлекается в их городской резиденции.

Гроувз многозначительно посмотрел на собеседника.

— Что касается вашего юного друга, Энтони Феррары, то он там частый гость.

— Даже не сомневаюсь, — произнес доктор Кеан, — где он только не бывает. Не знаю, надолго ли ему хватит полученного наследства.

— Да, это вопрос. Квартира у него прямо из «Тысячи и одной ночи».

— Вы откуда знаете? — поинтересовался терапевт. — Были у него?

— Да, — последовал ответ. — Как-то вечером мне позвонил его слуга-араб. Я обнаружил Феррару без сознания в комнате, напоминающей гарем паши. Выглядел он просто ужасающе, но слуга так и не объяснил, что произошло. Мне показалось, что это крайнее нервное истощение. Целых пять минут я пытался привести молодого человека в чувство. К тому же в комнате было невыносимо жарко из-за растопленного камина и пахло, как в индуистском храме.

— Ясно, — пробормотал Кеан. — Стиль жизни и странные занятия доконают его. Феррара хрупок от природы.

— Кто он такой, черт побери? — настаивал сэр Элвин. — Вы же знаете обстоятельства его усыновления — вы тогда были в Египте с сэром Майклом. Парень остается для меня загадкой, есть в нем что-то отталкивающее. Я был рад наконец уйти из его квартиры.

— Помнится, вы собирались поведать мне о случае лорда Лэшмора? — сказал доктор Кеан.

Гроувз прищурился и поправил пенсне: очевидно, собеседник пытался сменить тему разговора. Но бесцеремонность Кеана успела войти в поговорку, и сэр Элвин не стал упорствовать.

— Да, да, именно так, — неохотно согласился он. — Все очень необычно. Меня вызвали к нему в два ночи в прошлый понедельник. Дом стоял вверх дном, леди Лэшмор в халате поверх ночной рубашки промывала громадную рану на шее мужа.

— Что? Попытка самоубийства?

— Я тоже так сначала подумал. Но взглянул на рану и изменил свое мнение. Было много крови, и я побоялся, что ранение очень глубоко. К счастью, оно оказалось поверхностным. Я остановил кровотечение и как мог облегчил страдания пациента. Леди Лэшмор не растерялась и помогала мне, проявив навыки медсестры. По правде говоря, еще до моего прибытия она наложила повязку.

— Лорд Лэшмор был в сознании?

— Да, хотя, будем честны, скорее в полузабытьи. Второй раз я зашел к ним около девяти утра, и ему стало значительно лучше. Когда я перевязал раны...

— Раны?

— В действительности их было две, но об этом я расскажу чуть позже. Я попросил лорда прояснить ситуацию. Он сказал — конечно же, не желая бросать тень на семью — что, встав ночью с кровати, споткнулся о коврик и упал, едва не угодив в камин. Очаг украшен узорчатой медной решеткой со сложным рисунком, и, по словам Лэшмора, он всем своим весом рухнул на нее, причем зубцы проткнули ему горло. Это звучало правдоподобно, очень правдоподобно, Кеан, но я не поверил, впрочем, как, по моему мнению, не пове-

рила и леди Лэшмор. А затем, оставшись наедине со мной, лорд рассказал, как все произошло на самом деле.

— То есть до этого он лгал?

— Думаю, что он делал это ради своей жены. Не хотел беспокоить ее, потому что правда наверняка расстроила бы бедняжку. Лорд поведал мне о случившемся по секрету, и он считает, что вы тоже должны знать. Он проснулся от неожиданной резкой боли в горле, не очень острой, но сопровождавшейся ощущением сдавливания. Боль вскоре прошла, а когда Лэшмор начал ощупывать шею, он с удивлением увидел на руках кровь. Лорд встал с кровати и почувствовал ужасное головокружение. Кровь текла сильнее, чем он ожидал. Боясь разбудить жену, он не пошел в гардеробную, расположенную между комнатами супругов, а направился к звонку и, успев вызвать слугу, упал. Камердинер обнаружил хозяина на полу, неподалеку от камина, что придало происшествию вид несчастного случая.

Доктор Кean сухо кашлянул.

— Это было похоже на попытку самоубийства? — спросил он.

— Не думаю, — уверенно произнес сэр Элвин. — По-моему, все объясняется гораздо сложнее.

— Попытка убийства?

— Невозможно. Кроме Чемберса, камердинера лорда, доступа в покои ни у кого не было. Всего там четыре комнаты: небольшой будуар со входом в спальню леди Лэшмор, спальня лорда и гардеробная. Комната мужа и будуар, а только в них имеется вход в покои, были заперты на ключ.

— Вы сказали, что Лэшмора нашел Чемберс.

— У него есть ключ от спальни хозяина. Именно поэтому я его упомянул. Но Чемберс служит камердинером лорда с тех пор, как тот закончил Кембридж. Он вне подозрений.

— Окна?

— Второй этаж, балкона нет, комната с видом на Гайд-парк.

— И никаких странностей?

— Целых три!

— Какие?

— Во-первых, сами раны. Во-вторых, лорд утверждает, что в комнате что-то было, когда он проснулся. В-третьих, то же самое приключилось с ним за ночь до этого.

— За ночь до этого? Боже мой! Были последствия?

— Еще раны, глубокие, но крошечные в диаметре, почти зажившие. Одна из них даже кровоточила, но в тот раз лорд проснулся быстрее и мало пострадал. Говорит, что с кровати скатилось что-то мягкое. Он закричал, вскочил и включил свет. И тут же услышал ужасный вопль из спальни жены. Я приехал — Лэшмор вызвал меня сам — и у меня появилась новая пациентка.

— Леди Лэшмор?

— Точно. Она была без сознания — предполагаю, крик мужа напугал ее. Я также установил, что у нее было небольшое горловое кровотечение.

— Неужели туберкулез?

— Боюсь, вы правы. Из здорового тела кровь бы не потекла, не так ли?

Доктор Кean с ошеломленным видом покачал головой:

— Что лорд Лэшмор?

— Я видел отметины, — ответил сэръ Элвин, — в нижней части шеи. Но очень поверхностные. Он вовремя проснулся и ударил — сшиб что-то с себя.

— Что?

— Живое существо, покрытое длинными шелковистыми волосами. Однако это создание убежало.

— А раны? — сказал Кean. — Как они выглядят?

— Похожи на следы клыков, — ответил Гроувз, — двух длинных острых клыков.

Глава VIII

Тайна Дуна

Лорд Лэшмор оказался высоким блондином со свежим лицом, короткими седеющими волосами и аккуратно, по-военному подстриженными усиками. Для светлого человека цвет его глаз был необычен. Темно-карие, почти черные — южные глаза: такие ни за что не забудешь.

Его провели в библиотеку доктора Кеана, где лорда встретил сам хозяин. Пока врач приглашал посетителя сесть, от его профессионального взгляда не ускользнула ни одна деталь.

Лэшмор опустился в красное кожаное кресло, положив крупные руки на колени и растопырив пальцы. Он обладал властной аристократичностью, но чувствовал себя не в своей тарелке.

Доктор Кеан, как обычно, начал разговор без всяких экивоков:

— Вы пришли проконсультироваться со мной, лорд Лэшмор, как с оккультистом, а не с врачом?

— И так, и так, — ответил гость. — Определенно, и так, и так.

— Сэр Элвин Гроувз лечит раны у вас на шее...

Лорд дотронулся до широкого шарфа, закрывающего горло.

— У меня остались шрамы. Желаете осмотреть?

— Боюсь, что мне следует сделать это.

Шею обнажили, и доктор при помощи увеличительного стекла осмотрел отметины. Одна из них, та, что внизу, была слегка воспалена.

Потом лорд, стоя перед зеркальцем над каминной полкой, привел шарф в порядок. Доктор продолжил:

— В момент нападения вы почувствовали, что в комнате кто-то есть?

- Да, и в первом, и во втором случае.
 - Что-нибудь видели?
 - Было слишком темно.
 - Что вы почувствовали?
 - Волосы. Моя рука, когда я вслепую нанес удар во время второго происшествия, коснулась густых волос.
 - Словно на теле животного?
 - Возможно, на голове.
 - И все-таки вы ничего не видели?
 - Должен признаться, мне показалось, что кто-то убегает, кто-то в белом, но, вероятно, мне просто померещилось.
 - Ваш крик разбудил леди Лэшмор?
 - К сожалению, да. Ее нервы и без того были расшатаны, а повторный испуг оказался слишком сильным. Сэр Элвин опасается проблем с легкими. Я намерен при первой же возможности увезти жену за границу.
 - Ее нашли без чувств. Где?
 - У двери в гардеробную, той, что ведет в ее комнату, а не в мою. Видимо, она бросилась мне на помощь, но упала в обморок.
 - Что говорит сама леди Лэшмор?
 - Именно это и говорит.
 - Кто обнаружил ее?
 - Я.
- Доктор Кеан побарабанил пальцами по столу.
- У вас уже есть объяснение, лорд Лэшмор, — вдруг сказал он. — Могу ли я его услышать?
- Аристократ вздрогнул и взглянул на собеседника удивленно, хотя и не без высокомерия.
- У меня есть объяснение?
 - По-моему, да. Я ошибаюсь?
- Лэшмор стоял на ковре перед камином, сцепив руки за спиной и исподлобья глядя на Кеана. Под таким углом необычные глаза лорда казались особенно зловещими.
- Если бы я мог объяснить... — начал он.
 - Вы бы пришли ко мне за подтверждением? — предположил доктор.

— Ну да, возможно, вы правы. Я намекнул о своих догадках сэру Элвину Гроувзу, и он назвал мне ваше имя. Меня пока гложет сомнение, доктор Кean. Он послал меня к вам, потому что вы, давайте будем откровенны, психиатр?

— Нет. Сэр Элвин абсолютно уверен, что с головой у вас все в порядке, лорд Лэшмор. Вы здесь, потому что я изучал то, что можно назвать психическим нездоровьем. В вашей семейной истории, — он пристально посмотрел в лицо собеседника, — есть нечто, что в последнее время постоянно занимает ваши мысли, не так ли?

Посетитель внимательно взглянул на врача:

— На что вы намекаете?

— Лорд Лэшмор, вы пришли ко мне за советом. У вас редкое — к счастью, очень редкое в Англии — заболевание. Пока что судьба была к вам благосклонна, но в любой момент можно ожидать обострения. Отнеситесь ко мне, как к специалисту. Доверьтесь мне.

Лэшмор хмыкнул.

— Что вы хотите узнать, доктор Кean? — В его голосе уважение странно смешалось со сесью.

— Расскажите мне о Мирзе, супруге третьего барона Лэшмора.

Лорд Лэшмор шагнул вперед. Большие руки сжались в кулаки, глаза горели.

— Что вам известно о ней?

Он был действительно поражен — и зол.

— Я видел ее портрет в замке Дун во время вашего отсутствия. Мирза, леди Лэшмор, отличалась удивительной красотой. Когда она вышла замуж?

— В 1615 году.

— Барон привез ее в Англию из...

— Из Польши.

— Она была полячкой?

— Польской еврейкой.

— Детей не было, баронесса умерла раньше мужа, и тот женился во второй раз. Я прав?

Лорд Лэшмор переминался с ноги на ногу и грыз ногти.

— Дети *были*, — отрезал он. — Я происхожу именно... из этой ветви.

— Вот как! — В серых глазах доктора зажегся огонек. — Наконец мы добрались до фактов! Почему рождение ребенка держалось в секрете?

— Замок Дун хранит много тайн! — Лорд стал похож на сурового средневекового аристократа. — Для Лэшморов не составляло труда скрыть что-либо: была спешно организована свадьба, и мальчика представили всем как отпрыска от второго брака. Если бы от повторной женитьбы у барона появились дети, то этого не потребовалось бы, но у Дуна обязан был быть наследник.

— Понимаю. Если бы второй брак не оказался бесплодным, то ребенка от Мирзы — как бы правильно выразиться? — удалили бы?

— Проклятье! О чем вы?

— Он являлся законным наследником.

— Доктор Кеан, — медленно проговорил Лэшмор, — вы бередите незажившую рану. Четвертый барон Лэшмор стал тем, о чем принято говорить как о «проклятии рода Дунов». В замке существует тайное помещение, волновавшее умы многих так называемых оккультистов, куда никто, кроме наследников, не входил уже несколько веков. Само расположение этой комнаты остается тайной. Его даже невозможно вычислить. Кажется, вы много знаете о темных секретах моей семьи; быть может, вам известно, где находится эта комната?

— Безусловно, — спокойно ответил Кеан. — Она под рвом, в тридцати ярдах к востоку от старого подъемного моста.

Лорд Лэшмор переменялся в лице и заговорил уже другим тоном:

— Вероятно, вы также знаете, что в ней?

— Знаю. Там Пол, четвертый барон Лэшмор, сын Мирзы, польской еврейки!

Лорд Лэшмор вновь опустился в кресло, испуганно глядя на собеседника.

— Я был уверен, что этого никто не знает! — глухо произнес он. — Воистину, вы глубоко изучили вопрос. В течение трех лет, долгих трех лет после моего двадцать первого дня рождения, я был вне себя от ужаса, доктор. Эта тайна привела моего деда в сумасшедший дом, но разум отца оказался более крепок. Надеюсь, мой тоже. После трех лет кошмара я выбросил Пола Дуна из памяти.

— Вас привели в подземную комнату в ночь вашего двадцать первого дня рождения?

— Вы знаете столько, что кажется, вам известно все. — У лорда дергалась щека. — Но сейчас вы услышите то, о чем Лэшморы всегда предпочитали молчать.

Он опять встал и начал беспокойно двигаться.

— С той декабрьской ночи, — продолжал лорд, — миновало почти тридцать пять лет, но я по-прежнему дрожу, вспоминая! В замке Дун устроили бал, но сам я уже несколько недель под руководством отца готовился к предстоящему испытанию. Многие знали о существовании семейного проклятия; поэтому, когда в полночь отец отвел меня в старую библиотеку, гости с некоторой опаской смотрели на нас. Боже мой! Доктор Кеан, мне очень тяжело вспоминать, но я рад, что теперь я могу кому-то рассказать о произошедшем!

Было видно, что лорд с трудом справляется с охватившим его волнением, но голос Лэшмора оставался тихим и спокойным:

— Отец задал мне полагающийся вопрос о том, молился ли я, чтобы Бог даровал мне силу. Конечно же! Его серьезное лицо побледнело, он запер дверь и из шкафчика за древним камином — я даже не подозревал, что там есть шкафчик, — достал громоздкий ключ, выкованный много веков назад. Потом мы вместе вынули книги из одного из стеллажей.

Даже пустой, он оказался очень тяжелым, и мы приложили много усилий, прежде чем нам удалось сдвинуть его. Когда же дело было сделано, мы увидели, что стена за ним закрыта деревянными панелями. Книжный шкаф не передвигали уже лет сорок и обнажившийся участок был

серым от пыли, скопившейся за годы, прошедшие с двадцать первого дня рождения моего отца.

На центральной панели обшивки висел семейный герб, изображение шлема на котором выдавалось вперед и представляло собой подобие ручки. Отец взялся за него и повернул, всем своим весом надавив на то, что казалось стеной. Скрипнули петли, и стена сдвинулась вглубь, впуская в библиотеку запах сырой земли. Взяв заранее приготовленную лампу, отец вошел в открывшуюся нишу и жестом пригласил меня следовать за ним.

Мы спускались по грубым каменным ступеням, а потолок был так низок, что мне пришлось пригнуться. Дошли до угла, повернули и продолжили спуск. В то время ров был все еще заполнен водой, и даже если бы я по расположению лестницы не знал, куда мы идем, я мог бы догадаться, что мы под ним: из щелей между плитами потолка сочились капли, а воздух был влажным и очень холодным.

Короткий коридор, начавшийся у основания лестницы, вел к массивной, обитой железом двери. Отец вложил ключ в замочную скважину и, держа лампу над головой, обернулся и посмотрел на меня. Он был смертельно бледен.

«Собери все свое мужество», — сказал он.

Отец пытался провернуть ключ, но на это ушло много времени, так как замок проржавел. Наконец, а был он крепким человеком, его усилия увенчались успехом. Дверь открылась, и в коридор ворвалась невыносимая вонь. Никогда такого не чувствовал, ни до, ни после этого.

Лорд Лэшмор промокнул лоб платком и продолжил рассказ:

— Первое, что я увидел в свете лампы, показалось кровавым пятном, расплывшимся по стене прямо передо мной. Потом я узнал, что это всего-навсего грибок, хотя и редко встречающийся, но тогда я был ошеломлен.

Перейдем к тому, зачем мы пришли: мне не терпится закончить эту историю. Отец остановился при входе в жуткое помещение; рука, державшая лампу, даже не дрогнула. Я заглянул ему за плечо и увидел... *его*.

Доктор Кеан, три года, днем и ночью, это зрелище преследовало меня. Три года, днем и ночью, стояло перед глазами жуткое лицо — бородатое и ухмыляющееся лицо Пола Дуна. Он лежал на полу темницы, сжав кулаки и изогнувшись, как в агонии. Лежал там столетиями, и, Бог мой свидетель, плоть еще не сошла с его костей.

Кожа пожелтела и иссохла, явственно выступили кости, но ужасное, кошмарное лицо все же можно было узнать. Черные волосы походили на гриву, длинную и спутанную, брови были невероятно густы, а ресницы прикрывали скулы. Ногти на пальцах... Нет, я избавлю вас от их описания! Посмертная ухмылка полностью обнажала зубы — белые сверкающие зубы с двумя волчьими клыками.

Его пригвоздили к земляному полу осиновым колом, забитым сквозь грудину. Он так и остался лежать на месте, где его настигло ужасное орудие. Следует знать, что кол в нечестивца воткнули спустя год после его смерти!

Не помню, как я добрался до библиотеки. Я уже был не в состоянии присоединиться к гостям, впрочем, я не мог никого видеть и спустя много дней. Доктор Кеан, три года я боялся, боялся людей, боялся спать, но больше всего я боялся себя, зная, что в моих венах течет кровь *вампира*!

Глава IX

Польская еврейка

Несколько минут оба молчали. Лорд Лэшмор сидел, глядя в пустоту и вцепившись в собственные колени. Доктор Кean заговорил первым:

— Определенные качества четвертого барона обнаружались уже... после смерти?

— В округе за год умерли шестеро, — ответил Лэшмор. — По общине поползли слухи о вампирах. Пятый барон, сын Пола Дуна, пытался игнорировать их, пока мать ребенка, погибшего ребенка, не проследила за убийцей — человеком или его подобием — до ворот семейного склепа Дунов. Ночью, в тайне, сын Пола Дуна пришел в склеп и обнаружил... тело. Прошло двенадцать месяцев после похорон, а покойный ничуть не изменился. Его перенесли в подземелье, в Средние века служившее пыточной: крики оттуда никому не слышны — и древний ритуал убийства вампира был завершен. Больше потусторонний гость не тревожил округу, однако...

— Однако, — спокойно продолжил доктор, — вампирские черты он унаследовал от колдуньи Мирзы. Расскажите?

Глаза лорда лихорадочно сверкнули.

— Откуда вы знаете, что она была колдуньей? — сипло спросил он. — Это тоже семейная тайна.

— И останется ею, — заверил Кean. — Но мои исследования завели меня далеко; я знаю, что Мирза, жена третьего барона Лэшмора, при жизни практиковала черную магию, а после смерти также обратилась в упыря. Муж застал ее во время одного из богопротивных деяний и отсек ей голову. Он долго ее подозревал и не только сохранил рождение сына в секрете, но и изолировал его от матери. Второй брак оказался бездетным, и сын Мирзы стал бароном Лэшмором, а после смерти, как и мать, превратился в вам-

пира. Лорд Лэшмор, проклятие рода Дунов не исчезнет, пока его источник, еврейку из Польши, не постигнет та же участь, что и ее сына!

— Доктор, мы не знаем, где муж спрятал тело. Он умер, не раскрыв тайны. Вы полагаете, что вся эта чертовщина может повториться? Боже мой! Вы сводите меня с ума.

— Я не считаю, что спустя несколько поколений, не затронутых проклятьем, вы вдруг станете вампиром, но я думаю, что дух, нечистый и кровожадный дух женщины-вампира, по-прежнему бродит по земле. Сын был освобожден, и, кажется, вместе с ним ушло и родовое проклятье, однако его мать не *освободили*. Тело было обезглавлено, но душа упыря никуда не денется, пока не будет исполнен древний ритуал.

Лорд Лэшмор провел рукой по глазам.

— Я вас не очень понимаю, доктор Кеан. Не объясните?

— Я полагаю, призрак Мирзы все еще бродит по миру и одержим желанием, постоянным и чрезвычайно сильным, вновь воплотиться в человеческом теле. Именно такие неприкаянные души, лорд, и делают занятия спиритуализмом столь опасными. В определенных условиях такой дух все же может вселиться в человека.

— Вы считаете, что ее привидение все еще...

— Нельзя исключать вероятности, что она преследует своих потомков. Помнится, в замке Дун есть поверье, что, когда кто-то рождается или умирает там, можно услышать издевательский женский смех?

— Я сам его слышал в ночь, когда мне перешел титул.

— И смеется именно призрак той, что при жизни была известна как Мирза, леди Лэшмор!

— Но...

— Ее возможно заставить подчиняться.

— Как?

— С помощью колдовства, и некоторые люди не гнушаются этим. Конечно, воплощение плана таит множество опасностей.

— Догадываюсь, что вы, доктор Кеан, выслушав мою историю, уже понимаете, что следует предпринять.

— Вполне. Но мне нужны доказательства, поэтому я должен сегодня вечером осмотреть ваш дом. Можно ли прийти под предлогом визита к леди Лэшмор?

Аристократ внимательно смотрел на собеседника.

— В доме есть кто-то, способный усмотреть неладное в вашем посещении? — догадался он.

— Да. Назначим встречу на девять?

— Почему бы вам не прийти к ужину?

— Спасибо за приглашение, но думаю, мне лучше навестить вас чуть позже.

В тот вечер доктор Кean с сыном ужинали на Хаф-Мун-стрит.

— Сегодня столкнулся с Энтони Феррарой на Риджент-стрит, — сказал Роберт. — И был рад его видеть.

Доктор удивленно поднял брови и спросил:

— Неужели?

— Ну, я опасался, что он уехал из Лондона.

— Нанести визит Майре Дюкен в Ивернесе?

— Меня бы это не удивило.

— Меня тоже, Роб, но думаю, в данный момент он преследует другую добычу.

Роберт Кean взглянул на отца.

— Леди Лэшмор... — начал он.

— Ну? — нетерпеливо вставил доктор.

— Один из пронырливых репортеров, живущих скандалами, прислал в «Плэнет» заметку, намекающую на связь Феррары с леди Лэшмор. Конечно, мы такое не напечатали — не к тем обратился, но когда я встретил Феррару сегодня, с ним была именно леди Лэшмор.

— И что из этого следует?

— Вроде бы ничего: лорд Лэшмор, кажется, проживет дольше Энтони, который сегодня показался мне бледнее обычного.

— Ты думаешь, что Феррара охотится за состоянием?

— Безусловно.

— Леди Лэшмор выглядела здоровой?

— Совершенно.

— Вот как!

Повисла тишина, потом Роберт продолжил:

— Энтони Феррара представляет собой угрозу обществу. Когда я вижу змеиный взгляд его черных глаз и думаю о том, что он пытался сделать, что уже сотворил, весь закипаю. Грустно и смешно, оттого что в нашем сегодняшнем всезнании мы отринули единственный закон, способный покарать его! Его не потерпели бы в Древнем Вавилоне и, возможно, сожгли бы при Карле Втором, а в премудром двадцатом веке он разгуливает по Риджент-стрит с известной великосветской красавицей и смеется прямо в лицо человеку, которого пытался убить!

— Осторожнее, — предостерег доктор Кеан. — Помни, если завтра ты внезапно скончаешься, Феррара будет чист перед законом. Мы должны ждать и наблюдать. Можешь вернуться сюда в десять?

— Думаю, что смогу. Определенно смогу.

— Буду тебя ждать. Ты записал то, о чем нам стало известно, включая мои замечания и объяснения?

— Да, сэр, потратил на это весь вчерашний вечер.

— У меня будет что к этому добавить. Твои записи, Роб, когда-нибудь послужат оружием против нашего ужасного врага. Сегодня я поставлю подпись под двумя копиями и одну из них положу в банковский сейф.

Глава X

Смех

Доктор Кеан не ожидал, что леди Лэшмор окажется настолько красивой. Это была натуральная брюнетка с великолепной фигурой и фиалковыми глазами. Ее нежная бархатистая кожа, казалось, вобрала в себя страсть южного солнца и приобрела золотистый оттенок.

Женщина холодно поприветствовала доктора Кеана.

— Чрезвычайно рад, что вы так хорошо выглядите, леди Лэшмор, — сказал доктор. — Весь ваш вид подтверждает мои выводы.

— Выводы о чем, доктор?

— О природе вашего недавнего недуга. Сэр Элвин Гроувз хотел узнать мое мнение, и я высказал его.

Леди Лэшмор заметно побледнела.

— Я знаю, что лорд Лэшмор очень беспокоился, — проговорила она, — но я уверена, что у меня ничего серьезного...

— Полностью согласен. Вы просто страдали от нервного перевозбуждения.

Женщина держала веер у лица.

— Недавно кое-что произошло, — начала она, — впрочем, вам об этом известно. Подобное происшествие заставило бы нервничать кого угодно. Конечно, я осведомлена, доктор Кеан, что вы известный специалист по психическим болезням...

— Извините, но кто вам рассказал об этом?

Она не стала юлить:

— Мистер Феррара. Он заверил, что в этом деле вы непревзойденный авторитет.

Доктор, сделав серьезное лицо, недоверчиво склонил голову:

— Вот как!

— И я хочу вас спросить, — продолжила леди Лэшмор, — есть ли у вас предположения, пусть и самые смутные, о том, откуда взялись раны на горле моего мужа? Могло ли их нанести что-то потустороннее?

Ее голос дрожал, а легкий акцент усилился.

— Ничего потустороннего, — ответил доктор, — хотя я думаю, что нечто сверхъестественное в них есть. Осмелюсь предположить, что и вас не так давно мучили кошмары?

Женщина вздрогнула и посмотрела на гостя расширившимися от ужаса глазами.

— Откуда вы знаете? — прошептала она. — Откуда?! Доктор Кеан, не молчите! — Она положила руку на запястье Брюса. — Если вы в силах их прогнать! Если вы убедите меня, что они не вернутся...

Слова звучали как мольба и признание одновременно. Вся показная холодность оказалась лишь маской, за которой скрывался страх: никому до этого женщина не осмеливалась признаться в нем.

— Так расскажите же, — мягко настаивал доктор. — Вы видели такие сны дважды?

Она кивнула, бросив на собеседника удивленный взгляд.

— Оба раза совпали с болезнью мужа?

— Да, да!

— Что вам снилось?

— Нет, даже не смею говорить...

— Вы обязаны рассказать. — В голосе врача звучало сочувствие.

— Мне снилось, что я лежу в очень темной пещере. Прямо над моей головой бушует море. Но сквозь шум я слышу голос, зовущий меня — не по имени, а как-то по-другому, не могу объяснить — зовущий так, что я не могу отказать. Я почти не одета, на мне только лохмотья; и вот на коленях ползу на зов, и я не одна, вместе со мной ползут какие-то существа, липкие и многоногие...

Дрожь прошла по телу женщины, и она подавила то ли истерический смешок, то ли вскрик.

— Волосы растрепаны, но — вот! именно это и сводит с ума — моя голова кажется отделенной от тела! Я вся горю

от дьявольской ярости, не могу описать ее словами. И меня гложет жажда, и эта жажда...

— Думаю, я понял, — спокойно прервал Кean. — Что потом?

— Потом какое-то время я в забытьи, но сон опять продолжается. Доктор, *не могу* рассказать вам, какие ужасные, богохульные, гадкие мысли владели тогда моим разумом. Я сопротивлялась... сопротивлялась, но какая-то сила вновь и вновь тащила меня в эту отвратительную пещеру и наделяла неумной жаждой! Я бесновалась — сам дьявол бушевал в душе. А потом снова провал, и я проснулась.

Она сидела и дрожала. Кean заметил, что женщина избегает его взгляда.

— Это случилось в ночь первого необъяснимого нападения на вашего мужа?

— Было кое-что еще, — прерывисто зашептала леди Лэшмор.

— Говорите, не бойтесь.

Чудесные глаза красавицы казались полубезумными от ужаса. Она выдохнула:

— Но вы же знаете. Да?

Кean кивнул.

— Во второй раз вы проснулись раньше?

Леди Лэшмор жестом подтвердила его слова.

— Вам снилось то же самое?

— Да.

— Если забыть об этих двух случаях, вам когда-нибудь снилось подобное?

— Несколько раз, но лишь частично. Иногда, проснувшись, я помнила только часть сна.

— Что именно?

— Самое начало, жуткую пещеру...

— Леди Лэшмор, недавно вы присутствовали на сеансе столотворения.

Ее уже не удивляли способности доктора к индуктивному мышлению, и она молча кивнула.

— Предполагаю, хотя не знаю наверняка, что инициатором и организатором спиритического сеанса выступил Энтони Феррара, предложив развлечься таким образом?

Женщина еще раз утвердительно качнула головой.

— И духи говорили через вас?

Вновь согласие.

Лицо Кеана стало очень серьезным:

— Благодарю, леди Лэшмор. Не смею вас больше беспокоить.

Он уже собрался уходить, когда хозяйка тихонько окликнула его:

— Доктор Кеан! Что-то ужасное, что-то, чего я не понимаю, боюсь и ненавижу, овладело мной. Ради всего святого, скажите, что все будет хорошо. Кроме вас, никто не знает, какой ужас преследует меня. Только скажите...

У двери доктор оглянулся:

— Не бойтесь.

Он вышел из комнаты.

Леди Лэшмор застыла, словно околдованная Медузой Горгоной: прелестные глаза широко открыты, лицо бледное, как у покойницы. Он даже не сказал: «Надейтесь!»

Когда доктор Кеан вернулся на Хаф-Мун-стрит, Роберт, разложив перед собой бумаги, курил в библиотеке. Лицо отца, обычно свежее и румяное, было таким бледным, что сын в тревоге кинулся ему навстречу. Но доктор привычным взмахом руки остановил его.

— Присядь, Роб, — тихо сказал он. — Сейчас я успокоюсь. Я только что был у женщины, молодой и прекрасной женщины, которую адское отродье приговорило к такому, что даже мой разум отказывается понимать.

Не отрывая взгляда от отца, Роберт сел.

— Запиши следующее, — продолжил Брюс и начал ходить взад и вперед по комнате, диктуя все, что он узнал от лорда и леди Лэшморов об истории рода Дунов и последних происшествиях. Сын быстро записывал его рассказ.

— И наконец, — сказал доктор, — надо подвести итоги. Мирза, польская еврейка, ставшая леди Лэшмор в 1615 году, при жизни практиковала магию, а после смерти обратилась в упыря, вампира, поддерживающего свое безбожное существование дьявольскими средствами.

— Но, сэр! Это всего лишь ужасный средневековый предрассудок!

— Роб, я бы мог пригласить тебя в замок возле Кракова в Польше, в котором до сих пор хранятся реликвии, способные раз и навсегда рассеять любые сомнения в существовании вампиров. Но не будем отвлекаться. Сын Мирзы, Пол Дун, унаследовал порочные наклонности матери, но его жизнь после смерти была вскоре прервана традиционными и весьма эффективными средствами. Так что о нем мы можем забыть.

А вот на колдунье Мирзе нам стоит сосредоточиться. Она была обезглавлена собственным мужем. Казнь несколько спутала карты: ведьма не смогла после своей смерти блюсти жуткие обычаи вампиров, иными словами, быть тем, кем она должна была стать, если бы скончалась ненасилственным путем. Она не может бродить по ночам без головы, но злой дух убитой все еще надеется обрести власть над подходящим для этих целей телом.

Питая непримиримую ненависть к дому Дунов, бесплотный дух продолжает витать рядом с потомками Мирзы, привязанный к ним как враждою, так и родством. У призрака Мирзы два страшных желания, удовлетворить которые может лишь кто-либо из рода Дунов, — жажда крови и жажда мести! Судьба лорда Лэшмора решится, когда дух найдет воплощение.

Доктор Кеан замолчал, глядя на сына, делающего записи с безумной скоростью.

— Маг, более могущественный и более порочный, чем была или могла стать Мирза, — продолжил он, — магистр

темных искусств, изгнал душу женщины из тела и временно поместил туда кровожадный дух Мирзы!

— О Боже, сэр! — воскликнул Роберт и отбросил карандаш. — Я начинаю понимать!

— Леди Лэшмор, — сказал доктор Кеан, — была достаточно податлива и согласилась присутствовать на некоем спиритическом сеансе, после которого время от времени с ней стали случаться припадки *одержимости*: в нее вселился дух вампира! Подчиняясь беззвучному зову, она напала на лорда Лэшмора, последнего из Дунов. Ужасное свершилось, могущественная сила, держащая дух Мирзы, как собаку на привязи, оттащила его от жертвы, заставила скрыть все следы произошедшего и вновь бросила в отвратительную пещеру, где все еще находится безголовое туловище, спрятанное третьим бароном Лэшмором.

Леди Лэшмор кое-что помнит, а именно момент, когда ей овладела одержимость, и момент, когда она вновь обрела контроль над собой. Это воспоминания о тайной пещере около замка Дун: там лежит обезглавленное, но бессмертное тело — и особенно остра память о том, что вампира прогнала чья-то Воля, так и не дав утолить жажду.

— Боже милосердный! — бормотал Роберт. — Господи, как же такое могло произойти!

— Возможно всякое — и оно случается! Справиться со случившимся можно двумя способами. — Голос доктора был тих. — Мы можем найти пещеру и убить — в оккультном смысле этого слова — вампира с помощью кола; либо же мы можем убить человека, направляющего бесплотный дух, хотя я и вынужден признать, что это, вероятно, приведет к постоянной одержимости леди Лэшмор. Да, мы можем убить Энтони Феррару!

Роберт подошел к серванту и дрожащими руками налил себе бренди.

— Зачем он это делает? — прошептал он.

Доктор Кеан пожал плечами.

— Леди Лэшмор будет самой богатой вдовой Англии, — ответил он.

— Но теперь *он* узнает, — неуверенно продолжал молодой человек, — что вы собираетесь разрушить его планы. Разве...

— Я предупредил лорда Лэшмора, что ему стоит запретить на ночь двери — и наружную, и ведущую в гардеробную. Что касается остального, — ученый опустил в кресло, — то я еще не полностью разобрался в ситуации...

Зазвонил телефон.

Доктор Кean вскочил, будто от удара тока, а когда он поднял трубку, по выражению его лица Роберт понял, кто звонит и о чем идет речь.

— Поехали со мной, — сказал отец, отходя от аппарата на столе.

Они отправились вместе. Было уже за полночь, но им удалось поймать такси на углу Хаф-Мун-стрит, и через пять минут автомобиль подвез их к дому лорда Лэшмора.

Из слуг их встретил только Чемберс, камердинер лорда.

— Когда все произошло, — хрипло объяснил камердинер, — они все убежали прочь из дома.

Доктор Кean, не теряя времени на расспросы, бросился вверх по ступеням. Сын последовал за ним. Они ворвались в комнату лорда Лэшмора и в ужасе застыли в дверях. В кровати прямо и неподвижно сидел хозяин дома: кожа его посерела, а в широко открытых глазах, уже подернутых пеленой смерти, читался неизъяснимый страх. Левая рука все еще сжимала электрический фонарик.

Рядом с постелью они увидели сэра Элвина Гроувза, склонившегося над кем-то, лежащим на ковре. Он поднял голову. От его обычного самообладания не осталось и следа.

— Это вы, Кean! — воскликнул он. — Мы оба опоздали.

У кровати они обнаружили распростертую фигуру леди Лэшмор, одетую поверх ночной рубашки в свободное кимоно. Она была бледна и не шевелилась. Врач только что обработал огромный синяк на ее виске.

— Она поправится, — сказал сэр Элвин. — Как видите, ей нанесли сильный удар, но лорд Лэшмор...

Доктор Кean приблизился к мертвецу.

— Сердце, — проговорил он. — Оно остановилось от ужаса.

Ученый повернулся к Чемберсу, застывшему в дверном проеме:

— Дверь в гардеробную открыта. Я же просил лорда Лэшмора запереть ее!

— Да, сэр. Его светлость собирался последовать вашему совету, сэр. Но замок оказался сломан. Завтра его должны были заменить.

Доктор Кеан обратился к сыну.

— Ты слышал? — сказал он. — Без сомнения, ты уже знаешь, кто из гостей этого обреченного дома мог его сломать. Так как завтра замок поменяли бы, трагедия произошла именно сегодня. — И он вновь обратился к камердинеру: — Почему ушли слуги?

Чемберс не мог унять дрожь.

— Из-за смеха, сэр! Хохота! Никогда его не забуду! Я спал в соседней комнате, и у меня под рукой, на всякий случай, был ключ от покоев его светлости. А затем я услышал крик его светлости, короткий и громкий, сэр, как будто его ударили ножом; я вскочил и бросился на помощь. Когда я взялся за ручку своей двери, сэр, кто-то... что-то *засмеялось!* Оно было там, внутри, да, в комнате, джентльмены! И это не был смех ее светлости. Хохот и *вовсе* не подходил на женский! Не могу описать, но все в доме проснулись от этого звука.

— Когда вы вошли?

— Я не осмелился, сэр! Я побежал вниз и позвонил сэру Элвину Гроувзу. Но еще до его прихода все слуги поспешно оделись и убежали.

— Лорда нашел я, — прервал Гроувз, — в том же положении, в котором его видите вы. Леди Лэшмор лежала тут же. Я вызвал медсестер.

— Ясно, — сказал доктор Кеан, — я скоро вернусь, мне нужно кое-что сделать.

Он увлек за собой сына на лестничную площадку.

— Ты понял? — спросил он. — Дух Мирзы, вошедший в тело жены, вновь посетил лорда. Лэшмор почувствовал зу-

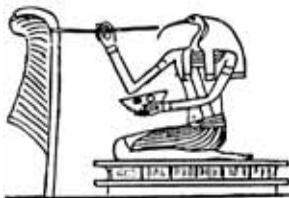
бы на горле, мгновенно проснулся и нанес удар. После этого включил фонарик и узнал собственную жену! Сердце его не выдержало этой трагедии, и под смех ведьмы последний из Дунов скончался.

Такси ожидало у дома. Отец и сын сели в машину, и доктор назвал адрес квартиры на Пикадилли. Автомобиль тронулся; ученый достал из кармана револьвер, зарядил его пятью патронами и вновь спрятал оружие.

Одна из дверей, ведущих в апартаменты, была отперта. Консьерж тоже оказался на месте.

— Мистер Феррара у себя? — спросил доктор Кean.

— Вы опоздали на несколько минут, сэр, — ответил привратник. — Уехал в десять минут первого. Отправился за границу, сэр.

Глава XI

Каир

Зачастую трудно предугадать, как душевное напряжение скажется на физическом состоянии человека. Когда Роберт Кean покидал Оксфорд ради места в лондонской газете, он пребывал в самом добром здравии; столкновение же с чередой сверхъестественных событий сломило его физически, что явилось неожиданностью: такое мог бы с легкостью перенести даже человек менее сильный и энергичный.

Те, кому довелось пережить подобную бурю эмоций, знают, что выздоровление в этом случае похоже на долгожданное пробуждение от кошмара. И в самом деле, Роберт словно находился между сном и явью. Когда Кean рассказал о своем самочувствии отцу, тоже довольно-таки бледному и нервному, тот не на шутку обеспокоился и решил, что сыну стоит отдохнуть где-нибудь на курортах Египта.

— В редакции я обо всем договорился, Роб, — сообщил доктор. — Недели через три получишь в Каире указания, какие именно статьи о стране ты должен написать. А до той поры, мальчик мой, отдыхай и ни о чем не беспокойся, слышишь, главное, не беспокойся. Нам с тобой довелось повидать вакханалию ужаса, но я к такому привык, а ты сломался, что неудивительно.

— Где Энтони Феррара?

Доктор Кean покачал головой, а в глазах неожиданно промелькнула злость:

— Бога ради, даже не упоминай при мне этого имени! Тема под запретом, Роб. Единственное, что я могу сказать, — он уехал из Англии.

В подобном затуманенном состоянии, лишь частью сознания находясь в реальном мире, Кean ощущал себя инвалидом, который только вчера был здоровым человеком: вот

его на корабле доставили в Порт-Саид, вот на поезде привезли в Каир, вот одетый в красный жакет носильщик из отеля «Шеферд» выводит его из вагона на платформу — и в этот миг началось его пробуждение. Живой интерес к экзотическим картинам Египта постепенно побеждал кошмарный сон.

Проехав немного по своеобразным каирским улицам, на которых Восток встречается с Западом и все растворяется в фиолетовых сумерках Нижнего Египта, Роберт оказался в шумном и многолюдном отеле, прославленном на весь мир.

А там уже ждал Сайм, флегматик Сайм, с которым он не встречался с тех пор, как покинул Оксфорд. Приятель извинился за то, что не смог встретить Роберта на вокзале, объяснив это чрезвычайной занятостью: он временно исполнял обязанности врача при археологической экспедиции. Похожий на быка силач выглядел полной противоположностью истощенному болезнью Кеану.

— Десять минут назад вернулся из Васты²⁵, Кеан. Ты просто обязан поехать со мной в лагерь — воздух пустыни мгновенно поставит тебя на ноги.

Сайм болтал как ни в чем не бывало, но в его голосе и взгляде сквозила настоящая забота: он явно поразился перемене, произошедшей с другом. Хотя он кое-что слышал, пусть и небольшое, о происшествиях в Лондоне, о жутких событиях, связанных с человеком по имени Энтони Феррара, он ни словом не упомянул о них.

Расположившись на террасе, Роберт Кеан наблюдал за бурной жизнью каирской улицы с острым любопытством путешественника, впервые прибывшего в столицу Ближнего Востока. Наконец-то и болезнь, и ее причины стали казаться давно забытым сном. Он даже не обращал внимания на уличного торговца, стоящего у перил и убеждающего его на ломаном английском купить мухобойку. Впрочем, продавцы и предсказатели кружили вокруг «Шеферда», как жужжащий рой, чем только не торгующий — бурами, поддельными древностями, сладостями и прочим. На

²⁵ Васта — египетский город в долине Нила.

Шариа Камел-Паша смешалось все: экипажи и автомобили, верблюды и ослы. Была слышна речь американцев и британцев, гортанные звуки немецкого языка смягчались журчащим арабским словом, и все вместе обращалось в удивительно гармоничный хор, невыразимо милый сердцу Роберта. Сидя на террасе, потягивая виски с содовой и покуривая трубку, он чувствовал себя почти счастливым. Он желал только покоя, и безделье среди суетливой толпы воспринималось как праздность самого высшего ранга.

За ним тайком наблюдал Сайм, отмечая, что на лице друга появились морщины, следы пережитых бурь. Очевидно, что-то ужасное терзало его. Размышляя о чудовищном нервном истощении Кеана, Сайм гадал, насколько близко Роберт подошел к порогу безумия, и решил, что тот уже стоял у границы мрачной земли фантомов и был спасен от падения в пропасть лишь в последнюю секунду.

Наконец Кеан с улыбкой оторвал взгляд от группы шумящих внизу уличных торговцев.

— Как тут замечательно! — сказал он. — Так и просидел бы здесь весь день, но близится вечер, а жара все не спадает, не так ли?

— Верно, — подтвердил Сайм. — А еще, знаешь ли, скоро подует *хамсин*, горячий ветер. Он застал нас неделю назад в Асуане²⁶. Стало темно как ночью, и было невозможно дышать из-за песка. Не исключено, что он доберется и до Каира.

— Судя по твоим словам, знакомство с *хамсином* не из приятных!

Сайм кивнул, выбивая трубку в пепельницу.

— Вообще, забавная страна, — задумчиво произнес он. — Тут до сих пор витают весьма странные идеи, естественные разве что для Средневековья. Например, — он снова начал забивать табак, — *хамсин* обычно в это время не дует, поэтому туземцы пытаются найти объяснение столь неожиданной перемене погоды. И выдвигают весьма любопытные — пусть и дурацкие — гипотезы. Один из наших ара-

²⁶ Асуан — речной порт на правом берегу Нила.

бов, тех, что работают на раскопках в Файюме²⁷, вчера совершенно серьезно убеждал меня, что причиной горячего ветра является ифрит²⁸, демон из «Тысячи и одной ночи», недавно прибывший в Египет.

Он хохотнул, но Кean продолжал с любопытством смотреть на товарища. Сайм продолжал:

— Я приехал вечером в Каир и обнаружил, что новости об ифрите опередили меня. Честное слово, Кean, весь город о нем говорит, в смысле, все местные, даже торговцы на рынке. Как только подует *хамсин*, они тут же закроют лавки и спрячутся в подвалах, если у них есть подвалы! Что-то я плоховато знаю современную египетскую архитектуру.

Кean рассеянно качнул головой.

— Тебе смешно, — сказал он, — но распространенный предрассудок или то, что мы так называем, иногда — страшная сила.

Сайм удивленно взглянул на собеседника.

— Нда, — вырвалось у него, но он тут же вспомнил, что подобные дискуссии находятся под запретом.

— Ты можешь сомневаться в существовании ифритов, — продолжал Кean, — но никто из нас не в праве отрицать действенную силу мысли. Если профессиональный гипнотизер одним лишь словом убеждает человека, что тот сидит на берегу реки с удочкой, тогда как в действительности он находится на сцене в аудитории, то чего же стоит ожидать от уверенности тысяч местных жителей в том, что Египет посетил ифрит?

Сайм посмотрел на него с нарочитой скукой.

— Да уж, задачка, — произнес он. — Но я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Иными словами, ты не думаешь...

²⁷ Файюм — город в Ливийской пустыне.

²⁸ Ифриты — проклятые Аллахом джинны ада, славящиеся своей силой и хитростью, огромные крылатые существа из огня, живущие под землей.

— Если ты хочешь спросить, считаю ли я, что в результате этого и впрямь появится ифрит, то ответ отрицательный.

— Я не это имел в виду, — ответил Кean, — но подобная волна предрассудков не может пройти бесследно, это же энергия мысли, направленная в одну точку.

Сайм встал.

— Давай сменим тему, — мудро предложил он, полагая предмет дискуссии нездоровым; еще немного — и он станет совсем безумным.

В этот момент им начал назойливо предлагать свои услуги индийский хиромант.

— *Имши! имши!* — сердито отогнал его Сайм.

— Погоди, — с улыбкой произнес Кean. — Этот парень не египтянин. Давай-ка спросим, слышал ли он что-нибудь об ифрите.

Сайм нехотя вернулся на место. Предсказатель расстелил коврик и устроился на нем, готовый приступить к гаданию по руке, но Кean отмахнулся.

— Я не хочу знать будущее, — сказал Роберт, — но я вам заплачу, если согласитесь немного поговорить со мной, — и улыбнулся другу.

— Да, сэр, да, сэр! — Индеец был готов на все.

Исходяще посмотрев на хироманта, Кean спросил:

— Почему *хамсин* подул так рано в этом году?

Индеец развел руками.

— Мне откуда знать? — Голос звучал мягко и мелодично. — Я не из Египта. Могу только повторить то, что слышал от египтян.

— Что же вы слышали?

Сайм, опершись руками о колени, подался вперед, выказывая любопытство. Ему очень хотелось услышать от индийца подтверждение истории об ифрите.

— Говорят, сэр, — понизил голос хиромант, — что идет что-то очень злое. Не такое, как я, — он ткнул в грудь длинным смуглым пальцем. — Не такое, как он, ваш друг, — он стукнул Сайма по колену. — Не такое, как вы, — он показал

на Кеана. — Не человек, хотя похож на человека! Без отца и матери...

Сайм подсказал:

— Это дух?

Предсказатель отрицательно покачал головой.

— Говорят, сэр, не дух, а человек, но не такой, как другие. Очень, очень плохой человек, которого давным-давно великий царь, именуемый вами мудрым...

— Соломон? — предположил Сайм.

— Да, да, Сулейман! Которого он, когда изгонял демонов с земли, не нашел.

— Проглядел? — вставил Сайм.

— Да, да, проглядел! Очень плохой человек, джентльмены. Говорят, он пришел в Египет. Пришел не с моря, а через великую пустыню...

— Ливийскую пустыню? — вновь вмешался Сайм.

Хиромант затряс головой, подбирая слова.

— Аравийскую пустыню?

— Нет, нет. Много дальше, там, в Африке, — он выразительно замахал длинными руками, — далеко, дальше Судана.

— Через Сахару? — догадался Сайм.

— Да, да, через Сахару! Пересек Сахару и пришел в Хартум²⁹.

— Как он туда попал? — спросил Кеан.

Индиец пожал плечами.

— Не могу сказать, но потом он пришел в Вади-Хальфу³⁰, после в Асуан, а из Асуана в Луксор! Вчера один знакомый египтянин сказал мне, что *хамсин* уже в Файюме. Значит, злой человек там и принес горячий ветер с собой.

Индиец так разволновался, что рядом остановились двое американцев послушать его.

— Сегодня вечером или завтра, — озираясь, шептал хиромант, словно подозревая, что их подслушивают, — он бу-

²⁹ Хартум — столица Судана.

³⁰ Вади-Хальфа — город на севере Судана у границы с Египтом.

дет здесь, в Каире, и принесет палящее дыхание пустыни — ветер скорпионов.

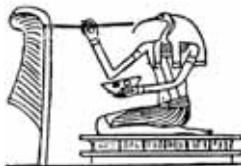
Он встал, льстиво улыбаясь, и атмосфера тайны, окутывающая рассказ, развеялась. Работа сделана — он ждет оплаты. Сайм протянул ему пять пиастров, и предсказатель, кланяясь, удалился.

— Знаешь, Сайм, — заговорил Кеан, рассеянно проводив взглядом спустившегося по покрытым ковром ступеням и растворившегося в толпе индийца, — знаешь, если человек, любой человек, воспользуется волной предрассудков, прокатившейся сейчас по Египту, если он сможет сконцентрировать ее энергию на себе, не думаешь ли ты, что он будет способен выйти за пределы обычного и творить невероятное?

— Но каким образом ты предлагаешь сфокусировать эту волну на конкретном человеке?

— Я же просто высказываю мысль, Сайм. Просто вижу такую возможность...

— А по-моему, нам пора прекращать нести всякую чепуху, — отрезал Сайм. — Надо переодеться к ужину. Сегодня вечером карнавал, будет весело. Давай-ка лучше сконцентрируемся на еще одной порции виски с содовой.

Глава XII

Маска Сета

Усеянное звездами египетское небо куполом распростерлось над вершинами пальм, среди раскидистых ветвей мерцали красные лампочки; у каждого поворота извилистых тропок стояли светильники, длинные гирлянды бумажных фонариков колыхались от мягких прикосновений ветерка. В центре этого зачарованного сада искрящаяся струя фонтана била ввысь, а потом падала, осыпая бриллиантовыми каплями мраморное обиталище золотых карпов. Шорох бесчисленных ног по песку дорожек, неумолчный гул голосов и взрывы громкого смеха мешались с мелодиями, которые играл военный оркестр, скрытый от глаз увитой цветами беседкой.

То там, то тут по ярко освещенным лужайкам и затененным аллеям фланировали удивительно одетые люди: шейхи в развевающихся мантиях, драгоман³¹, не говорящие по-арабски, султаны и древнеегипетские жрецы, идущие об руку друг с другом; фиванские танцовщицы, наложницы из гаремов в шелковых шароварах и в красных туфлях на высоких каблуках; Семирамиды и Клеопатры, гейши и цыганки — все смешались, словно стеклышки в гигантском калейдоскопе. Землю устилал толстый шуршащий ковер конфетти; девушки с криками убегали от преследующих их весельчаков, вооруженных пригоршнями крошечных бумажных дисков. Сквозь толпу промаршировал, наигрывая на волынках, шотландский полк — килты смотрелись особенно неуместно посреди восточной феерии. В отеле, где горели цветные лампы, кружился хоровод теней — в холле гремел бал.

³¹ Драгоман — ближневосточный переводчик и дипломат, обязательно владеющий арабским и хотя бы одним европейским языком.

— Какая громадная толпа, — сказал Сайм. — И это почти под конец сезона!

Перед друзьями остановились три девушки, облаченные в шелка и полупрозрачные белые яшмаки³². Мелькнули блестящие перстни — и Кean чуть не задохнулся под ливнем конфетти, попавшим в глаза, ноздри, уши и даже в рот. Проказницы с визгом бросились прочь от жаждущих мести жертв: Сайм погнался сразу за двумя, Кean преследовал третью. В буйстве маскарада забылось все, осталось лишь сумасшествие, заразительное безумие карнавалной ночи. Ловкая беглянка металась среди странно одетых фигур. Несколько раз он догонял ее, но она вновь и вновь ускользала.

Он давным-давно потерял Сайма из вида: погоня за неуловимой незнакомкой увела его за фонтан, клумбу, беседку и пальмы.

Наконец в тенистом углу сада он настиг ее. Запуская руку в прихваченный с собой пакет с конфетти, он ринулся вперед, предвкушая сладкую месть, но внезапный порыв ветра всколыхнул кроны пальм, и, взглянув вверх, Кean обнаружил, что чистое небо затянуто дымкой, сквозь которую слабо мерцают звезды. Секундная задержка погубила все предприятие: с победным криком девушка поднырнула под вытянутую руку и кинулась назад к фонтану. Поначалу он бросился за ней, но еще более сильный порыв ветра пронесся между деревьями, и сухие листья посыпались прямо на покрывающий землю слой конфетти. Гремел оркестр, шумели гуляющие, но еще громче завывал хамсин, поднимая в воздух песок.

А потом под неистовые хлопки пальмовых ветвей ветер перешел в ураган. Казалось, он пытался задавить сад волнами жара, сбрасывая вниз огромные листья и заставляя стволы склоняться перед яростью пустыни. В воздухе повисла непроницаемая завеса пыли, звезды совсем исчезли.

³² Яшмак — мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо, оставляя лишь узкую прорезь для глаз.

В саду началась паника. Из самого сердца толпы донесся пронзительный женский вопль: «Скорпион! Скорпион!»

Бегство угрожало давкой, но, к счастью, двери были широки и вся разноцветная компания, включая военный оркестр, благополучно влетела в отель.

Кеан в одиночестве стоял в саду и, взглянув на тропинку, ведущую к фонтану, заметил серо-коричневое пятно, длиной примерно четыре дюйма³³, зигзагами приближающееся к нему. Оно оказалось огромным скорпионом, но когда молодой человек попытался раздавить его, тварь развернулась и скрылась в клумбе у дорожки.

Палящий ветер мгновенно сделался невыносим, и Кеан, заходя в отель следом за припоздавшими гостями, подумал, что в его ярости таится что-то злое. На пороге Роберт обернулся и взглянул на разноцветный от огней сад. Бумажные фонарики, частью погасшие, бешено тряслись; некоторые пылали, сгорая; электрические лампочки, прикрепленные к вершинам пальм, падали и взрывались, как маленькие бомбы. Сад напоминал поле битвы, усеянное осколками, и молодой человек наконец понял, почему все так стремились укрыться внутри здания. Там, где еще недавно весело мелькали хризантемы, покрывала, турбаны, фески, урей³⁴ и индейские перья, никого не осталось, хотя... он ошибся — кто-то там был.

Мимо беснующихся гирлянд, не обращая внимания на летящие в лицо мусор и песок, словно воплощая в себе страх, заставивший всех покинуть сад, сквозь тьму на свет и вновь во тьму вышагивал человек — в сандалиях, короткой белой тунике древнего египтянина, с длинным посохом. На его плечах красовалась жуткая ухмыляющаяся маска крокодила, маска Сета³⁵, Сета Разрушителя, бога подземного мира.

³³ 1 дюйм = 2.54 сантиметра.

³⁴ Урей — символическое изображение богини-кобры на головной повязке египетских фараонов.

³⁵ Сет — древнеегипетский бог ярости, песчаных бурь, разрушения, хаоса, войны и смерти.

Пока что никто, кроме Кеана, не заметил странную фигуру — только он один оглянулся назад. Кошмарная маска заворожила его, он был не в силах оторвать взгляд от чудовищного бога; словно под гипнозом, смотрел он в горящие глаза рептилии. Существо вплотную подошло к ступеням у входа в отель, но Кean все не двигался. Когда обутая в сандалию ступня коснулась первой ступени, горячий, как пекло, порыв ветра швырнул волну пыли в холл, ослепив молодого человека. За его спиной раздался хор голосов, требующих закрыть двери. Вдруг кто-то похлопал Роберта по плечу и развернул к себе.

— Бога ради, — Сайм держал его за руку, — хамсин неистов как никогда. Говорят, ничего подобного здесь еще не видели!

Туземные слуги закрывали и запирали двери. Было темно, как в подземном царстве. Ветер завывал голосами миллионов неприкаянных душ. Кean оглянулся. Коридорные завешивали двери и окна тяжелыми портьерами.

— Он остался там, Сайм! — воскликнул Роберт.

Товарищ непонимающе посмотрел на него.

— Неужели ты его не заметил? — раздраженно продолжал Кean. — Человек в маске Сета, он только что шел за мной.

Сайм, подошел к окну, раздвинул шторы и начал вглядываться в опустевший сад.

— Ни души, старина, — объявил он. — Наверное, ты видел ифрита!

Глава XIII

Скорпионий ветер

Неожиданная и жуткая перемена погоды не лучшим образом сказалось на настроении гостей. Пришлось забыть и о карнавальном шествии в саду, и о фейерверке. Была предпринята вялая попытка продолжить танцы, но завывание ветра и всепроникающая пыль постоянно напоминали о том, что снаружи неистовствует хамсин, бушует с яростью, доселе в этих краях невиданной. Это была настоящая песчаная буря — весь ужас Сахары обрушился на Каир.

Мало кто покинул «Шеферд», хотя те, кому было далеко добираться к себе, в особенности приехавшие из отеля «Мена Хаус», поговаривали, что разумней было бы немедленно уйти: погода могла ухудшиться. Всеми овладел стадный инстинкт — безопаснее остаться здесь, в толпе, где веселье, музыка и смех, а не на заметенных песком улицах.

— По-моему, мы злоупотребили гостеприимством, — уверяла Сайма какая-то американка. — Египет изгоняет нас!

— Все может быть, — с улыбкой ответил тот. — Однако курортный сезон в этом году оказался слишком длинным, перемену погоды следовало предвидеть.

Оркестр заиграл веселенький уанстеп³⁶, и кое-кто посмелее начал танцевать, но большинство гостей по-прежнему толпились у входа, предпочитая роль зрителей.

Кеан и Сайм пробились сквозь пеструю публику к «Американскому бару».

— Я бы порекомендовал «Танго», — сказал Сайм.

— Что это?

³⁶ Уанстеп — бальный танец, упрощенный вариант тустепа.

— Новый коктейль, который смешивают только здесь. Попробуй. Он либо убьет, либо исцелит тебя.

Кеан слабо улыбнулся.

— Да, взбодриться не помешало бы, — ответил он. — Кажется, я набит этим проклятым песком по самое горло.

Сайм быстро сделал заказ бармену.

— Понимаешь, — настаивал Кеан, — никак не могу выкинуть из головы воспоминание о человеке в саду, в маске крокодила.

— Слушай, — прорычал Сайм, наблюдая, как делают коктейль, — даже если он и был там, что с того?

— Просто странно, что никто его не видел.

— А тебе в голову не пришло, что парень просто снял маску?

Кеан медленно покачал головой.

— Не думаю, — заявил он. — Я не заметил его в отеле.

— Не заметил? — Сайм хмуро глянул на друга. — А как бы ты его узнал?

Кеан озадаченно потер лоб:

— Да уж, как-то все странно.

Они расположились за столиком и молча раскурили трубки. У Сайма, как и у большинства молодых и увлеченных врачей, на каждый случай была своя теория: его взгляды отличались радикальностью, и только проверка на практике могла поколебать их. В душе он искренне верил, что телесные болезни развиваются преимущественно из-за расстройства нервной системы. Для него было совершенно очевидно, что разум Кеана не в порядке — иначе откуда эта бессвязная речь? — и именно поэтому Роберт наделил маску Сета фантастическими чертами.

— Полагаю, что в Лондоне ты испытал сильное потрясение, — неожиданно произнес Сайм.

Кеан кивнул.

— Чертовски сильное. В твоей психологической теории есть здоровое зерно, Сайм. Врачи сказали, что мои нервы долго оставались расшатаны, а ведь до этого я казался очень крепким человеком. Похоже, такое действительно убивает. Череда потрясений, ужасов, одно накладывается на другое

— и в итоге я слаб, как после гриппа, воспаления легких и еще парочки заболеваний, обрушившихся одновременно.

Сайм понимающе кивнул: объяснение полностью соответствовало его представлениям.

— Помнишь Энтони Феррару? — продолжал Роберт. — Это он во всем виноват. Его проклятое колдовство хуже всякой болезни. Он сам хуже всякой чумы! И по закону его не накажешь, ни один суд не приговорит его, хоть он и убийца. Он властвует над... силами...

Сайм пристально смотрел на товарища.

— Ты поймешь, Сайм, до чего все дошло, когда я скажу тебе, что мой отец ездил на квартиру к Ферраре с заряженным револьвером в кармане...

— Для... для самозащиты? — с сомнением переспросил Сайм.

— Нет, — Кеан наклонился поближе к собеседнику, — чтобы застрелить его, Сайм, пристрелить на месте, как бешеного пса.

— Шутишь?

— Бог свидетель, окажись Феррара в тот день дома, отец убил бы его!

— Да уж, скандала было бы не избежать.

— Отца объявили бы святым мучеником. Человек, стесревший Энтони Феррару с лица земли, оказал бы всем неоценимую услугу. Такие не должны жить. Иногда я не верю, что он ходит среди нас. Думаю, что проснусь и он растает, как кошмарный сон.

— А этот случай, ну, визит твоего отца к Ферраре, произошел до того, как ты заболел?

— То, что отец пытался сделать той ночью, было последней каплей, Сайм. Я сломался. С тех пор, как Феррара покинул Оксфорд, он совершил немало преступлений, коварных, необычных, с помощью таких удивительных, я бы сказал, дьявольских ухищрений, что никто даже не заподозрил его. Сайм, помнишь девушку, о которой я говорил тебе однажды в Оксфорде, девушку, пришедшую навестить Феррару?

Сайм медленно кивнул.

— Он ее убил! Да, в этом нет ни малейших сомнений — я осматривал тело в больнице.

— И как же он убил ее?

— Как? Только он и Господь, допускающий его существование, знают это. Убил, даже не приближаясь к ней. И приемного отца, сэра Майкла Феррару, убил тем же сатанинским способом!

Сайм смотрел на молодого человека, не решаясь высказать мнение об услышанном.

— Конечно же, обо всем умолчали, ведь против него нельзя использовать ни один действующий закон.

— *Действующий закон?*

— Старинные законы утратили силу, Сайм, но в Средние века его бы сожгли!

— Понимаю. — Сайм барабанил пальцами по столу. — У тебя были подобные мысли еще в Оксфорде. А доктор Кеан тоже всерьез верит в это?

— Да. Ты сам не сомневался бы, Сайм, ни секунды, если бы видел то, что видели мы! — Вдруг глаза Роберта гневно сверкнули прежним энергичным блеском. — Ночь за ночью пытался он с помощью проклятой магии, которая, как думают некоторые, похоронена под руинами Фив, убить *меня!* Он проецировал нечто...

— Передавал нечто тебе в сознание?

— Что-то в этом роде. Я видел или думал, что вижу, и чувствовал — тьфу! кажется, этот запах все еще со мной — жуков, жуков из гробницы, прямо из черепа мумии! Мои комнаты кишели ими. Это едва не привело меня в Бедлам, Сайм. И это не игра воображения. Мы с отцом поймали его за руку. — Он взглянул на друга. — Читал о смерти лорда Лэшмора? Сразу после того, как ты уехал?

— Да, сердечный приступ.

— Точно, но виноват во всем Феррара! Именно из-за лорда отец ездил на квартиру к Ферраре с револьвером наготове.

Ветер, завывая, с дьявольской яростью бился в стекла, словно пытаясь проникнуть внутрь; оркестр играл модный

вальс; в открытые двери зала входили и выходили люди всех возрастов и национальностей.

— Феррара, — осторожно начал Сайм, — всегда был неприятным типом: эти его прилизанные черные волосы, вечно бледное лицо. А когда я смотрел в его узкие глаза, их выражение так и соблазняло меня хорошенько ему врезать. Сэр Майкл, если, конечно, ты не заблуждаешься, пригрел на своей груди змею. И в то же время, Кean, происходящее лишний раз доказывает, как мало мы знаем о нервной системе человека.

— Пригрел. Энтони Феррару усыновили, и никому не известно, какая порочная семья его породила.

Оба немного помолчали.

— О Боже! — Кean резко вскочил, чуть не опрокинув столик. — Сайм, гляди!

Тревогу в голосе молодого человека уловил не только его друг. Сайм посмотрел в ту сторону, куда указывал пальцем Кean, и заметил промелькнувшую в проеме двери смутную гротескную фигуру с вытянутой головой, но она тут же скрылась в толпе танцующих, словно ее и не было, и вот товарищ уже поддерживал обморочно зашатавшегося и смертельно бледного Роберта. Сайму показалось, что и без того горячий воздух раскалился. Любопытные глазели на осевшего в кресло молодого человека, бормочущего: «Маска! Маска!»

— По-моему, я видел, что за парень так тебя растревожил, — успокаивал приятеля Сайм. — Подожди-ка, я скажу официанту принести тебе бренди, и что бы ни происходило, не волнуйся!

Он прошел к двери, попутно заказав напиток, и исчез в толпе. Давным-давно пробило полночь, веселье возобновилось, но казалось натужным и лихорадочным. Некоторые гости собирались уходить, и жаркое дыхание ветра проникло в помещение через открытые двери.

Внимание Сайма привлекли девушки в яшмаках, покидающие отель; одна из них была в полуобморочном состоянии. Именно они осыпали приятелей конфетти в начале вечера. Он подошел к ним со словами:

— От жары вашей подруге нехорошо. Я доктор Сайм. Могу ли я предложить вам свою помощь?

Они согласились, и все четверо, оставляя следы на скрипучем песке, проследовали на террасу. Сайм помог усадить теряющую сознание девушку в экипаж. Темнота казалась непроглядной, а духота невыносимой; раскаленный ветер пригибал к земле высокие пальмы перед зданием.

Сайм проводил взглядом отъехавшую карету. Он был предельно серьезен — в блестящих глазах ослабевшей девушки заметил нечто, что ему, как медику, совсем не понравилось. Поднявшись обратно, он узнал от управляющего, что некоторым гостям стало плохо из-за духоты. Но собеседник почему-то избегал взгляда Сайма, что не могло не насторожить англичанина.

— Хамсин может поднять зараженную пыль, — сказал врач. — Будем надеяться, что обмороки всего лишь результат резкого повышения температуры воздуха.

В отеле было беспокойно. Ветер почти стих, и люди призрачной толпой спускались по ступеням на пустынную улицу.

Сайм направился к буфету, но полковник Ройланд отвел молодого человека в сторонку. Военный, чье подразделение охраняло крепость, знал Сайма с детства.

— Мальчик мой, — сказал он, — не надо мне было решать Айлин (так звали его дочь) оставаться в Каире. Кто бы мог подумать, что погода так изменится! Чертов ветер прошелся по трущобам и принес сюда всю заразу!

— С ней нехорошо? — беспокоенно спросил Сайм.

— Она чуть не упала в обморок на балу, — ответил полковник. — Полчаса назад мать отвезла ее домой. Я тебя везде искал.

— Многим стало плохо, — сказал Сайм.

— С Айлин едва не случилась истерика. Она настаивала, что когда она почувствовала дурноту, рядом стоял кто-то в маске крокодила.

Сайм вздрогнул: возможно, история Кеана вовсе не выдумка.

— По-моему, я видел человека, одетого так, — с напускной беспечностью проговорил он. — Ему даже удалось напугать нескольких гостей. Не знаете, кто это?

— Друг мой, — воскликнул полковник, — да я весь отель обшарил, пока его высматривал! Никого похожего. Вот и решил спросить, не слышал ли *ты* о нем.

Сайм вернулся к столику Роберта. Тот по-прежнему выглядел больным, хотя ему и стало несколько лучше. Врач окинул товарища критическим взглядом.

— На твоём месте, я бы отправился спать, — сказал он. — Хамсин дьявольски коварен. Надеюсь, он не оправдает свое имя и не будет дуть пятьдесят дней³⁷.

— Ты видел человека в маске? — спросил Кean.

— Нет, но он здесь. Его заметили.

Роберт, покачиваясь, поднялся и с помощью друга прошёл сквозь движущуюся толпу к лестнице. Оркестр все ещё играл, но был бессилён рассеять подавленность, овладевшую обществом.

— Спокойной ночи, Кean, — попрощался Сайм. — Увидимся утром.

Роберт остановился на лестничной площадке и глянул вниз. Болела голова, к горлу вновь подступила тошнота. Он понимал, что нездоров, но, в отличие от пережитого в Лондоне нервного заболевания, испытывал теперь физическое недомогание. Перегретый воздух затруднял дыхание. Казалось, что волны жара поднимаются из самой земли.

Он рассеянно смотрел на людей внизу, но вдруг его взгляд стал предельно сосредоточенным.

У огромной кадки с пальмой, глядя вверх, стоял человек в крокодильей маске Сета!

Слабость в теле мгновенно сменилась невообразимой злостью, страстным желанием опустить кулак на ухмыляющуюся образину. Ощувив прилив сил, Роберт повернулся и начал почти бегом спускаться по ступеням; маска тем временем направилась через холл к передней двери. Боясь привлечь нежелательное внимание, Кean быстрым шагом

³⁷ Хамсин переводится с арабского как «пятьдесят».

последовал за ней. Фигура Сета прошла на террасу, но когда Роберт добрался туда, добыча уже упорхнула.

Секундой позже в отъезжающей двуколке он вновь заметил отвратительную маску. Забыв про шляпу, молодой человек быстро спустился и сел в подошедший следом экипаж. Перед отелем дежурил швейцар, и Кean быстро велел ему приказать возничему следовать за только что отъехавшей каретой. Кучер подстегнул лошадей, развернулся и помчался за указанной целью. Они миновали Ботанический сад, несколько узких улочек и торговый район. Иногда Кеану казалось, что они потеряли преследуемого из виду, но возничий знал Каир как свои пять пальцев, и они неизменно нагоняли беглеца. Покачиваясь, несся экипаж по проулкам — вытяни руки и дотронешься до стен по обеим сторонам; мчался мимо пустых магазинов и темных домов. Роберт уже не представлял, где они едут, хотя видел, что мимо все еще тянулся район базаров. Они резко свернули направо — там, прямо перед ними, стояла двуколка! Возница разворачивался, собираясь ехать назад, а пассажир исчез в темном узком переулке слева.

Кean выскочил из экипажа, прокричав извозчику, чтобы тот дожидался его, и бросился по косо́й улочке вслед за уходящей фигурой. Им овладела слепая ярость, но он не задумывался, не спрашивал себя, по какому праву преследует незнакомца, что плохого тот сделал ему. Все действия Кеана были спонтанны; он хотел догнать человека в маске и сорвать ее с головы — и был твердо намерен сделать это!

Роберт чувствовал, что, трясется от холода, несмотря на тропическую ночную жару, но не обращал внимания на свое состояние, продолжая преследование.

Незнакомец остановился перед неожиданно распахнувшейся обитой железом дверью; он уже заходил, когда Роберт настиг его. Прежде чем дверь успела закрыться, Кean ринулся внутрь.

Там царил непроглядная тьма. Казалось, чернота поглотила человека в маске. Роберт двигался на ощупь, выставив вперед руки, но все равно упал, скатившись, как он

понял в момент, когда земля ушла из-под ног, по небольшой каменной лестнице.

И вновь в крошечной тьме он поднялся — потрясенный, но абсолютно невредимый. Он повертел головой, надеясь углядеть луч света, но не видел ни зги. Его окружали мрак и молчание. Он немного постоял, прислушиваясь.

Вдруг распахнулись ставни, и темнота расступилась. Свет шел из зарешеченного окошка, оттуда же удушливо запахло благовониями. Аромат напомнил Роберту о квартире в Оксфорде, и молодой человек сделал шаг вперед, заглянув в помещение за окном. Он тотчас задержал дыхание, вцепился в прутья и онемел, не в силах издать ни звука.

Кеан смотрел на большую комнату с высоким потолком, освещенную несколькими висячими лампами. В ней почти не было мебели, что, впрочем, характерно для Востока, только в дальнем углу стоял устланный коврами диван. На молитвенном коврике стояла зажженная серебряная курильница, рядом Кеан увидел человека в маске крокодила. Живописно одетая девушка-арабка — по-видимому, это она открыла ставни — сейчас снимала с мужчины его чудовищный головной убор.

Вскоре она развязала последний узел и убрала маску с плеч господина, с восточным поклоном отступив прочь и оставив его в короткой, обнажающей ноги белой тунике и сандалиях.

Дым от благовоний поднимался вверх, окутывая прямую стройную фигуру и затуманивая спокойное бледное лицо, красивое и зловещее, то почти скрывая продолговатые темные глаза, то заставляя их неестественно ярко блестеть. Мужчина стоял, не отводя взгляда от решетчатого окна.

Это был Энтони Феррара!

— Вот как! Дорогой Кеан, — хрипловатый мелодичный голос ненавистным набатом бил по ушам Роберта, — ты выследил меня. Мало тебе было прогнать меня из Лондона, захотелось и Каир, мой любимый Каир, сделать для меня недоступным.

Кеан промолчал, еще сильнее вцепившись в решетку.

— Но, Кean, ты ошибся, — в ласковом голосе зазвучала насмешка. — Вовлек в беду — себя же самого! Знаешь ли, Кean, жители Судана совершенно искренне верят, что я *ифрит* — эти невероятные слухи преследовали меня во время всего пути по Нилу. Твой отец, мой дорогой друг, изучил этот странный вопрос и с уверенностью скажет тебе, что в Природе нет силы выше человеческой воли. В самом деле, Кean, они даже приписали мне приход хамсина: так много достойных египтян решили, что я путешествую вместе с бурей — ну, или она со мной — что нечто непременно должно было произойти! Или тут простое совпадение, а, Кean? Кто знает?

Энтони Феррара не двигался, просто стоял, спокойно улыбаясь, а Роберт не мог отвести глаз от порочного лица, все еще сжимая прутья дрожащими руками.

— Вот ведь чудеса, разве нет? — продолжал мучитель. — Могучий и жестокий хамсин пришел в Каир в самый разгар туристического сезона! Я только сегодня прибыл из Файюма, и можешь ли себе вообразить, буря принесла туда мор! Надеюсь, горячий ветер не сотворит такого с Каиром — тут ведь отдыхают столько уважаемых европейцев и американцев. Будет очень прискорбно, если с ними что-то случится!

Кean отпустил решетку и поднес сжатые кулаки к голове: с жаром, не свойственным ему, начал громко проклинать насмешника. После ноги его подкосились, он упал и лишился чувств.

— Все хорошо, старина. Ты уже, считай, в порядке.
Это был голос Сайма.

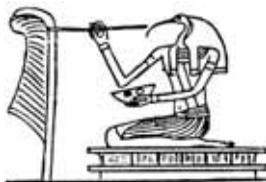
Кean попытался подняться и обнаружил, что лежит в постели! Приятель сидел рядом.

— Не разговаривай! — предупредил Сайм. — Ты в больнице. Я сам все скажу, а ты слушай. Я заметил, что вчера ночью ты выскочил из «Шеферда» — молчи! — я бросился за тобой, но потерял из виду. Мы организовали поиски и с помощью кучера, которого ты нанимал, обнаружили тебя в грязном переулке за мечетью Аль-Азхар³⁸. Ты рухнул на четверых очень любезных нищих, обитающих на ступенях сего учреждения, и разбудил их. Они позаботились о тебе — ты был в бреду. Как же тебе, Кean, повезло. Прежде чем уехать из Англии, ты сделал все прививки?

Роберт слабо кивнул.

— Это тебя спасло. Через пару дней встанешь на ноги. Проклятый хамсин все-таки притащил заразу! Любопытно, что около половины зарегистрированных случаев заболевания — у гостей маскарада! А некоторые из них... Хотя обсудим это позже. Вчерашняя ночь напугала меня. Поэтому я за тобой присматривал. Дружище, ты же весь горел, когда убегал из отеля!

— Разве? — устало переспросил Кean и опустился на подушку. — Вполне возможно.

³⁸ Аль-Азхар — одна из самых известных и старых мечетей Египта.

Глава XIV

Прибытие доктора Кеана

Доктор Брюс Кеан ступил на лодку, которая должна была отвезти его с лайнера на берег, и, когда она отплыла, попытался отвлечься от мрачных мыслей, созерцая раскинувшийся перед ним экзотический вид. В дымном свечении бесчисленных фонарей, поднимая клубы пыли, в недра огромного корабля тянулась муравьиная цепь тяжело нагруженных носильщиков, а вторая цепочка, уже освободившаяся от своего бремени, спускалась по другому трапу. Вверху расстился бархатный полог усеянного звездами неба, а ниже черный занавес ночи разрывали огни Порт-Саида³⁹. Блуждающий свет маяка скользил по прибрежным водам. В то же самое время среди неопишемого лязга и мрачной, но живописной суматохи на лайнер загружали уголь для дальнейшего плавания в Рангун⁴⁰.

Бросаясь из стороны в сторону, обходя большие корабли и отказываясь уступать судам поменьше, лодка плыла к берегу.

Обычная задержка на таможне, привычная дань нервным чиновникам, и вот уже экипаж везет доктора Кеана сквозь шум и запахи суетливых улиц, особые шум и запахи, какие можно встретить только в этом городе — посреднике между Западом и Ближним Востоком.

В отеле он согласился на первую же предложенную ему комнату, даже не осмотрев ее, сообщил служащим, что его следует разбудить пораньше, так как он собирается поспеть на первый поезд в Каир, быстро выпил виски с содовой в баре и устало проследовал наверх. В гостинице было нема-

³⁹ Порт-Саид – египетский город на Средиземном море у северного окончания Суэцкого канала.

⁴⁰ Рангун (позднее Янгон) – бывшая столица Мьянмы.

ло британских и американских постояльцев — возбужденных, удивленных, шумно обсуждавших планы экскурсий; но Порт-Саид, впрочем, как и весь Египет, доктору Кеану ничего нового предложить не мог. Эта поездка поставила ученого в затруднительное положение: врачу с такой репутацией и клиентурой, как у него, всегда сложно внезапно уезжать из Лондона. Но дело, по которому он прибыл, не терпело промедления. Страна давно потеряла очарование для бывалого путешественника, но где-то в Египте его сыну угрожала смертельная опасность, и доктор спешил скорее увидеться с Робом. Он был готов сразиться с человеком, чьи коварные интриги заставили его приехать в Порт-Саид, в то время как на Хаф-Мун-стрит его помощи ожидали страдающие пациенты. Он охотился на призрака, упыря в человеческом обличье — Энтони Феррару, приемного сына дорогого друга, убившего своего благодетеля и чистого в глазах закона, но запятнавшего себя кровью в глазах Создателя!

Доктор Кеан включил свет и, нахмурившись, присел на краешек кровати; взгляд его застыл, а выражение ясных серых глаз таило в себе такую угрозу, что, если бы Брюсу сказали об этом, он бы ни за что не поверил. Он думал о жертвах Феррары, по сути дела юнца, едва достигшего совершеннолетия. Кеану казалось, что они стоят перед ним, протягивая в мольбе руки. «Лишь вы один, — вопиют они, — видите, кто он и чем занимается! Вы один знаете, какая ужасная участь нас постигла! Только вы в силах отомстить!»

А он колебался! Ничего не предпринимал, пока под удар не попала его плоть и кровь. Гадюка была у ног, но он не раздавил ее. Мужчины и женщины страдали и умирали от яда, а он не нанес удар. А потом эта мерзость ужалила Роберта, и доктор Кеан, сомневавшийся, стоит ли действовать во имя рода человеческого, тут же схватился за оружие. Его поведением руководил родительский эгоизм, и этого он не мог простить себе.

В гавани поднялась суета. Брюс сидел и апатично слушал, как ухает сирена, извещающая, что какое-то судно покинуло канал.

Мрачные мысли подавляли его. С глубоким вздохом Кean встал, пересек комнату и распахнул двустворчатую дверь, ведущую на балкон.

Морем мерцающих огней раскинулся перед ним Порт-Саид. Свет маяка скользил по улицам — казалось, что огромный глаз языческого божества сладострастно осматривает свои владения в поисках жертвы. Кеану казалось, что он даже различал, как перекрикиваются рабочие, загружающие уголь на суда в порту, но в действительности то, что он слышал, было отдаленным хором всех голосов этого города-привратника Востока. Улицы внизу, белые в сиянии луны, были пусты и безлюдны, а из гостиницы не доносилось ни звука — никто не мог сказать, сколько перелетных птиц задержалось в ней на своем пути. Доктора наполнило пронзительное ощущение одиночества, почти физическое и такое символичное: лишь у него одного в мире были знания и силы, способные сокрушить Энтони Феррару. Он один мог избавить землю от сверхъестественной напасти, воплотившейся в человеке, носящем это имя.

Город лежал перед ним, но Брюс уже не смотрел на пейзаж, мысленно рисуя образ стройного и по-своему красивого молодого человека с волосами цвета воронова крыла, но без блеска, с бледным лицом и темными миндалевидными глазами, таящими огонь, с почти женской грацией, подчеркнутой плавными жестами длинных белых рук, и необычным зеленым кольцом на пальце левой руки.

Энтони Феррара! Для одинокого странника, глядевшего на Порт-Саид, он заслонил собой все пейзажи Египта!

Кean устало вздохнул, повернулся и приготовился раздеваться. Оставив окна открытыми, он погасил свет и лег спать. Он утомился, но это была скорее усталость не тела, но духа, и именно она делает сон невозможным. В голове роились мысли; доктор безуспешно пытался забыть о Ферраре и о событиях, связанных с ним. Он должен уснуть, иначе будет не в силах справиться со всем, что ожидает его в Каире.

Но доктор не спал. В тишине комнаты гулко отдавались малейшие звуки, доносившиеся из гавани и с канала.

Сквозь тонкие шторы он видел открытую балконную дверь и звездное небо, бессонными глазами вглядывался в ночную высь, вспоминая названия созвездий. Наконец одна особо яркая звезда полностью поглотила его внимание. С проклятым упорством бессонницы он долго пытался сообразить, что это за звезда.

Он лежал с широко открытыми глазами, пока смутные небесные фонарики не стали невидимыми, оставив перед ним только одну сверкающую белую сферу.

Созерцание успокоило его — лихорадочный бег мыслей по одному и тому же зловещему кругу был прерван ослепительным блеском звезды. Пристальный взгляд заставил ее словно увеличиться в размерах: зрение начало обманывать его, но Кеану было все равно. Он с радостью осознал, что засыпает, и теперь уже намеренно сосредоточился на сияющем шаре.

Это и впрямь был шар: размерами он почти сравнялся с луной и заполнил все пространство за окнами. Потом Кеану подумалось, что шар приблизился, а реальность — кровать, противомоскитная сетка, сама комната — начала исчезать, уступив долгожданым объятиям сна, пришедшим в форме чарующей сферы. Чувство удовлетворения заполнило доктора, когда яркая звезда повисла прямо у постели: он погрузился в сон.

Глава XV

Царица-Ведьма

Если человек переутомился не физически, но психически, то покой его не тревожат видения или, наоборот, сны бывают как никогда яркие. Доктору Кеану снился необычайно яркий сон.

Ему снилось, что он пробудился от тихого стука. Доктор открыл глаза, посмотрел сквозь газовую противомоскитную сетку и, вздрогнув, задернул занавес полога. Стук повторился. Кеан вновь посмотрел в сторону балкона и теперь четко разглядел стоящую там у открытой двери женщину в черном шелковом платье и белом мусульманском яшмаке. Она чуть наклонилась вперед, всматриваясь в комнату.

— Кто вы? — подал голос Кеан. — Что вам нужно?

— Тсс! — Гостья поднесла к покрывалу у губ палец и осмотрелась, словно опасаясь потревожить постояльцев в соседних номерах.

Кеан дотянулся до лежащего на стуле у кровати халата, набросил его на плечи и встал. Не отрывая глаз от силуэта в проеме, он нагнулся и надел тапочки. Комнату заполнял лунный свет.

Доктор уже шел к балкону, когда таинственная гостья заговорила:

— Вы доктор Кеан?

Слова звучали так, как они могут произноситься только во снах: ученый все понимал, сознавая, что говорит она не по-английски — и ни на одном из языков, известных ему; однако, как бывает только в грезах, это не мешало разговору.

— Да, я доктор Кеан, — ответил он. — Но кто вы?

— Не шумите и следуйте за мной. Один человек очень болен.

Просьба казалась искренней, а такого нежного, серебристого голоса Кеан никогда не слышал. Он замер близ женщины в яшмаке; ее темные глаза, излучающие волшебную силу, заставляли сердце трепетать.

— А почему вы пришли через балкон? Как вы узнали...

Незнакомка вновь поднесла палец к губам. Рука ее была словно выточена из слоновой кости, на длинных изящных пальцах красовались необычные кольца — изысканные эмалевые ювелирные изделия. Кеан узнал в них древнеегипетские украшения, но в этом сновидении они казались чрезвычайно уместными.

— Боялась, что иной способ привлечет внимание, — ответила она. — Прошу вас, не медлите, идемте же.

Доктор одернул халат и последовал за женщиной вдоль балкона. Для города, явившегося во сне, выбеленный лунной Порт-Саид, раскинувшийся у его ног, выглядел совершенно реальным. Но путь несомненно лежал в страну грез: Кеану виделось, что он скользит мимо огромного количества окон и сворачивает за угол здания, не прилагая ни малейших физических усилий, ведомый за руку униженными перстнями теплыми пальцами. Наконец он очутился в темной комнате; доктор медлил, охваченный волной сомнений, какие приходят иногда во сне. Лунный свет не проникал в помещение — вокруг Кеана стояла непроглядная тьма.

Цепкие пальцы по-прежнему не отпускали руку ученого и, смутно сознавая, что его поведение может быть неверно истолковано, он все же позволил невидимой спутнице вести себя вперед.

В призрачной тишине они спускались по лестнице, точнее, по лестницам. Воздух сделался прохладнее, и стало ясно, что они покинули гостиницу. Но темнота не отступала. Неожиданно они оказались в коридоре с каменным полом — к этому времени доктор Кеан уже свыкся со странной логикой сна.

Затем они вышли наружу: вокруг было не видно ни зги, но в небе над головой сияли звезды.

Они шагали по переулку, такому узкому, что крыши домов почти смыкались. Если бы все происходило наяву, то доктор, обладая острым умом, пытался бы понять, как эта женщина в яшмаке проникла в отель и почему она тайно пытается увести его оттуда. Но разум его тоже спал, и со слепой доверчивостью ребенка шагал он за незнакомкой, хотя уже начал смутно понимать, кто это.

Не отличаясь высоким ростом, незнакомка обладала удивительной статью, а все ее движения указывали на благородное происхождение. На углу между двух улочек закутанная в шелка фигура на мгновение осветилась луной, и сквозь полупрозрачную ткань стало видно, что женщина безупречно красива. Поглощенный размышлениями, Кеан не мог оторвать взгляда от бледных, сверкающих драгоценными камнями рук. Он чувствовал, что обретает способность здраво рассуждать, не свойственную снам; миру грез не удалось поглотить его целиком.

Смутные сомнения закрались в голову доктора, когда его таинственная спутница остановилась перед тяжелой дверью типичного египетского дома, некогда явно богатого; здание находилось напротив входа в мечеть и сейчас терялось в тени минарета. Дверь открыли изнутри, хотя женщина даже не постучала, и когда они вошли, доктору Кеану показалось, что их поглотила тьма. Он мог только почувствовать, как перед ним отворили люк в полу и повели вниз по каменным ступеням. Мрак стал еще гуще.

В окружающей темноте доктор словно утратил способность мыслить, но когда появилось яркое освещение, сон перешел в иную фазу. Брюс не знал, да и не хотел знать, откуда льется свет. Он лишь рассматривал абсолютно пустую комнату: пол, выложенный кирпичами из необожженной глины, оштукатуренные стены, потолок с деревянными балками. Прямо перед собой, у стены, доктор увидел высокий саркофаг; его крышка была прислонена рядом, а внутри прямо и неподвижно стояла ночная гостья — лишь глаза сверкали из-под яшмака!

Она подняла усыпанные драгоценностями запястья и быстро выскользнула из черного платья и белоснежного

покрывала, под которыми оказалось обтягивающее одеяние древнеегипетской царицы — леопардовая шкура, урей, в руках цеп, символ власти фараонов!

Овальное лицо женщины было совершенным, большие продолговатые глаза красивы, но зловещи и холодны, на свежих алых губах играла улыбка, способная заморозить любого, заставляя забыть о недобром блеске очей. Но когда мы бредем по миру грез, наши чувства также теряют связь с реальностью. Она поставила ногу в сандалию на грубый пол и вышла из саркофага, приближаясь к доктору, — воплощение порочной красоты, невообразимое в реальной жизни. Она заговорила на странном языке мира грез, не похожем ни на языки Запада, ни Востока; серебристый голос, словно наполненный трелями флейт, звучащих ночами над просторами Нила, завораживал манящей музыкой древнего греха.

— *Теперь ты узнаешь меня?* — прошептала она.

И в дымке сна он узнал ту, что давно была с ним, демоническую и божественную.

Неверный свет плясал во тьме, играя сверкающими блестками на занавесе позади саркофага. Разум Брюса метался в хаосе видений, пока не мелькнула догадка: блестящие точки — это глаза тысяч тарантулов, вышитых на ткани портеры.

Символ паука! Что он знает о нем? О да, конечно, это же тайный знак египетской Царицы-Ведьмы — красавицы, чье имя после загадочной смерти было стерто со всех стел⁴¹. Сладкий шепот проникал в его душу:

— Ты станешь ему другом, ты станешь другом моему сыну. Ради *меня*.

И в затуманенном сознании Брюс с радостью отрекся от всего, что считал святым, — ради нее. Она взяла мужчину за руки и вплотную приблизила свое лицо к нему — прекрасные глаза горели.

⁴¹ Стела — плита (или столб) с высеченными на ней текстами или изображениями, устанавливается в качестве погребального или памятного знака.

— Я щедро награжу тебя, — прошептала она еще нежнее.

Потом был провал, и вновь закутанная в яшмак женщина вела доктора по узкому проулку. Мысли путались, и спутница казалась менее реальной, чем прежде. Он брел по призрачным улицам с домами, построенными из теней, поднимался, нет, скорее плыл, по эфемерным лестницам, пока, все еще ощущая, что украшенные перстнями пальцы крепко сжимают его кисть, не очутился в темном гостиничном номере перед распахнутой балконной дверью — его привели обратно. Комната была слабо освещена. Мелодичный голос прошептал в ухо:

— Награду заслужить легко. Я тебя лишь проверяла. А сейчас ударь — бей как можно сильнее.

Шепот перешел в шипение, звучавшее почти по-змеиному. Доктор Кеан почувствовал, что правой рукой сжимает рукоятку кинжала, а в таинственном сумеречном свете на кровати перед ним кто-то лежит.

Взглянув на спящего, его безупречные черты, длинные смоляные ресницы, оттеняющие бледную кожу, Брюс забыл обо всем на свете — о том, где находится, о прекрасной спутнице — обо всем, кроме кинжала, ведь перед ним лежал Энтони Феррара!

— Бей! — вновь раздался шепот.

Доктор Кеан ощутил, как внутри все закипает. Он поднял руку, вновь посмотрел на спящего и приготовился вогнуть клинок в самое сердце злодея.

Еще секунда, и кинжал погрузился бы по рукоятку в грудь негодея, но внезапно прозвучал оглушительный взрыв. Ярко-красные языки пламени осветили комнату, здание затряслось. Следом за ужасающим грохотом раздался леденящий душу крик:

— Нет, сэр, нет! Боже мой! Что вы делаете?

Человек резко вскочил с кровати, выбив оружие из руки доктора. Покачиваясь в полусне, Кеан застыл посреди комнаты; из соседних номеров доносились голоса разбуженных постояльцев, зажегся свет, а на постели, той са-

мой, где только что лежал Энтони Феррара, сидел Роберт, его собственный сын!

Никого больше в комнате не было. На ковре у ног доктора валялся древний кинжал с изысканной рукоятью, украшенной позолотой и эмалью.

Онемев от ужаса, охватившего их обоих, отец и сын, так неожиданно встретившиеся, не могли оторвать взгляд друг от друга. Казалось, все в отеле были разбужены взрывом — этим господним вмешательством, остановившим руку доктора Кеана, предотвратив немислимое преступление.

На лестнице царила суматоха, но двоим в комнате было не до нее. Первым заговорил Роберт.

— Боже милосердный! — хрипло прошептал он. — Как вы здесь очутились? В чем дело? Вы нездоровы?

Доктор Кеан протянул руку, словно пытался нащупать что-то.

— Роб, минутку, дай мне прийти в себя. Почему я тут? Меня больше волнует, как *ты* здесь оказался?

— Собирался встретить вас.

— Встретить меня! Я и не подозревал, что ты достаточно окреп для такой поездки, а если ты приехал встретить меня, то почему...

— Именно. Почему тогда вы послали мне телеграмму?

— Мальчик мой, я не посылал никакой телеграммы!

Роберт с чуть порозовевшими щеками приблизился к отцу и взял его за руку.

— После того, как я приехал в порт, сэр, я почти сразу получил телеграмму: уже с борта корабля вы писали, что передумали и поплывете через Бриндизи⁴².

Доктор Кеан вновь взглянул на кинжал на ковре, подавил дрожь и как можно тверже сказал:

— Я не посылал телеграммы!

— Вы хотите сказать, что действительно прибыли на пароходе вчера вечером? И надо же, мы ночевали в одном отеле! Какое удивительное...

⁴² Бриндизи – морской порт в Италии.

— Да уж, удивительное, Роб, но не совпадение, а результат хитрого и хорошо продуманного плана. — Он пристально посмотрел на сына. — Ты знаешь, чей это был план, только один человек мог выдумать такое — заставить меня, твоего отца...

Он замолчал, взглянув на оружие, все еще лежащее у его ног. Пытаясь хоть немного скрыть волнение, он нагнулся, поднял кинжал и бросил его на кровать.

— Ради бога, сэр, — простонал Роберт, — что вы делали у меня в номере с... этим?

Доктор Кean выпрямился и спокойно ответил:

— Я пришел убить тебя.

— *Убить!*

— Меня околдовали, не будем говорить кто. Я думал, что наконец у моих ног ядовитая гадина, но мной коварно управляло первородное зло. Поправ законы божьи и людские, я приготовился убивать. Возблагодарим Господа нашего!..

Он упал на колени, помолчал, склонив голову, и вновь встал, уже полностью владея собой, как обычно. Роберту пробуждение показалось странным и жутким: комната освещена пламенем, а над ним отец с ножом в руке! Но более всего его испугало необычное возбуждение, не характерное для такого сурового и не склонного к проявлениям чувств человека, как отец. Сейчас, собравшись с мыслями, он осознал, что ими руководила чужая порочная воля, а они с отцом являлись лишь пешками в таинственной и роковой игре.

На улицах внизу потоки людей в панике устремились к гавани, но доктор Кean жестом указал на кресло.

— Присядь, Роб, — сказал он. — Я расскажу тебе, что произошло со мной, а потом ты расскажешь о своих испытаниях. Сравним наши истории, сделаем выводы. Затем будем действовать. Мы должны бороться до конца, но я начинаю сомневаться в наших силах.

Он поднял кинжал и пристально осмотрел его — от острия до эмалевых узоров.

— Очень необычный, — пробормотал он, пока сын замороженно наблюдал за ним, — острый, словно его только вчера выковали, а на самом деле, судя по рукояти, ему не менее пяти тысяч лет. Роб, мы столкнулись с чем-то нечеловеческим! Нам предстоит сражение с магом, чья мощь могла бы поразить величайших Мастеров в истории. Нам понадобятся все знания и вся сила Аполлония Тианского⁴³, чтобы выступить против него!

— Против Феррары!

— Без сомнения, Роб, телеграмма с корабля была не чем иным, как происками Энтони Феррары! Так же, как и мой сегодняшний сон. Впрочем, это был не сон вовсе, я пребывал под воздействием — как бы это назвать? — гипнотического внушения. Какое влияние эта злобная воля оказала на то, что нас с тобой поселили в соседних номерах, сообщающихся с помощью балкона, неизвестно. Возможно, мы этого никогда не узнаем; но не будь соседство столь близким, врагу ни за что не удалось бы осуществить свой замысел. Прежде чем уснуть, я смотрел на звезды, и одна из них словно начала увеличиваться в размерах. — Возбуждаясь все больше и больше, доктор зашагал по комнате. — Безусловно, Роб, кто-то держал перед моими глазами зеркальце или кристалл, и этот кто-то явно дожидался удобного момента. Я поддался усыпляющему воздействию, тем самым добровольно, да, добровольно, отдав себя в руки... Ферраре.

— Вы полагаете, что он тоже здесь, в гостинице?

— Совершенно уверен, что он где-то по соседству. Воздействие было слишком сильным, чтобы исходить откуда-то издалека. Вот что мне снилось...

Он опустился в плетеное кресло. На улицах стояло относительное затишье, но шум, доносившийся из гавани, свидетельствовал о как !

⁴³ Аполлоний Тианский (ок. 1-3/15 – ок. 98 гг. н.э.) – философ-неопифагорец, в древности считавшийся чудотворцем и могущественным магом и предсказателем, основатель Пифагорейской школы в Эфесе.

Вскоре забрезжил рассвет, воздух стал необычайно влажен. Роберт сидел на кровати и слушал рассказ, события которого нам уже знакомы.

— Вы считаете, сэр, — проговорил Кеан-младший, когда доктор закончил, — что ничего из этого не происходило в действительности?

Брюс держал в руке древний кинжал, многозначительно глядя на сына.

— Напротив, — ответил он, — я *точно* знаю, что кое-что оказалось пугающе реальным. Моя задача — отделить правду от иллюзии.

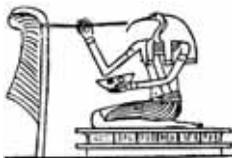
Оба замолчали.

— Определенно, — задумчиво нахмурившись, сказал молодой человек, — вы не покидали отеля, а просто прошли по балкону из своего номера в мой.

Доктор встал, подошел к раскрытой балконной двери, выглянул наружу, а затем вновь повернулся к сыну.

— Думаю, что это можно проверить, — объявил он. — Во сне, когда я поворачивал к дому, дому мумии, перед ним была огромная грязная лужа, как будто вечером туда выплеснули воду. Я в нее наступил или же мне приснилось, что я сделал это. Вот и посмотрим.

Он присел на кровать рядом с Робом и, наклонившись, снял тапок. Прошедшая ночь принесла множество неприятных сюрпризов. Вот и сейчас доктор Кеан застыл, показывая подошву сыну. Она была заляпана бурой грязью.

Глава XVI

Паучья обитель

— Нам необходимо разыскать дом, найти саркофаг — я уже не сомневаюсь в его существовании — извлечь его и уничтожить.

— Вы его узнаете?

— Безусловно. Это саркофаг царицы.

— Какой царицы?

— Той, чью могилу мы с покойным сэром Майклом Феррарой безуспешно искали много месяцев.

— Эта правительница оставила след в истории Египта? Доктор Кean загадочно посмотрел на сына.

— Официальная история отрицает ее существование, — начал он, но, явно желая сменить тему, добавил: — Пойду-ка я переоденусь. И ты одевайся. Нельзя спать, пока мы не узнаем, что творится в том доме.

Роберт кивнул. Отец встал и вышел из комнаты.

Восход солнца застал их на балконе: оба внимательно вглядывались в лежащий под ними Порт-Саид, улицы которого уже заполнялись людьми — в Египте принято рано вставать.

— Есть какие-нибудь соображения? — спросил молодой человек. — В каком направлении следует искать?

— Понятия не имею, не представляю, когда сон сменился реальностью. Правда ли, что кто-то пришел ко мне на балкон и вывел из гостиницы на улицу, или же я в одиночестве блуждал по городу, воображая, что меня ведут? В любом случае я каким-то образом оказался у черного входа, потому что, если бы я в состоянии транса проходил через парадный вход отеля, меня, конечно же, задержал бы боаб⁴⁴. Давай-ка начнем с того, что выясним, сколько в зда-

⁴⁴ Боаб – служащий египетского отеля, совмещающий обязанности швейцара и уборщика.

нии выходов.

Гостиничный персонал уже был на ногах, и расспросы вскоре привели их к задней двери, находившейся около служебных помещений. Из центрального фойе туда было не попасть; к выходу вела узкая лесенка слева от лифта. Отец и сын прошли в указанном направлении и теперь стояли за дверью, глядя на вымощенный камнем дворик.

— Припоминаю, — сказал доктор Кеан, — мы вышли из моей или какой-то другой комнаты, спустились по этой лестнице и покинули отель, никого не потревожив.

Они пересекли дворик, где работники кухни деловито чистили кастрюли и сковородки, и открыли калитку. Доктор Кеан обратился по-арабски к одному из мужчин:

— Калитку запирают на ночь?

Работник отрицательно мотнул головой: вопрос, кажется, его удивил — и, обнажая белые зубы, заверил, что она всегда открыта.

За гостиницей был узкий переулок, ведущий в лабиринт туземного квартала.

— Роб, — медленно проговорил доктор, — по-моему, меня вели именно здесь.

Он посмотрел по сторонам и задумался.

— Попробуем пойти направо, — наконец решил он.

Они пошли по улочке. Стена отеля осталась позади, и теперь их с двух сторон обступали высокие здания, тень от которых покрывала извилистый проход даже в самые солнечные дни. Неожиданно Роберт остановился.

— Смотрите! — показал он. — Мечеть! Вы же говорили, что рядом с домом видели мечеть!

Доктор кивнул, глаза его загорелись: наконец он напал на след злых сил, перевернувших его жизнь.

Они дошли до входа в здание и там, в тени невысокой арки, обнаружили старую, обитую железом дверь, именно такую, какую описал Брюс. В проулок выходило много зарешеченных окон, но жителей видно не было.

Доктор Кеан тихонько надавил на дверь, но, как и ожидалось, она была заперта. Вопросительно подняв брови, он

повернулся к сыну — в неясном свете лицо его казалось совершенно изнуренным.

— Наверное, я ошибся, — произнес он. — Даже не знаю, что делать.

Он растерянно озирался.

Рядом с мечетью мужчины заметили обветшавший дом, где много лет, по всей видимости, никто не жил. Как только взгляд Роберта упал на пустые рамы и разваливающееся крыльцо, он схватил отца за руку.

— Можно спрятаться там, — предложил он, — и понаблюдать за входом.

— Я почти не сомневаюсь, что мы в нужном месте, — ответил доктор, — поэтому давай попробуем. Заодно проверим, нет ли за домом прохода. Он может понадобиться, если придется следить долгое время.

Они углубились в развалины и по шаткой лестнице поднялись на второй этаж. Пол подозрительно скрипел, но из комнаты в дальнем конце было прекрасно видно, что происходит у дома напротив.

— Остайся здесь, — приказал отец, — и наблюдай, а я пойду осмотрюсь.

Он спустился вниз и примерно через минуту вернулся, сообщив, что задняя дверь выходит на соседнюю улочку. Тут же был разработан план слежки. По одному они будут уходить в гостиницу, чтобы перекусить, и здание весь день останется под наблюдением. Также решили, что расспрашивать о доме не стоит — пусть враг ни о чем не подозревает.

— Мы в его стране, Роб, — объяснил доктор. — Здесь никому нельзя доверять.

Так началась их особая, самими на себя возложенная миссия. По очереди они позавтракали в гостинице. Утреннее наблюдение результатов не принесло. Таким же образом они пообедали, ни на минуту, даже в иссушающую дневную жару, не спуская глаз с обитой железом двери. Время тянулось медленно и монотонно, почти непереносимо, и когда солнце начало клониться к закату, а результатов по-прежнему не было, они начали сомневаться в избран-

ной тактике. На улицу мало кто заходил, и их вряд ли кто-нибудь заметил. К тому же стояла тишина — никто не сумел бы подобраться близко, не обнаружив себя.

Посетив днем гостиницу, они узнали причину ночного взрыва: в воздух взлетел котел на одном из пароходов. Был причинен значительный ущерб, но никто не пострадал.

— Наша победа достижима, — сказал доктор, когда они обсуждали происшествие. — То была длань Господня.

Долгое время они молчали, и отец собрался было предложить сыну отправиться ужинать в гостиницу, но слова замерли на его губах: на улице раздался звук шагов. Мужчины вытянули шеи, пытаясь разглядеть прохожего.

Мимо дома, опираясь на посох и едва переставляя ноги, брел согбенный годами старик. Наблюдатели отпрянули, затаив дыхание, когда пришедший остановился под аркой и откуда-то из-под одежды достал массивный ключ. Вставив его в замок, он отпер дверь, которая со скрипом отворилась, давая возможность увидеть каменные плиты пола. Старик вошел, а доктор Кеан схватил сына за запястье.

— Вниз! — зашептал он. — Это наш шанс!

Бегом они спустились по трясущейся лестнице, пересекли улочку, и Роберт осторожно заглянул в оставленную щель.

На фоне неяркого света, льющегося из следующего дверного проема, ведущего в огромное, похожее на амбар помещение, застыла черная сгорбленная фигура. Тук, тук, тук — застучал посох, и старик скрылся за углом.

— Где бы нам спрятаться? — спросил доктор. — Видимо, он пришел с осмотром.

Они услышали, как старик поднимается на второй этаж. Оглядевшись, Роберт обнаружил большой деревянный шкаф, вделанный в стену. Открыв дверцу, он увидел, что внутри имеется только одна полка, да и та наверху.

— Когда он вернется, — сказал молодой человек, — мы спрячемся здесь и дождемся его ухода.

Отец кивнул; он тоже внимательно осматривал комнату.

— Роб, именно сюда меня и привели, — тихо произнес он, — но была еще лестница в подвал. Мы должны найти ее.

На втором этаже раздавалось шарканье, старик переходил из комнаты в комнату; после на лестнице снова зазвучали его неверные шаги. Переглянувшись, отец и сын забрались в шкаф и, стараясь не шуметь, закрыли створки изнутри. Несколько минут спустя сторож — очевидно, старику было поручено следить за домом — удалился, захлопнув за собой дверь. Роберт и доктор выбрались из укрытия и приступили к более тщательному осмотру дома. Становилось все темнее; лишенный света, идущего из двери, они почти ничего не видели. Вдруг абсолютную тишину разорвал громкий крик откуда-то сверху. Роберт вздрогнул, схватив отца за руку, но тот только улыбнулся, сказав:

— Ты забыл, что совсем рядом мечеть. Это муэдзин⁴⁵.

Сын издал сдавленный смешок.

— Нервы все еще пошаливают, — объяснил он и, нагнувшись, начал изучать каменные плиты. — А в полу не может быть люка? Как вы думаете?

Отец молча кивнул и, опустившись на четвереньки, в свою очередь начал ощупывать щели и зазоры между камнями. В дальнем правом углу обнаружилось искомое. При надавливании одна из квадратных плит отодвинулась чуть вбок, а удары по ней порождали гулкое эхо, выдавая пустоту внизу. Толстый слой пыли и мусора покрывал пол, но когда панель расчистили, на ней оказалось кольцо, лежащее в специально выдолбленном в камне углублении. Его подняли с помощью перочинного ножа, и доктор Кеан, сойдя с плиты, потянул и без особых усилий поднял каменную крышку лаза.

В открывшемся квадратном проеме показались неровные ступени, ведущие вниз, в темноту. На самом верху каменной лестницы стоял грубый деревянный подсвечник со вставленной в него свечой. Доктор Кеан зажег ее, дос-

⁴⁵ Муэдзин — служитель мечети, с минарета призывающий верующих к молитве.

тав коробок спичек из кармана, и, держа огонь в левой руке, начал спускаться. Его голова еще не скрылась в отверстии, когда он остановился.

— Револьвер у тебя? — спросил он.

Роберт мрачно кивнул, достав оружие.

Снизу шел необычный, отвратительный запах, но отец и сын продолжали спускаться, не обращая на него внимания, пока не оказались в подвале с низким потолком. Вонь стала почти непереносимой, было в ней что-то угрожающее и определенно отталкивающее; у подножия лестницы отец и сын нерешительно остановились.

Доктор Кеан медленно передвигал свечу, осматривая пол, на котором валялись деревяшки, сломанные ящики, солома и всевозможный мусор, годный для розжига. Но вдруг из темноты показался ярко раскрашенный предмет — доктор осветил его. Это был саркофаг. Доктор невольно вздохнул и наклонился, направляя свет внутрь древнего гроба. И тогда он, собрав всю свою железную волю в кулак, с трудом подавил крик, готовый сорваться с губ.

— Боже мой! *Смотрите!* — прошептал Роберт.

Завернутый в белую ткань, перед ними неподвижно лежал Энтони Феррара.

Медленно позли секунды, перерастая в минуты, но никто не двигался, лишь холодные отблески пламени играли на бледном как слоновая кость лице.

— Он мертв? — Голос Роберта звучал хрипло, а сам он вцепился в отца.

— Не думаю, — таким же осипшим голосом ответил Брюс. — Он в состоянии транса, упоминаемом в некоторых древних рукописях, поглощает злую силу из саркофага Царицы-Ведьмы*.

В подвале что-то зашуршало. Звук становился все громче и отчетливее, но доктор Кеан явно не замечал его: он

* «Кажется весьма вероятным, что... гроб мумии (саркофаг), украшенный изображением человека при жизни, служил материальной основой сохранения... Ху (магической силы) посвященного во все тайны Адепта». *Collectanea Hermetica*, т. VIII (*Прим авт.*).

повернулся к сыну, и хотя Роберт не мог рассмотреть отца в темноте, он знал, что тот предельно серьезен.

— Я вынужден действовать, как мясник, — спокойно сказал Брюс Кean, — но в интересах человечества мы не должны колебаться. Выстрел привлечет внимание. Дай мне твой нож.

Какое-то мгновение сын не понимал, что означают слова доктора. Он просто достал нож и открыл самое большое лезвие.

— Боже милосердный, сэр, — вдруг выдохнул он, — но это же *ужасно!*

— Конечно, ужасно, — ответил отец, — но долг — долг, мальчик мой, — не позволяет нам отступить. Я, единственный из всех живущих на земле, знаю, кто и *что* лежит перед нами, и сознательно делаю этот шаг. Он должен закончить свое существование так же, как собирался поступить с тобой. Дай мне нож.

Он сам взял оружие у Роба. Направив свет на спокойное бледное лицо, доктор шагнул к саркофагу. В то же мгновение с потолка что-то упало, пролетев совсем рядом с вытянутой рукой ученого, и глухо шлепнулось на кирпичный пол. Доктор инстинктивно поднял свечу повыше.

Роберт Кean не смог подавить резкий крик и, схватив отца за рукав, потянул его к лестнице.

— Быстрее, сэр! — Еще немного, и у него случилась бы истерика. — Бога ради, *быстрее!*

Вид освещенного свечой потолка на миг удивил молодого человека и тотчас наполнил его душу отвращением и ужасом. Прямо над ними двигалось черное пятно около фута в диаметре: оно состояло из жутких копошащихся тарантулов! Туда со всех стен сползались отвратительные пауки, и мерзкое пятно разрасталось на глазах.

Доктор сразу же отпрыгнул к ступеням, и в этот момент пауки начали падать вниз. Без сомнения, они атаковали незваных гостей — пол вокруг Кеанов и нижние ступеньки уже кишели черными гадкими созданиями.

Роберта и доктора охватила паника. При каждом шаге под ногами *хрустели* пауки, приползающие из ниотку-

да, словно сама темнота породила их. И вот весь подвал, вся лестница, сам спертый воздух вокруг стали черными от гнусных созданий.

На середине лестницы доктор развернулся, выхватил револьвер и начал палить в сторону саркофага.

По его руке побежала волосатая цепкая тварь, и Роберт, ахнув от ужаса, ударил по ней, размазав ядовитую кровь по твиду пиджака.

Шатаясь, они добрались до выхода. Там доктор вновь повернулся и швырнул подсвечник в чудовищного паука, внезапно выскочившего из темноты. Свеча, все еще вставленная в деревянное гнездо, покатилась по ступеням и тут же утонула в море членистоногих.

Тарантулы поползли из люка на первый этаж, продолжая преследование, а внизу зажегся неяркий свет. Потом раздался треск, потянуло гарью.

Доктор отпер дверь на улицу. Охваченные паникой, отец и сын выскочили наружу, спасаясь от армии пауков. С лицами, белыми как мел, они прислонились к стене.

— Это и правда был... Феррара? — прошептал Роберт.

— Надеюсь на это, — прозвучало в ответ.

Доктор указал на закрытую дверь. Из-под нее выбивались клубы дыма.

Возникший пожар уничтожил не только дом с обитой железом дверью, но и два соседних здания; с немалыми усилиями все же удалось спасти мечеть.

Утром следующего дня доктор Кеан, осмотрев дымящийся фундамент бывшего логовища пауков, покачал головой и обратился к сыну:

— Если наши глаза нас не обманули, Роб, то справедливое возмездие наконец настигло негодя!

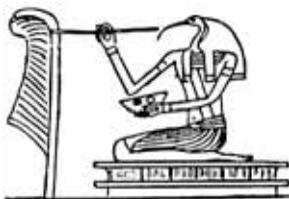
Пробившись сквозь толпу местных жителей, отец и сын вернулись в гостиницу. Их остановил портье.

— Простите, — сказал он, — кто из вас мистер Роберт Кеан?

Роберт шагнул вперед.

— Полчаса назад, сэр, один молодой джентльмен оставил для вас сверток. Очень бледный джентльмен с черными глазами. Он сказал, что вы обронили это.

Роберт развернул небольшой пакет. В нем оказался перочинный нож с покоробленной огнем рукояткой из слоновой кости. Его собственный нож, отданный отцу в ужасном подвале в тот миг, когда упал первый паук. К посылке прилагалась карточка, на которой карандашом было выведено: «С наилучшими пожеланиями от Энтони Феррары».

Глава XVII

Рассказ Али Мохаммеда

Попрощавшись со всеми, высокий египтянин вышел из номера доктора Кеана. Воцарилась недолгая, но напряженная тишина. Лицо доктора было сурово, Сайм, сцепив руки за спиной, стоял у окна и смотрел на пальмы в саду при гостинице. Роберт в волнении переводил взгляд с одного на другого.

— Что он сказал, сэр? — обратился он к отцу. — Он упомянул о?..

Доктор повернулся, но Сайм остался неподвижен.

— Если ты о деле, приведшем меня в Каир, — ответил Брюс, — то да.

— Видите ли, — сказал Роберт, — мои познания в арабском близки к нулю...

Сайм не спеша, в своей обычной манере, повернулся и скучаяще посмотрел на друга.

— Али Мохаммед, — спокойно объяснил он, — только что прибыл из Файюма, чтобы рассказать о выходящих из ряда вон событиях. Он не знал, насколько эти новости важны для нас, но ему самому происшествие показалось столь необычным, что он забеспокоился, а его очень сложно чем-либо смутить.

Доктор сел в кресло и кивнул Сайму.

— Расскажите Роберту, что мы услышали, — сказал он. — Мы все связаны с этим делом.

— Ладно, — по-прежнему неторопливо продолжил Сайм. — Когда мы покинули лагерь у пирамиды в Медуме⁴⁶, Али Мохаммед остался там с группой рабочих, чтобы кое-что

⁴⁶ Пирамида в Медуме – нестандартная по форме египетская пирамида, построенная для фараона Хуни. По форме напоминает восьмиступенчатый зиккурат.

завершить. Человек он довольно бесстрастный, не знает страха и ничего не боится. Но вчера ночью в лагере, точнее в бывшем лагере, произошло нечто, перепугавшее даже храброго Али.

Роберт кивнул, не отрывая взгляда от рассказчика. Сайм продолжал:

— Вход в пирамиду...

— *Один* из входов, — поправил доктор, чуть улыбнувшись.

— В пирамиде только один вход, — настоял Сайм.

Брюс махнул рукой со словами:

— Продолжайте. Обсудим эти археологические нюансы позже.

Сайм бросил на доктора утомленный взгляд и, воздержавшись от замечаний, возобновил рассказ:

— Лагерь располагался на спуске сразу под единственным *известным* входом в пирамиду в Медуме, можно сказать, лежал в тени постройки. Недалеко оттуда находятся тумулусы⁴⁷, древние захоронения, и дела, связанные именно с ними, заставили Али Мохаммеда задержаться в этой части Файюма. Он говорит, что около десяти вечера его разбудил необычный звук, точнее, звуки. Он вышел из палатки и посмотрел на пирамиду. Вход был прямо перед ним, где-то в пятидесяти или шестидесяти ярдах⁴⁸ выше, но серебристый свет луны делал видимость почти идеальной. Поэтому он заметил, что из пирамиды вылетела целая стая летучих мышей.

— Летучих мышей! — повторил Роберт.

— Да. В пирамиде, разумеется, обитает небольшая колония летучих мышей, но они не охотятся стаями; именно потому Али Мохаммед так удивился — он никогда не видел подобного. Он отлично слышал хор их криков. Но он поверить не мог, что это они разбудили его, а также еще с десятков рабочих в лагере, уже стоявших рядом и смотревших в сторону пирамиды.

⁴⁷ Тумулусы – мегалитические захоронения, некрополи в виде курганов.

⁴⁸ В ярде приблизительно 0,91 метра.

Ночи в Файюме необычайно спокойны. Ничто не нарушает полнейшую тишину, кроме воя шакалов, лая деревенских собак и прочих немногочисленных звуков, к которым быстро привыкаешь.

И в этом безмолвии хлопанье крыльев, издаваемое армией летучих мышей, было подобно взрыву. Некоторые рабочие еще толком не проснулись, но большинство выглядели очень напуганными. И вот они начали обсуждать, что же на самом деле их разбудило. Все пришли к выводу, что проснулись от страшного крика — предсмертного вопля женщины.

Сайм замолчал, поглядывая на собеседников, а на его невозмутимом лице показались признаки волнения.

— Продолжай же, — попросил Роберт.

Сайм не спеша продолжил:

— Мыши разлетались в разных направлениях, но охватившая лагерь паника не стихала. Али Мохаммед признался, что и сам ощутил приступ страха — об этом такие, как он, обычно предпочитают молчать. Только вообразите: стоят люди, смотрят друг на друга, постоянно оглядываясь на вход в гробницу. А потом до них донесся запах, и это стало последней каплей — все бросились бежать из лагеря...

— Запах? Какой запах? — занервничал Роберт.

Доктор Кеан развернулся в кресле и в упор посмотрел на сына.

— Запах Аида, мальчик мой! — мрачно заметил он и вновь отвернулся.

Заговорил Сайм:

— Естественно, я не знаю подробностей, но только что по-настоящему страшное могло так перепугать египтянина! Стояло безветрие, но вонь волной нахлынула на них, словно принесенная горячим хамсином.

— Ветер был действительно горячим?

— Сложно сказать. Али Мохаммед уверяет, что дул он прямо из входа в пирамиду. И толпа ринулась прочь явно не из отвращения, а от неприкрытого животного страха. Рабочие, не останавливаясь и не оглядываясь, добежали до ближайшей железнодорожной станции в Рекке.

Все опять помолчали.

— Это случилось минувшей ночью? — спросил Роберт.

Отец кивнул.

— Этот человек приехал первым же поездом из Васты, — сказал он. — Нам тоже нельзя попусту тратить время!

Сайм уставился на него.

— Не понимаю...

— У меня есть цель, — спокойно объяснил доктор. — Я должен уничтожить, растоптать, как поганую тварь, одно *существо* — не могу назвать его человеком — Энтони Феррару. Мне кажется, Сайм, что вы с нами заодно.

Сайм, нахмурившись, барабанил пальцами по столу и исподлобья смотрел то на одного, то на другого Кеана.

— Своими собственными глазами, — проговорил он, — я видел ту таинственную трагедию, которая привела вас, доктор, в Египет, и в какой-то мере я разделяю ваше мнение относительно Феррары. Вы ведь не знаете, где он?

— Со времени отъезда из Порт-Саида, — ответил доктор, — я ничего о нем не слышал, но леди Лэшмор, подруга — и невинная жертва, сохрани ее Господь! — Феррары в Лондоне, уехала после того, как провела день в каирской «Семирамиде». Но куда?

— А при чем здесь леди Лэшмор? — спросил Сайм.

— Если то, чего я опасаясь, все же случилось... — ответил доктор Кеан. — Но не будем забегать вперед. Сейчас мне достаточно того, что вчера в половине девятого, по моим сведениям, леди Лэшмор отправилась на поезде из Каира в Луксор.

Роберт непонимающе взглянул на отца.

— Вы что-то подозреваете, сэръ?

— Думаю, что она поехала в Васту, — ответил доктор.

— Все равно ничего не понимаю, — объявил Сайм.

— Поймете позже. Нельзя терять ни минуты. Вы, египтологи, думаете, что Египет почти ничего не может предложить вам; к примеру, вы утратили всякий интерес к пирамиде в Медуме, как только поняли, что в ней нет сокровищ. Но вы практически ничего не знаете о том, что *на*

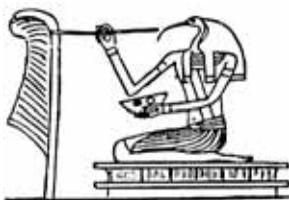
самом деле там было, Сайм! Этого не знали ни Мариет⁴⁹, ни Масперо⁵⁰. Мы с покойным сэром Майклом Феррарой, как и вы, разбивали лагерь у пирамиды в Медуме и совершили открытие...

— Какое же? — В Сайме проснулся интерес.

— А вот этого я сказать не могу — на моих устах печать молчания. Вы верите в черную магию?

— Не уверен.

— Ладно, не смею переубеждать. И хотя вам это вряд ли известно, пирамида в Медуме когда-то являлась оплотом древнего колдовства, вторым по значимости в Египте! Молю небеса, чтобы я ошибался, но в исчезновении леди Лэшмор и рассказе Али Мохаммеда я вижу страшные предзнаменования. Позвоните и узнайте расписание поездов. Нельзя терять ни минуты!

⁴⁹ Огюст Мариет (1821-1881) – основатель и первый руководитель Египетского музея в Каире.

⁵⁰ Гастон Масперо (1846-1916) – директор древностей и раскопок при Египетском музее в Каире.

Глава XVIII

Летучие мыши

Рекка осталась в миле позади.

— Путь до пирамиды, — сказал доктор Кean, — займет еще час, хотя и кажется, что она совсем рядом.

И в самом деле, в фиолетовых сумерках чудилось, что до мастабы⁵¹ в Медуме рукой подать, хотя предстояло преодолеть еще четыре мили. Они ехали на ослах по узкой тропе, проходящей по плодородным долинам Файюма. Только что под злой собачий лай они миновали деревню и сейчас следовали вдоль высокой насыпи. Впереди, где зеленый ковер трав перетекал в серый океан пустыни, возвышалась одинокая мрачная гробница, приписываемая египтологами фараону Снофру⁵²; она скорее напоминала каприз природы, чем творение рук человеческих.

Кeanы ехали впереди, а Сайм с Али Мохаммедом замыкали небольшой караван.

— Я по-прежнему пребываю в совершенном неведении, сэp, относительно цели нашего путешествия, — начал Роберт. — Почему вы полагаете, что там мы найдем Энтони Феррару?

— Я не думаю, что мы *найдем* его там, — последовал загадочный ответ, — но я почти уверен, что он там *находится*. Я должен был все предвидеть и теперь раскаиваюсь, что не предпринял ничего, чтобы предотвратить это.

— Что «это»?

⁵¹ Мастаба – усеченная пирамида с подземной погребальной камерой и несколькими помещениями внутри.

⁵² Снофру (тронное имя – Небмаат) – фараон Древнего Египта, продолживший строительство пирамиды в Медуме, начатое его предшественником фараоном Хуни; отец Хеопса.

— Роб, ты просто не в силах понять, в чем дело. Безусловно, мне следовало опубликовать факты — именно факты, а не предположения — известные мне о пирамиде в Медуме, но я побоялся, что надо мной будут смеяться все египтологи Европы, что меня объявят сумасшедшим.

Роберт немного помолчал, но потом вновь заговорил:

— Путеводители утверждают, что это просто пустая гробница.

— Конечно, пустая, — мрачно ответил отец, — иными словами, в погребальной камере фараона нет тела. Но когда-то оно там было, а другая камера пирамиды даже *сейчас* отнюдь не пуста.

— Но если вы знаете об этой камере, сэр, почему держите все в тайне?

— Потому что у меня нет *доказательств* ее существования. Я знаю, что она там, но понятия не имею, как туда войти; я знаю, для чего ее использовали раньше, и допускаю, что вчера ночью внутри был проведен тот же богопротивный ритуал — спустя четыре тысячи лет! Даже ты не поверил бы мне, если бы я рассказал то, что знаю, или только намекнул о том, что подозреваю. Ты ведь читал о Юлиане Отступнике⁵³?

— Конечно. Даже помню, что он практиковал некромантию.

— Пребывая в месопотамском Харране⁵⁴, он останавливался в Храме Луны и там общался с неким магом и его окружением, а после этого ночного бдения запер святилище, запечатал двери и выставил у ворот стражу. Его убили во время одной из войн, и он так никогда и не вернулся в Харран, но при Иовиане⁵⁵ печать сломали и храм открыли, а

⁵³ Юлиан Второй Отступник, или Клавдий Флавий Юлиан (331-363) — последний языческий римский император, ритор и философ.

⁵⁴ Харран, или Карра — древний город в Северном Междуречье, неоднократно упоминается в Библии, известен храмом Бога Луны Сина.

⁵⁵ Флавий Клавдий Иовиан (330-364) — избранный армией сразу после смерти Юлиана правитель, восстановил христианство в Римской империи.

внутри нашли подвешенный за волосы труп — я избавлю тебя от подробностей; это был случай применения самой жуткой магии — *антропомантии*⁵⁶.

На лице Роберта был написан ужас.

— Вы полагаете, сэр, что пирамиду использовали в тех же целях?

— В прошлом ее использовали по-разному, — спокойно ответил отец. — А то, что оттуда разлетелись летучие мыши, указывает на повторение древней практики вчера ночью. Впрочем, как и кое-что еще.

Сайм, тоже слушавший этот странный разговор, крикнул:

— До заката не доберемся!

— Нет, — ответил доктор, поворачиваясь в седле, — но это не столь важно. Внутри пирамиды разница между днем и ночью не имеет значения.

Они миновали деревянный мостик и теперь направлялись непосредственно к огромным руинам по другую сторону насыпи. Все молчали, а Роберт глубоко задумался и вдруг сказал:

— Могу согласиться, что Энтони Феррара действительно посетил это место прошлой ночью, хотя я не совсем понимаю все ваши аргументы. Почему вы думаете, что он все еще там?

— Суть такова, — не торопясь, объяснил отец, — дело, по которому он здесь, требует двух суток. Больше ничего не добавлю, ведь, если ошибусь или не смогу предоставить доказательств и поспешу поделиться с тобой своими подозрениями, ты несомненно сочтешь меня безумцем.

Путь на ослах от Рекки до пирамиды в Медуме занимает по меньшей мере полтора часа, и экспедиция выбралась за пределы обрабатываемых земель и оказалась среди песков пустыни не раньше, чем заходящее солнце исчезло в сиреневых тенях египетской ночи. Грандиозная гранитная постройка, бледно-желтая в свете луны и оранжевая в лучах солнца, уже обрела свои внушительные размеры и теперь

⁵⁶ Антропомантия – гадание на человеческих внутренностях.

казалась огромной квадратной башней, возвышающейся, если брать вместе с песчаной насыпью, на добрую сотню метров над пустыней.

На свете нет ничего более восхитительного, чем оказаться ночью, в полном одиночестве, в тени пирамид, созданных неизвестно кем, как и с какими целями; несмотря на весь апломб современных исследователей, эти невероятные строения так и остаются неразрешимой загадкой таинственного народа.

Ни Сайм, ни Али Мохаммед, натуры чрезвычайно сдержанные, не могли ощутить все нюансы впечатлений, производимых этим зрелищем на людей с более тонкой психической организацией, чья душа трепещет, когда они попадают в такие места. Но доктор Кean и Роберт, каждый по-своему, чувствовали исходящее от этого святилища древних времен дыхание прошлого.

Великое молчание пустыни — ни в одном уголке мира не бывает так тихо; одиночество безводного океана, которое невозможно просто вообразить — только испытать; легенды об освященном веками здании, выросшие на благодатной почве местной истории; и наконец связь древнего храма с тайными знаниями, магией, безбожными занятиями Энтони Феррары — все это вместе наполняло наших героев сверхъестественным ужасом и требовало от них предельного мужества.

— Что теперь? — спросил Сайм, выбираясь из седла.

— Отведем ослов наверх, — ответил доктор Кean. — Там есть гранитные блоки, и можно привязать животных.

Отряд молча начал утомительное восхождение по узкой тропе к вершине насыпи, пока, поднявшись метров на тридцать над пустыней, не добрался до стены величественной постройки. Здесь путешественники оставили ослов.

— Мы с Саймом, — спокойно распорядился доктор, — войдем в пирамиду.

— Но... — попытался возразить сын.

— Даже если не принимать во внимание усталость от дороги, — продолжил ученый, — следует помнить, что температура в нижней части мастабы очень высока, а воздух

отвратителен, — тебе с твоим здоровьем и думать не стоит о походе туда. И это не все; снаружи необходимо кое о чем позаботиться — возможно, даже более важном. — Он посмотрел на напряженно слушающего Сайма и продолжил: — Пока мы будем продвигаться внутрь и вниз по северному коридору, Али Мохаммед и ты, Роберт, должны охранять южную стену.

— Зачем? — тут же спросил Сайм.

— Именно там находится вход в верхнюю ступень пирамиды...

— Но верхняя ступень почти в двадцати метрах над нами. Даже если предположить, что там когда-то был вход — в чем лично я глубоко сомневаюсь — то сейчас сбежать через него просто невозможно. Нельзя спуститься по внешней стене пирамиды, да и забраться по ней тоже пока никому не удавалось. Для исследования пирамиды в свое время пришлось возвести леса. Стены неприступны.

— Может, и так, — согласился доктор, — но все же у меня имеются причины не оставлять южную сторону без присмотра. Если на ступенях пирамиды что-то появится, *все равно что*, Роб, стреляй, не раздумывая!

То же самое он повторил Али Мохаммеду, чем сильно удивил египтянина.

— Ничего не понимаю, — бормотал Сайм, — но допускаю, что у вас на то веские причины. Будь по-вашему, но хотя бы намекните, с чем мы можем столкнуться внутри? Однажды я был там и не горю желанием повторять опыт. Внутри почти нельзя дышать, а спускаться на уровень ниже — сложная работенка: мало того, что весьма затруднительно лезть по проходу высотой в сорок сантиметров, вы же, конечно, знаете об этом, нам также предстоит весьма небезопасный подъем по вертикальной шахте в самую гробницу. Ну на змей мы, конечно, вряд ли наткнемся, — иронично добавил он.

— Вы еще забыли о возможности наткнуться на Энтони Феррару, — сказал Брюс Кеан.

— Простите мой скептицизм, доктор, но я не могу предположить, что кто-либо добровольно пойдет в такое ужасное

место.

— Я по-прежнему уверен, что он там.

— Тогда он попался! — мрачно отметил Сайм и проверил свой браунинг. — Если только...

Он замолчал, а на обычно спокойном лице отразился страх:

— Если только он не будет ожидать нас в конце узкого лаза.

— Вот видите! — воскликнул Брюс. — Но мы обязаны покончить с ним. Предупреждаю, что никогда в жизни вам, вероятно, не угрожала и не будет угрожать такая опасность. Я не прошу вас идти со мной. Я готов действовать в одиночку.

— Вот это вы зря, доктор, — в голосе Сайма прозвучал вызов. — Пусть остальные займут свои места.

— Но, сэр... — начал Роберт.

— Ты знаешь, куда идти, — отдал приказ отец. — Нельзя терять ни минуты, и хотя я опасаясь, что мы уже опоздали, не исключено, что нам все же удастся предотвратить страшное преступление.

Высокий египтянин и Роберт Кean перебрались через груды мусора и обломки плит и скрылись за огромной стеной. Сайм и доктор полезли вверх по зигзагообразному проходу, ведущему к коридору внутрь пирамиды. Перед квадратным черным проемом они остановились и переглянулись.

— Можно оставить верхнюю одежду здесь, — сказал Сайм. — Вижу, у вас ботинки на резиновой подошве, а вот мне сапоги лучше снять, иначе не почувствую, куда ступаю.

Брюс кивнул и без лишних слов начал расстегивать куртку; Сайм последовал его примеру. Потом доктор наклонился, чтобы положить свою шляпу на стопку одежды, но так и остался в этом положении, заметив валяющийся неподалеку темный предмет. Он наклонился еще ниже, разглядывая находку с необычайной внимательностью.

— Что это? — дернулся Сайм, взглянув на Кеана.

Доктор вынул из кармана брюк электрический фонарик и направил белый луч на гранитные осколки: среди них в лужице крови лежала довольно крупная летучая мышь. Она была обезглавлена!

Словно заранее зная, что увидит, доктор повел лучом фонаря. На земле у входа в пирамиду лежали десятки безголовых трупиков.

— Боже мой, что это значит? — прошептал Сайм и с опаской посмотрел на черную дыру входа.

— Это значит, — тихо ответил Кean, — что мои подозрения, какими бы невероятными они ни казались, не беспочвенны. Соберитесь с духом, Сайм, мы стоим на границе неизъяснимого ужаса.

Сайм не осмелился притронуться к мышам и смотрел на них с плохо скрываемым отвращением.

— Что за чудовище могло сотворить такое? — прошептал он.

— Такого создания мир не видел уже много веков! Существо непредставимо мерзкое — сам дьявол в человеческом обличе!

— Но зачем ему мышиные головы?

— У ночных крыланов, или египетских летучих собак, за трубчатыми ноздрями есть особая железа. Она выделяет очень редкий секрет, используемый в составе благовоний, название которых нельзя найти даже в трактатах по магии.

Сайма передернуло.

— Вот! — Кean протянул ему фляжку. — Это только начало. Так что спокойнее.

Спутник коротко кивнул и отхлебнул немного бренди.

— Теперь в путь, — сказал доктор. — Лучше я пойду первым.

— Как хотите, — тихо ответил Сайм, пытаюсь взять себя в руки. — Опасайтесь змей. Я понесу фонарь, а вы просто держите свой наготове.

Кean вошел в пирамиду. Высота стен коридора была чуть больше метра. Многочисленные песчаные бури сделали покатым гранитный пол таким гладким, что было не-

возможно передвигаться иначе, как только держась за потолок и постепенно соскальзывая вниз.

В таких условиях, да еще и под острым углом, спуск длиной более шестидесяти метров невозможно преодолеть быстро. Примерно каждые четыре метра Брюс останавливался и карманным фонариком освещал засыпанный песком пол и щели между его огромными плитами в поисках еле заметных следов, предостерегающих путешественника — рядом змеи! Затем, погасив свет, он двигался дальше. Сайм следовал за ним, действуя таким же образом, с той лишь разницей, что держался за потолок одной рукой: в другой он сжимал фонарь, которым светил перед собой и компаньоном, пытаясь рассеять темноту впереди.

Наверху, в песках, было довольно душно и знойно, и теперь с каждым шагом становилось все жарче и жарче. Вместе с мельчайшей пылью в воздух поднимался неопишувемый запах древнего разложения, характерный для таинственных лабиринтов египетских пирамид, никогда не знавших дневного света, а в двенадцати или пятнадцати метрах ниже уровня пустыни дыхание стало настолько затруднено, что мужчины, обливаясь потом и хватая ртом воздух, остановились.

— Еще метров десять, — тяжело дыша, произнес Сайм, — и мы попадем в проход между ступенями. Наверное, вы помните, там что-то вроде искусственной пещеры, недостаточно высокой, чтобы встать в полный рост, но вполне пригодной, чтобы передохнуть сидя.

Слова давались нелегко, и потому спутники в молчании достигли дна покатога коридора. В свете двух карманных фонариков они увидели крошечную комнату, выдолбленную без особого тщания прямо в породе. Высота стен не превышала полутора метров, но грубый пол по крайней мере был ровным, и спутники присели отдохнуть.

— Вам не кажется, что пахнет чем-то незнакомым? — заговорил Кеан.

Сайм кивнул, отерев пот со лба, и хрипло ответил:

— Когда я был здесь в прошлый раз, пахло отвратительно. Не все выдерживали. Но сегодня положительно воняет. Ни с чем подобным никогда не сталкивался.

— Совершенно верно, — мрачно заметил доктор. — Уверен, что когда выберемся отсюда, такого смрада мы нигде больше не встретим.

— А что это?

— Те *благовония*. Пошли! Нам предстоит самое сложное.

Коридор существенно сузился, а потолок нависал уже в сантиметрах сорока над головой. Двигаться приходилось ползком, распластавшись на грязном полу; не было возможности даже встать на колени, а для продвижения вперед путники цеплялись за выпуклости на стенах и, отталкиваясь локтями от выщербленных камней, продолжали спуск.

Они успели преодолеть почти три метра, когда доктор неожиданно остановился.

— Что там? — прошептал Сайм.

В его голосе слышалась паника. Он даже не смел предположить, что случится, когда они минуют этот дурно пахнущий лаз и доберутся до самых глубин древнего строения. В голову лезли нелепые мысли о том, что всем своим весом на него навалилась пирамида, чтобы расплющить, по капле выдавить жизнь из распластанного тела, а последним, что он увидит, будут резиновые подошвы доктора Кеана прямо перед его лицом. Но тут прозвучал шепот ученого:

— Не разговаривайте! И двигайтесь как можно тише. Молитесь, чтобы нас не ждали!

Сайм все понял. Они ползли по смертельной ловушке, а на выходе затаился вероломный враг. Он вспомнил обезглавленных летучих мышей и сразу представил, что его, ползущего головой вперед по узкому проходу, может ожидать та же участь!

Кеан медленно продвигался вперед. Несмотря на все старания действовать бесшумно, ни он, ни его соратник не могли приглушить свое тяжелое дыхание. Оба ловили ртом воздух. Жара сделалась невыносимой. Из-за нехватки кислорода было бы невозможно зажечь свечу, а запах древней

затхлости, известный всем исследователям египетских пирамид, стал настолько сильным, что мог бы прикончить любого.

Ученый снова застыл без движения.

Сайм, уже бывавший здесь, догадался, что коридор закончился и теперь Кean лежит, вглядываясь в темноту шахты, по которой им предстояло двигаться вверх. Он выключил фонарь.

Доктор полез вперед — вытянув руку, Сайм не нащупал его. Он тоже пополз, ни на секунду не переставая шарить по полу пальцами.

— Возьмите меня за руку, — раздался шепот. — Еще полметра, и можно будет выпрямиться в полный рост.

Сайм потянулся, схватил протянутую из непроглядной темноты ладонь и, задыхаясь от неожиданно нахлынувшей усталости, встал рядом со спутником, разминая сведенные конечности.

Они стояли, окутанные непроницаемым мраком и такой тишиной, какая и не снилась обитателям внешнего мира; им требовались все душевные силы, чтобы побороть охватывающий сердца ужас.

Кean приблизился к Сайму и прошептал на ухо:

— Без света мы не сможем подняться. Держите пистолет наготове — сейчас я зажгу фонарь.

Стены каменного мешка, на дне которого они оказались, прорезал белый луч, рассеиваясь в черноте камеры над ними.

— Забирайтесь мне на плечи, — сказал Сайм. — Вы легче меня. А потом, когда залезете выше, положите фонарик на пол и выбирайтесь рядом с ним. Я последую за вами.

Доктор, пользуясь неровностями стен и каменными блоками, среди которых они стояли, залез на плечи спутника.

— Вы можете держать свой револьвер в зубах? — спросил Сайм. — По-моему, это возможно, если зажать спусковую скобу⁵⁷.

⁵⁷ Спусковая скоба — скоба, защищающая спусковой крючок от случайного нажатия.

— Так и сделаю, — мрачно ответил Брюс. — Стойте смирно!

Он постепенно выпрямился на плечах товарища, потом поставил ногу на выступ в камне и, держась левой рукой за другой выступ и не выпуская зажженный фонарик из правой руки, забрался выше. Там он потянулся и положил фонарь на горизонтальную поверхность над головой — луч осветил всю шахту до самого верха.

— Убедитесь, что он не упадет, — выдохнул Сайм, задирая голову и наблюдая за происходящим.

Доктор Кеан, продемонстрировав немалую силу и проворство, повернулся боком и закинул ногу на пол у верхнего выхода из шахты. Перенеся на нее свой вес, он схватился рукой за край проема и выбрался в свете фонаря. Затем, опираясь о расщелину внизу, он протянул руку Сайму. Молодой человек, поднявшийся тем же путем, что и спутник, схватился за нее и вскоре встал рядом с доктором.

Он тут же включил свой фонарик и осветил странное помещение, в котором они очутились. Это была так называемая «Царская камера», погребальная палата фараона. Справа и слева в неясном свете они видели деревянные балки, практически окаменевшие, но еще целые. Сайм направлял фонарик во все стороны — вверх, вниз, на мусор на полу, на блоки стен, на своды потолка.

Они были в погребальной камере одни!

Глава XIX

Антропомантия

— Здесь никого! — Сайм нервно осматривал помещение.

— Нам повезло! — ответил доктор Кеан. Он все еще не мог отдышаться после гимнастики в шахте; вдобавок, воздух в камере был отвратителен. В остальном доктор держал себя в руках, разве что немного побледнел, а со лба градом катил пот.

— Постарайтесь не шуметь.

Сайм, убедившись, что они одни, и начав потихоньку отходить от пережитой в проходе паники, уловил в словах спутника что-то зловещее.

Доктор осторожно обогнул груды мусора на полу и сейчас стоял в восточном углу, подзывая товарища к себе. Сайм подошел.

— Вам не кажется, что жуткий запах благовоний усиливается в этом месте?

Сайм кивнул:

— Вы правы. И что это значит?

Кеан направил луч на небольшой холмик в самом углу и, борясь с волнением, произнес:

— Это означает, что придется ползти *туда!*

Сайм подавил возглас удивления: один из блоков перекрытия отсутствовал, а груды мусора закрывала отверстие от посторонних глаз.

— Тихо! — прошептал доктор.

Он лег на живот и смело пополз в дыру. Когда не стало видно его подошв, Сайм отправился за ним. По лазу, проходившему между квадратных каменных блоков, можно было передвигаться на четвереньках. Он не был длинным — около трех с половиной метров — но дальше резко уходил вверх почти под прямым углом. Здесь в камне было вы-

долблено некое подобие лестницы. Все было пропитано невыносимым запахом фимиама.

Брюс прошептал Сайму на ухо:

— Теперь ни слова. Никакого света. Пистолет наготове!

Они начали подъем. Сайм, считая ступени, шел вторым. Насчитав шестьдесят, он предположил, что они приблизились к верхушке древней мастабы, лежащей в основании первой ступени пирамиды. Несмотря на высоту, вероятность сорваться и упасть была мала из-за узости самой шахты — спина всегда находила опору в виде противоположной стены.

Кеан поднимался очень медленно, опасаясь удариться головой. На семидесятой ступени он вытянул согнутую ногу вперед, но колено не встретило сопротивления — они добрались до горизонтального коридора.

Очень тихо он обратился к Сайму:

— Возьмите меня за руку. Мы наверху.

Они двинулись дальше. Тяжелая тошнотворная сладость благовоний едва не отбросила их назад, но доктор и Сайм, остановившись лишь на мгновение, решительно продолжали путь.

Впереди мерцали отблески огня, отражаясь в гладких стенах прохода, не видевших света с темных времен Древнего царства⁵⁸.

Впервые за эту невероятную ночь спутникам стало действительно жутко. Они приближались к разгадке тайны, готовясь предстать перед истинным ужасом Медума.

Сначала, заметив неясный свет, оба остановились, не в силах пошевелиться от охватившего их страха и изумления. Сайм, готовый поклясться, что в пирамиде нет ничего, кроме погребальной камеры фараона, был поражен, с трудом доверяя собственным глазам. Страх охватил его душу. Доктор Кеан, хотя и ожидавший этого, также на миг утратил власть над собой, столкнувшись со сверхъестественным лицом к лицу.

⁵⁸ Мастаба в Медуме была построена фараоном Хуни, последним фараоном периода Древнего царства в Египте.

Они пошли на свет.

Перед ними оказалось квадратное помещение того же размера, что и камера фараона. Действительно, как они поняли позже, эта комната находилась непосредственно над ней.

В треножнике горел огонь, отбрасывая неверные блики на стены и потолок и давая возможность осмотреться. Но спутников сейчас интересовало не это: их взгляды были прикованы к стоящей у треножника фигуре, облаченной в черное.

Человек стоял спиной ко входу и монотонно произносил что-то на языке, не знакомом Сайму. Иногда он вскидывал руки и благодаря своей черной мантии становился похож на гигантскую летучую мышь. И всякий раз, словно повинаясь его движениям, пламя вспыхивало, освещая помещение адскими языками. Когда заклинатель опускал руки, успокаивалось и оно.

Комната была наполнена низко стелющимся красноватым дымом. На полу стояли несколько сосудов необычной формы, а у дальней стены, озаряемой редкими вспышками огня, белело что-то неподвижное, вероятно, подвешенное к потолку.

Кеан тяжело выдохнул и схватил Сайма за запястье.

— Мы опоздали, — произнес он странным голосом.

В это время его товарищ пристально вглядывался в пунцовую дымку, пытаясь понять, что за кошмарная фигура висит там, куда не доходит свет. Когда заклинатель в очередной раз поднял руки, а послушный его велениям огонь ярко вспыхнул, заговорил и он.

Хотя Сайм не был абсолютно уверен, что именно он увидел, он вспомнил все, что рассказывал доктор. В первую очередь о Юлиане Отступнике, императоре-некроманте. О том, что нашли люди, когда после его гибели открыли Храм Луны. Вспомнил, что леди Лэшмор...

И тут ему стало дурно — доктор едва успел поддержать спутника, готового лишиться чувств.

Сайма воспитывали в духе материализма, и молодой человек никак не мог поверить, что ужас, с которым он

столкнулся, реален. Но вот прямо на его глазах некромант проводит ритуал; дьявольский запах таинственных благовоний душит его; в танцующих тенях обители тьмы творится ужасное пророчество — разум Сайма просто отказывался принимать происходящее. Случись такое в Древнем мире или в Средние века, любому было бы ясно, что перед ним колдун, маг, с помощью древних заклинаний ищущий у мертвецов ответ на вопрос, касающийся живых.

Но способны ли современные люди принять это как данность? Многие ли поверят, что кто-то практикует магию не только на Востоке, но и в Европе? Кто, став свидетелем сатанинской мессы, поймет, что это, и не попытается найти иное объяснение увиденному?

Сайм не мог допустить, что эта оргия порока реальна. Языческий император был способен верить в некроمانтию, но сегодня... — о, как удивительна наша вера в истинность современных знаний!

— Я схожу с ума? — хрипло прошептал Сайм. — Или...

Окутанная дымкой фигура, казалось, выплыла из тени, приобретая все более четкие формы, — и вот перед ними предстала прекрасная женщина, чья красота внушала благоговейный ужас.

На голове у нее был урей, символ власти фараонов, а единственным одеянием служило платье из полупрозрачной ткани. Как облако, как призрак, вступила она в круг света, отбрасываемый пламенем.

Она заговорила — было ощущение, что голос шел откуда-то издали, из-за толстых гранитных стен нечестивой гробницы. Сайм не узнал язык, но почувствовал, как доктор сильнее сжал его руку: проведя столько лет в компании сэра Майкла Феррары, Кean выучил его — мертвый язык, забытый на самой заре нашей эры.

Сайм быстро принял решение: ни один его современник не поверит, что подобное можно увидеть наяву. Им овладело безумие, и, выдернув руку из ладони Кеана, он попытался противопоставить сегодняшнюю науку древней магии.

Подняв свой браунинг, он начал стрелять — снова и снова — в похожего на летучую мышь человека, застывшего между ним и треножником.

Эхо, словно передразнивая, тысячу раз повторило выстрелы, наполнив камеру кошмарным грохотом, исходящим отовсюду: из нижних коридоров, из потаенных уголков пирамиды — разрывая тишину, царившую там в течение долгих столетий.

— Боже мой...

Как в полусне, Сайм почувствовал, что Кean пытается оттащить его назад. Сквозь облако дыма молодой человек видел, как одетая в черное фигура поворачивается в его сторону; как в кошмаре, разглядел он бледное, блестящее лицо Энтони Феррары; продолговатые холодные — змеиные — глаза смотрели на него. Сайм стоял — один среди хаоса, среди безумного мира, за гранью разума, там, где Бог был не властен. Но даже в этом помрачении он знал одно: он по меньшей мере семь раз выстрелил в человека в черном и не мог промахнуться.

Но Энтони Феррара оставался цел и невредим!

Тьма поглотила жуткое видение. Потом впереди появился белый луч, и, пытаясь выплыть из вод безумия, Сайм осознал, что доктор Кean, отступая вглубь коридора, зовет его, срываясь на крик — бегите, спасайте свою жизнь, спасайте свою душу!

«*Не стоило стрелять!*» — звучало в голове Сайма.

Не ощущая твердости и шероховатости камней — хотя позже колени и лодыжки оказались расцарапаны до крови — спускался Сайм по длинной, уходящей вниз шахте.

Доктор, казалось ему, шел впереди, время от времени придерживая ноги Сайма и направляя их в выдолбленные в стене углубления. Все вокруг ревело и гудело, словно за стенами пирамиды бушевал океан и бился об нее огромными волнами. Было ощущение, что пол ходит ходуном.

— Ложитесь!

В голове начало проясняться. Теперь Сайм точно знал, что доктор уговаривает его проползти по короткому коридору, ведущему в погребальную камеру фараона.

Забыв об опасности, он решительно бросился на пол и пополз вперед.

После был провал в сознании, похожий на сон, в который погружается больной лихорадкой человек. И вот Сайм уже стоял в камере, а Кean, зажав в одной руке фонарик, другой поддерживал его. Вновь вернулось чувство реальности происходящего.

— Я уронил пистолет, — пробормотал Сайм.

Он стяхнул руку доктора и повернулся к куче мусора в углу, туда, где был проход, через который они попали в сатанинский храм.

Дыры не было!

— Он закрыл ее! — воскликнул Кean. — Вход в пирамиду и тайную комнату разделяют шесть каменных дверей. Если Ферраре удалось запечатать *одну* из них, прежде чем мы...

— Боже мой! — прошептал Сайм. — Давайте выбирать-ся! Иначе я сойду с ума.

Страх придал ему сил, и Сайм легко спустился по шахте вниз.

— Вставайте мне на плечи! — крикнул он, глядя вверх.

Доктор Кean спустился вниз.

— Ступайте вперед, — сказал он.

Доктор тяжело дышал, почти задыхался, но полностью владел собой. Стоит однажды выйти за Грань, и понятие о смелости обретает несколько иной смысл: отвага перед лицом физической опасности тает в огне неизведанного.

Сайм, с хрипом выпуская воздух сквозь стиснутые зубы, с невероятной скоростью поднимался по проходу с низким потолком. Оба стремились как можно скорее миновать этот длинный коридор. Впереди они увидели голубое небо...

— Что-то, напоминающее огромную летучую мышь, — сказал Роберт Кеан, — выползло из нижней ступени. Мы оба выстрелили...

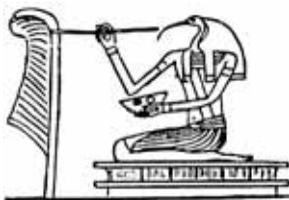
Доктор поднял руку. Без сил лежал он у подножия насыпи.

— Он зажег благовония, — проговорил он, — и читал заклинания. Не могу объяснить. Но стреляли вы напрасно. Мы опоздали...

— Леди Лэшмор...

— Пока пирамиду в Медуме не разберут, камень за камнем, ее участь останется неизвестной! Мы с Саймом стояли у адских врат! Нас спасло Божье вмешательство! Смотри!

Он указал на Сайма. Молодой человек лежал тут же — бледный, глаза закрыты, волосы густо выбелила седина.

Глава XX

Благовония

Роберту Кеану казалось, что поезд никогда не доедет от порта до Чаринг-Кросс⁵⁹. Он непрерывно ерзал, смотрел то на отца, с которым делил купе, то на пролетающий за окнами пейзаж с видами на плантации хмеля. Доктор, хотя и не выказывал подобных признаков волнения, был ничуть не менее напряжен.

Словно в горячечном бреду, в страшной спешке они покинули Каир, направляясь домой: было настоящей попыткой узнать, что пока они искали злокозненного и беспощадного врага в Египте, он, тайно вернувшись в Лондон, плел паутину заклинаний вокруг любимых ими людей.

В погоне за Энтони Феррарой, воплощением адского порока, доктор Кеан бросил свою практику и отправился из Англии в Египет. Теперь он торопился вернуться — пока злодея искали в самых странных и потаенных уголках этой загадочной земли, Феррара творил свои темные деяния в Лондоне!

Снова и снова перечитывал Роберт письмо, вызвавшее их домой, точно королевский приказ. Его прислала Майра Дюкен. Одна строчка, подобно разрыву бомбы, изменила все их планы, окончательно лишив покоя.

В глазах Роберта Кеана вселенная сосредоточилась в Майре; для него она являлась единственным существом в мире, к которому Феррара не должен даже прикоснуться. Но теперь он знал, что Энтони был рядом с ней, и не сомневался, что в этот самый момент негодяй использует Темное Искусство, чтобы разрушить ее тело и разум — и, возможно, саму ее душу.

⁵⁹ Чаринг-Кросс — перекресток главных улиц Вестминстера в Лондоне, а также вокзал, расположенный там.

Он опять вынул из кармана потрепанный конверт и перечитал зловещую фразу — прочитанная впервые, она погасила в его глазах свет египетского солнца: «Вы удивитесь, узнав, что Энтони снова в Лондоне и постоянно навещает меня. Совсем как в старые добрые времена...»

Роберт поднял покрасневшие от усталости глаза и заметил, что отец наблюдает за ним.

— Спокойнее, мальчик мой, — предупредил доктор. — Твое волнение не принесет ничего хорошего ни нам, ни Майре. Ты только окончательно расшатаеть нервную систему, а нам понадобится много сил перед лицом предстоящей опасности. Ты сам приближаешь очередной срыв. Да, я знаю, что положение сложное, но, ради всех нас, держи себя в руках.

— Я пытаюсь, сэр, — натянуто ответил Роберт.

Доктор кивнул, побарабанив пальцами по колену.

— Мы должны действовать осмотрительно, — продолжал он. — Я и не знал, что Джеймс Сондерсон предложил Майре вернуться в Лондон. Думал, что она будет в Шотландии, далеко от этой зловещей круговерти. Если бы я мог хотя бы предположить, что Сондерсон приедет в Лондон, я бы заранее сделал соответствующие распоряжения.

— Конечно, сэр, я знаю. Но это было невозможно предусмотреть.

Доктор покачал головой.

— Подумать только — мы прочесываем весь Египет от Порт-Саида до Асуана, а *этот* потешается над нами в Лондоне! — сказал он. — Видимо, он уехал из страны сразу после событий в Медуме, одно Небо знает как. Письмо пришло три недели назад?

Роберт кивнул:

— Многое могло произойти с тех пор! Слишком многое!

— Не будь так пессимистичен. Джеймс Сондерсон надежный человек. Даже Энтони Ферраре вряд ли удастся обвести его вокруг пальца.

— Но Майра пишет, что Феррара — частый гость в их доме.

— А Сондерсон — шотландец! — хмуро улыбнувшись, ответил доктор. — Доверься его опыту, Роб. С ним Майре ничего не угрожает.

— Дай Бог!

Они смолкли и не произнесли ни слова, пока поезд, точно по расписанию, не прибыл на вокзал Чаринг-Кросс. Там, охваченные общей тревогой, отец и сын первыми вышли с платформы. Их уже ожидал автомобиль, и через пять минут после прибытия Кеанов затянул бурный поток лондонского движения — они ехали в дом Джеймса Сондерсона.

Добираться пришлось до Дулвич-Коммон, удаленного от всех маршрутов городского транспорта старомодного района, где они увидели беспорядочно построенное здание бывшей фермы с красной черепичной крышей. Машина подъехала к воротам; из них навстречу вышел сам Сондерсон, ширококостный кареглазый шотландец с неопрятными и длинными седыми волосами. Рядом с ним стояла Майра Дюкен. На миг ее щеки вспыхнули румянцем, но тотчас же поблекли.

В самом деле, ее бледность внушала опасения. Когда Роберт, выскочив из автомобиля, взял ее руки в свои и посмотрел девушке в глаза, ему показалось, что она словно истаяла. Сердце молодого человека дрогнуло, а по жилам разлился холод: Майра будто не принадлежала миру людей, а начала растворяться в мире духов. Приятно было заметить огонек в ее нежных глазах, но хрупкость, полупрозрачность тела испугали Кеана.

Он знал, что не должен показывать свой страх и, повернувшись к мистеру Сондерсону, тепло пожал протянутую руку. После все четверо прошли через низкое крыльцо в дом.

В холле их ожидала мисс Сондерсон, типичная шотландская домохозяйка; она приветливо улыбалась, но когда Роберт поздоровался с ней, что-то неожиданно заставило его остановиться.

Доктор Кеан тоже застыл в дверях: ноздри его трепетали, ясные серые глаза напряженно осматривали помеще-

ние — он вглядывался в тени.

От миссис Сондерсон не укрылось неожиданное замешательство гостей.

— Что-то не так? — взволнованно спросила она.

Майра, стоявшая рядом, тоже испугалась. Доктор, стряхнув нахлынувшее наваждение, выдавил смешок и, похлопав сына по плечу, воскликнул:

— Мальчик мой, проснись! Знаю, что хорошо вернуться домой, в Англию, но поспать успеешь после обеда!

Роберт заставил себя улыбнуться в ответ, и вскоре все забыли про их необычное поведение.

— Как же замечательно, что вы, только приехав, сразу заглянули к нам, — сказала Майра, когда они зашли в столовую. — Должно быть, вас заждались на Хаф-Мун-стрит, доктор Кеан?

— Конечно, мы первым делом направились к вам, — вставил Роберт, сделав ударение на последнем слове.

Майра потупилась и поспешила сменить тему.

Никто не упоминал об Энтони Ферраре, и ни доктор, ни Роберт не заговаривали о нем. Обед прошел спокойно: застольная беседа так и не коснулась того, что привело гостей в дом Сондерсона.

Кеанам удалось остаться наедине только через час. С опаской оглядевшись, отец заговорил о том, что занимало все его мысли с тех пор, как они ступили в дом.

— Ты это заметил, Роб? — прошептал он.

— О да! Я чуть не задохнулся!

Брюс мрачно кивнул:

— Весь дом этим пропах, все комнаты. К запаху уже привыкли и явно его не замечают, но когда только заходишь с улицы, со свежего воздуха...

— Пахнет отвратительно, мерзко — безбожно!

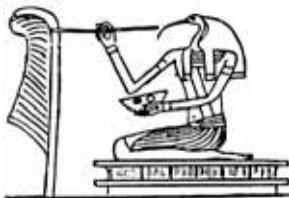
— Да, мы знаем, это нечистый запах, — тихо продолжал отец, — по собственному опыту знаем. Он предвещал смерть сэра Майкла. Он предвещал смерть... другого человека.

— Если Бог существует, как он допускает подобное?

— Это тайные благовония Древнего Египта, — зашептал доктор Кean, поглядывая на открытую дверь. — Это запах Черной Магии, которая, по всем законам природы, должна была быть похоронена в гробницах древних кудесников и забыта навсегда. Только двое из живущих сегодня знают, что это за запах и понимают его тайный смысл, и только один человек осмелился изготовить эти благовония и воспользоваться ими...

— Энтони Феррара...

— Мы не сомневались, что он бывает здесь, мальчик мой, а теперь еще узнали, что он накладывает свои чары. Что-то подсказывает мне — конец нашей схватки близок. Да пребудет с нами победа.

Глава XXI

Маг

Хаф-Мун-стрит купалась в лучах тропического солнца. Доктор Кean, сцепив руки за спиной, смотрел в окно. Он повернулся к сыну, прислонившемуся в книжному шкафу в глубине большой комнаты.

— Жарко, как в Египте, Роб, — сказал он.

Молодой человек кивнул.

— Энтони Феррара, кажется, привозит погоду с собой, — ответил он. — Впервые я столкнулся с его дьявольскими чарами во время чудовищной грозы. В Египте его сопровождал хамсин. А теперь, — он показал рукой в сторону окна, — Египет пришел в Лондон.

— Действительно, Египет пришел в Лондон, — пробормотал отец. — Джермин тоже считает, что волнуемся мы не без причины.

— Вы думаете, что завещание...

— Энтони Феррара получит все, если Майра...

— Вы считаете, что негодяю достанется ее доля, если она...

— Если она умрет? Именно.

Роберт начал ходить по комнате, сжимая и разжимая кулаки. В последнее время он был больше похож на собственную тень, но сейчас на его щеках вновь горел румянец и глаза лихорадочно блестели.

— Бог свидетель, — вдруг воскликнул он, — ситуация становится невыносимой. Чума не столь опасна, как тот, кто вернулся в Лондон. Забудем о личном — даже думать не смею об этом! — что мы знаем о действиях Феррары? Они ужасают. Мы хорошо осведомлены о его многочисленных жертвах. Если считать смерть его приемного отца, сэра Майкла, первой в цепочке преступлений, то мы можем с уверенностью назвать еще три бедные души, отправлен-

ные в вечность Темным Искусством этого страшного негодяя...

— Да, — подтвердил доктор Кean.

— Он покушался на вас, покушался на меня. Мы выжили только благодаря знаниям, — он показал на ряд книг в угловом стеллаже, — которые вы собирали и хранили в течение долгих лет. Перед лицом науки, перед лицом современного скептицизма, перед лицом веры в Господа милосердного, Энтони Феррара определенно является...

— Он является тем, кого наши невежественные предки называли магом, — спокойно перебил сына Кean. — В Средние века его объявили бы колдуном. Сегодня мало кто знает, что это означает, но я знаю, а вскоре узнают все. А пока он распростер свою тень над известным нам домом.

Роберт потряс кулаками в воздухе. Некоторым этот жест показался бы мелодраматичным, но так он выражал свои душевные страдания.

— Как же так, сэр! — воскликнул он. — Неужели нам осталось только беспомощно ждать, ничего не предпринимая? Кем бы он ни был, он остается человеком, а у нас в арсенале есть пули, есть ножи, есть сотни ядов!

— Это верно, — ответил доктор Кean, наблюдая за сыном и пытаясь умерить его растущее возбуждение собственным спокойствием. — Я готов пойти на все, лишь бы раздавить Энтони Феррару, как скорпиона. Но где его искать?

Роберт застонал, опустился в большое, обитое красное кожей кресло и закрыл лицо руками.

— Наше положение сводит с ума, — продолжал Кean старший. — Мы знаем, что Феррара вхож в дом мистера Сондерсона; мы знаем, что он потешается над нашими безуспешными попытками поймать его. Нелепость положения усугубляется тем, что Сондерсон не знает правды, да и не тот он человек, чтобы понять такое; по сути дела, мы ничего не можем рассказать ни ему, ни, тем более, Майре. В итоге те, кого мы защищаем, произвольно действуют против нас и себя.

— А этот запах! — вспомнил Роберт. — Эти чертовы благовония, пропитавшие весь дом Сондерсона! Мы же знаем, зачем они — знаем, зачем!

— Роб, я понимаю это лучше тебя. Мистическое использование ароматов сегодня не в чести, но по собственному опыту нам известно, что они продолжают так использоваться. В пирамиде в Медуме Энтони Феррара осмелился — как только Бог не покарал его за это! — изготовить определенные благовония. Их часто смешивали в далеком прошлом, и, очевидно, один из герметично запечатанных сосудов с ними попал в руки Феррары. Я почувствовал тот же зловещий аромат в его лондонской квартире. Если бы до этого ты спросил меня, можно ли в наше время найти эти благовония, я бы уверенно сказал нет — и ошибся бы. У Феррары они были. Он все использовал и отправился в Медум, чтобы пополнить запас.

Роберт напряженно слушал.

— И это вновь заставляет меня затронуть тему, которую мы уже обсуждали, сэр, — сказал он. — Как я понял, вы с покойным сэром Майклом проникли в темные тайны Египта гораздо глубже, чем кто-либо еще в наши дни. В то же время, Энтони Феррара, почти мальчишка, постиг тайны искусства, до понимания которых вам, человеку, посвятившему их изучению много лет, еще очень далеко. Как это расценивать, сэр?

Доктор Кean вновь сцепил руки в замок за спиной и отошел к окну.

— Он не обычный смертный, — продолжал сын. — Он наделен сверхъестественной силой — и сверхъестественным коварством. Вы утверждаете, и не стоит этого отрицать, что он был просто усыновлен покойным сэром Майклом. Вот мы на пороге последнего сражения — я это чувствую — и спрашиваю опять: *кто такой Энтони Феррара?*

Все это время доктор Кean ходил кругами перед Робом — серые глаза светились решимостью.

— Существует препятствие, — начал он, — мешающее мне ответить на твой вопрос. Хотя тебе и пришлось за-

глянуть за завесу ужасной тайны, ты вряд ли мне пове-
ришь, но я все же надеюсь в скором времени открыть тебе
тайну происхождения Энтони Феррары.

Роберт стукнул кулаком по подлокотнику.

— Иногда мне кажется, что кто-то из нас сошел с ума,
— сказал он. — Что все это значит? Что нам делать? Как
поступить?

— Наблюдать, Роб. Привлечь на свою сторону Сондер-
сона нам не удастся, он думает только о разведении орхи-
дей, посвящая этому все свое время. В обыденных делах
я полностью ему доверяю, но в таких, как это... — ученый
пожал плечами.

— А нельзя ли подсказать ему причину, любую, кроме
истинной, по которой ему придется отказать Ферраре от до-
ма?

— Но так мы можем лишиться последнего шанса на ус-
пех.

— Сэр, — в ярости вскричал Роберт, — все сводится к
одному: мы используем Майру в качестве приманки!

— Чтобы спасти ее, Роб, просто чтобы спасти ее, — от-
резал доктор.

— Она и так болеет, такая бледная, измученная, — сте-
нал молодой человек. — А какие круги под глазами! Мне
даже больно об этом думать.

— Когда *он* в последний раз был у них?

— По-видимому, дней десять назад. Я уверен, что он
знает о нашем возвращении! Он не появится там опять, сэр.
Но он сможет дотянуться до нее другими способами: разве
он не повелевает целой армией теней? А мистер Сондерсон
ни о чем не подозревает. Майра принимает негодя за бра-
та! Пока она ни словом не обмолвилась о нем. Думаю...

Отец сидел, погружившись в собственные мысли. Вдруг
он взглянул на часы и сказал:

— Иди к ним сейчас, еще успеешь к обеду; и оставайся
там до моего прихода. Начиная с данного момента, хотя те-
бе и нельзя перенапрягаться, мы не должны спускать с дома
глаз ни днем, ни ночью.

Глава XXII

Майра

Майра Дюкен вошла в увитую розами беседку и присела на скамейку рядом с Робертом Кеаном, уже ожидавшим там. В простом белом льняном платье, с золотистыми от солнечного света волосами и глазами, выглядевшими неестественно большими из-за чрезвычайной бледности прекрасного лица, девушка показалась поднявшемуся ей навстречу молодому человеку неземным созданием, не принадлежащим к существам из плоти и крови.

Влечение, давно владевшее им, страсть, которую он до сих пор подавлял, вновь охватила его, заставив сердце биться сильнее и наполнив вены огнем. Бледные щеки девушки зарделись, и она робко протянула руку, но Роберт вскочил, обнял ее и начал целовать — целовать ее глаза, волосы, губы!

Майра испуганно застыла, но вскоре сдалась под напором его иступленной нежности, неистовость которой была слаще любой ласки, когда-либо познанной ею, нежности, наполнившей все существо девушки радостью и восхищением, смешанными с пониманием, что именно о таком она грезила, такого желала, именно этого недоставало ей; она очутилась в спасительной гавани — зарумянившаяся и смущенная, но счастливая, покоренная, ликующая, что попала в этот прекрасный плен. А Роберт шептал:

— Майра, Майра! Я напугал тебя? Ты меня простишь?

Она быстро закивала и замерла, прильнув к нему.

— Я не мог больше ждать, — нашептывал он. — Не надо слов, ты так нужна мне, ты для меня все и, — тут Роберт больше не колебался, — я забираю тебя.

Она тихо произнесла его имя. Как же ей стало спокойно — она была в безопасности, она лучилась счастьем, страдания и беды теперь ей не страшны!

Роберт не выпускал из объятий ту, что уже давно была для него воплощением женственности, любви и всего, что люди понимают под этим словом; он совершенно забыл о том, что мучило его и едва не привело к смерти; он уже не видел, что девушка измождена, не помнил о страшной угрозе, нависшей над их будущим; он не думал о коварном маге, чьи чары преследовали этот дом и сад; он просто был счастлив.

Но вспышка счастья, которую Элифас Леви, последний из Адептов⁶⁰, так блистательно проанализировал в одной из своих работ, кратковременна, впрочем, как и любая радость. Нет нужды передавать их обрывочный, прерываемый поцелуями, первыми и такими сладкими в воспоминаниях старости, разговор — он ничем не отличался от тех бесед, какие испокон веков ведутся влюбленными. Но с наступлением сумерек, погасивших изумительные краски окружающего пейзажа, счастье молодых людей было вновь омрачено мыслями об Энтони Ферраре.

Постепенно тень его простерлась между ними и солнцем, нависла мрачной тучей над их радостью: забывать об этом презренном человеке было нельзя. Первым о нем заговорил Роберт — он все еще обнимал девушку за талию:

— Когда ты в последний раз виделась... с Феррарой?

Майра подняла на него глаза.

— Почти две недели назад...

— Вот как!

Кеан заметил, что девушка странно напряглась, заговорив о Ферраре, но не понял, почему. Майра всегда относилась к приемному сыну опекуна, как к брату — тем более необычным казалось сейчас ее поведение.

— Ты не ожидала, что он так быстро вернется в Англию? — спросил Роберт.

⁶⁰ Элифас Леви (Альфонс Констан, 1810-1875) — французский оккультист и таролог, чье учение оказало сильное влияние на философию Герметического Ордена Золотой Зари, членом которого предположительно являлся Сакс Ромер.

— Я даже не знала, что он в Англии, — сказала Майра, — пока однажды он не пришел в наш дом. Тогда я была рада его видеть.

— А сейчас? Уже не рада? — волнуясь, поинтересовался Кean.

Майра, опустив голову, с преувеличенной старательностью разглаживала складку на белом подоле.

— Однажды, на прошлой неделе, — медленно ответила она, — он... пришел сюда и вел себя... очень странно...

— Это как? — встрепенулся Роберт.

— Он объяснил, что на самом деле мы с ним не родственники.

— Ну и?

— Ты же знаешь, как я всегда любила Энтони? Всегда думала о нем, как о брате.

Она вновь замешкалась, а бледное лицо приобрело озабоченное выражение. Кean поднял руку и обнял Майру за плечи.

— Расскажи мне все, — подбадривая, прошептал он.

Майра явно смутилась:

— Ну, его слова... выбили меня из колеи: он спросил, смогу ли я полюбить его не как брата, но как...

— Ясно, — нахмурился Кean. — И что ты ответила?

— Сначала ничего: я удивилась и... испугалась. Даже объяснить не могу, что я почувствовала, но это было ужасно, да, ужасно!

— Ты, конечно, сказал ему об этом?

— Сказала, что не смогу увлечься им как-то по-другому, что даже *подумать* о таком не могу. Попыталась не задеть его чувства, но он... оскорбился. Сказал таким странным, сдавленным голосом, что уезжает...

— Уезжает! Из Англии?

— Да, и попросил кое о чем необычном.

— О чем?

— В тех обстоятельствах — мне было его так жалко, сам понимаешь — я не смогла отказать. Он попросил мой локон!

— Локон! А ты?

— Я же сказала, что не смогла отказать и разрешила ему срезать небольшую прядь, у него даже ножнички были. Ты злишься?

— Конечно нет! Вы же выросли вместе.

— А после, — она помолчала, — его как подменили. Я вдруг испугалась — сильно испугалась...

— Феррары?

— Не совсем его. Даже не могу объяснить! Меня охватил непомерный ужас. У него лицо поменялось, я его таким никогда не видела. В нем было что-то... — ее голос дрожал, она словно не хотела договаривать фразу, — что-то зловещее... порочное.

— Ты его не видела с тех пор?

— Нет, больше он не приходил к нам.

Кеан, положив руки девушке на плечи, наклонился и с какой-то грустью посмотрел в ее испуганные глаза.

— Тебя он больше не беспокоил?

Она отрицательно покачала головой.

— У тебя такой вид, как будто ты все еще тревожишься. И местность вокруг дома, — он нервным жестом показал на лежащий в низине сад, — нездоровая. Тут лощина, ты только погляди, какая трава высокая, да и комаров изрядно. Ты плохо выглядишь, Майра.

Девушка задумчиво улыбнулась.

— Мне надоела Шотландия, — сказала она. — Ты не представляешь, как я тосковала по Лондону. Хотя не отрицаю, что там я чувствовала себя лучше, даже было немного стыдно — выглядела как деревенская молочница.

— Но здесь тоже никаких развлечений, — нежно сказал Кеан, — ты одна, мистер Сондерсон ничего, кроме своих орхидей, не замечает.

— Они очень красивые, — мечтательно произнесла Майра, — они и меня очаровали. Я единственная в доме, кого он пускает в оранжерею...

— По-моему, ты проводишь в ней слишком много времени, — прервал Кеан, — там же очень жарко и душно...

Майра игриво покачала головой и похлопала его по руке.

— Со мной все в полном порядке, — сказала она почти

так же весело, как бывало, — а теперь и ты вернулся...

— Не нравятся мне эти орхидеи, — упрямо ворчал Роберт. — Это пародия на настоящие цветы. Вот сравни какой-нибудь одонтоглоссум⁶¹ с розой и сразу увидишь, что это чертовщина поганая, а не цветок!

— Чертовщина? — Майра рассмеялась.

— Да, чертовщина! Растут они в малярийных болотах и гибельных джунглях. Ненавижу орхидеи. И атмосфера в оранжерее не может быть чистой и здоровой. Это все равно, что проводить много времени в бактериологической лаборатории!

Майра с притворной серьезностью покачала головой.

— Только бы мистер Сондерсон не услышал тебя. Орхидеи — его дети. Его привлекает таящаяся в них загадка: они действительно зачаровывают. Просто смотреть на бесформенную луковицу и гадать, в какой цветок она превратится, увлекательнее самого захватывающего романа! Вот скоро, где-то ближе к концу недели, должна зацвести одна из них: он прямо с ума сходит от нетерпения.

— Где он ее взял? — спросил Роберт без всякого интереса.

— Купил у одного человека, а тот, почти наверняка, ее украл! В свертке было шесть луковиц, выжили только два растения, и одно из них заметно обогнало по росту другое — оно *такое* высокое... — Майра подняла руку примерно на метр от земли, обозначив высоту орхидеи.

— Оно уже цвело?

— Нет, но бутоны — огромные, гладкие, продолговатые — распустятся в любой момент. Мы назвали этот цветок «Тайной», я сама ухаживаю за ним. Мистер Сондерсон показал, что делать, и если растение действительно окажется новым сортом, а мы почти уверены в этом, он собирается отправить его на выставку и назвать моим именем! Разве ты не гордился бы, если бы орхидею назвали в честь твоей...

— Моей жены? — закончил Кean и взял Майру за руки. — Я и так очень горжусь тобой...

⁶¹ Одонтоглоссум — род растений семейства Орхидные.

Глава XXIII

Лицо в оранжерее

Доктор Кean прошел к окну, старинному, в свинцовом переплете. У кровати стояла лампа, и он поправил абажур так, чтобы свет падал на бледное лицо пациентки — Майры Дюкен.

За последние два дня в ней произошла ужасная перемена. Девушка лежала с закрытыми глазами, а на изможденном лице играли зловещие тени. Дыхание стало почти неразличимо. Доктор Брюс Кean вполне заслужил свою превосходную репутацию, но этот случай поставил его в тупик. Он понимал, что Майра умирает на его глазах; перед мысленным взором все еще стояло искаженное страданием лицо Роберта, с мучительным нетерпением ожидающего вестей внизу, в кабинете мистера Сондерсона; но, тем не менее, Брюс ничего не мог поделать. Он смотрел из увитого розами окна вдаль, поверх кустарника, туда, где лунный свет серебрил листву деревьев.

Там располагались оранжереи, и, повернувшись спиной к кровати, Кean долго стоял, задумчиво глядя на далекое мерцание их стекол. Только что ушли Крейг Фентон и сэр Элвин Гроувз, вызванные доктором на консилиум. Заболевание Майры озадачило и их — они пребывали в полном недоумении.

Внизу Роберт мерил кабинет шагами, размышляя, выдержит ли его рассудок последний удар, которым грозило будущее. Они с отцом знали, что за странной болезнью, начавшейся в тот самый день, когда Энтони Феррара в последний раз посетил дом Сондерсона, кроется нечто зловещее.

Выдался невыносимо жаркий вечер, не было ни ветерка, и, несмотря на распахнутые окна, воздух в комнате казался тяжелым и безжизненным. В нем все еще витал слад-

коватый, но невыразимо отталкивающий аромат. Запах постепенно овладевал домом. Живущие там уже настолько привыкли к нему, что перестали замечать.

Вечером, в комнате больной, доктор Кеан лично жег какие-то пахучие вещества, чем немало удивил сиделку и коллег. Теперь едкие пары выветрились, и воздух вновь наполнился слабым запахом чего-то сладкого.

В доме не раздавалось ни звука; когда к пациентке, тихонько открыв дверь, вошла сиделка, Брюс задумчиво смотрел в окно в направлении оранжерей. Он повернулся и, вернувшись к постели, склонился над девушкой.

Ее лицо напоминало белую маску; она по-прежнему была без сознания; доктор не замечал перемен ни к лучшему, ни к худшему. Но пульс бился медленней, чем раньше, и Кеан подавил стон отчаяния: таинственная прогрессирующая слабость могла окончиться только одним. Опыт подсказывал ему, что если ничего не предпринять — а все, что они перепробовали до этого, не принесло никаких результатов, — Майра умрет к рассвету.

Он развернулся и, дав шепотом указания сиделке, покинул комнату. Спустившись, он прошел мимо закрытой двери кабинета, не смея даже думать о сыне, ожидавшем там, и проследовал в столовую. В комнате горела только одна лампа, еле освещающая сухопарую фигуру Сондерсона, расположившегося в эркере. Кромби, садовник, стоял у стола.

— Итак, Кромби, — тихо сказал Кеан, прикрывая за собой дверь. — Что за история с оранжереями, и почему я не слышал об этом раньше?

Садовник устался в неосвещенный угол столовой, избегая взгляда доктора.

— Все же он имел мужество признаться, — вмешался мистер Сондерсон. — Это я сам проглядел: раньше он боялся говорить, потому что нечего ему делать в оранжереях. — Шотландец неожиданно рассвирепел. — И он прекрасно об этом знает!

— Да, сэр, вы не позволяете мне приближаться к орхидеям, — ответил садовник, — но я осмелился зайти туда,

потому что мне показалось, что там движется что-то светящееся...

— Чушь! — рявкнул мистер Сондерсон.

— Извини, Сондерсон, — сказал доктор, — но у нас есть забота поважнее, чем благополучие всех орхидей в мире.

Шотландец сухо кашлянул.

— Ты прав, Кean, — сказал он. — Злюсь из-за пустяка в такое-то время! Рассказывай, Кромби, я не вмешиваюсь.

— Все произошло прошлой ночью, — продолжал садовник. — Я стоял на крыльце своего домика и покуривал трубку на сон грядущий, но вдруг увидел около оранжереи огонек...

— Отражение луны в стеклах, — пробормотал Сондерсон. — Извините. Продолжай, Кромби!

— Я знал, что там есть ценные орхидеи, и подумал, что не успею никого позвать; к тому же, мне не хотелось вас беспокоить — у вас и так есть о чем волноваться. Я вытряхнул трубку, положил ее в карман и пошел сквозь кустарник. Тут я вновь заметил огонек, теперь он двигался от первой оранжереи ко второй, но не сумел рассмотреть подробнее.

— Это была свеча или карманный фонарик? — спросил Кean.

— Ни то ни другое, сэp; гораздо бледнее, вроде светлячка, только поярче. Я обошел кругом и подергал дверь — было заперто. Потом я вспомнил про вход с другой стороны и прошел по тропинке между оранжереями и оградой, и поэтому света мне не было видно до тех пор, пока я не оказался у двери — уже отпертой! Внутри было душно и очень жарко...

— Естественно, жарко, — вмешался Сондерсон.

— Я имею в виду, было гораздо жарче, чем положено. Как в печке, и чем-то воняло...

— Чем? — спросил доктор. — Можно поподробнее?

— Извините, сэp, но сейчас в этой комнате тоже пахнет и, по-моему, до этого пахло, я замечал, но, конечно, не так сильно, как в оранжереях.

— Продолжайте! — сказал Кean.

— Я прошелся по первой теплице, но ничего не увидел. Она лежит в тени ограды и не освещается луной. Я уже собирался отправиться дальше, но мне померещилось... лицо.

— Что значит «померещилось»? — рявкнул мистер Сондерсон.

— Это значит, сэр, что все было так страшно, так странно, что я не мог поверить, что оно настоящее, кстати, потому я и молчал. Оно было похоже на лицо джентльмена, которого я встречал здесь, на мистера Феррару.

Доктор подавил готовый вырваться взглас.

— Но в то же время и не похоже. Даже больше похоже на лицо женщины — очень плохой женщины. На него падал синеватый свет, но я не понял откуда. Кажется, оно улыбалось, а горящие глаза смотрели прямо на меня. — Кромби замолчал и растерянно потер лоб. — Ничего больше не видел, только это лицо, да так низко, как будто человек полз по полу, а сзади — длинный стебель...

— Ну, — сказал Кеан, — и что же вы сделали?

— Убежал! — признался садовник. — Если бы вы видели то жуткое лицо, то поняли бы, как я перепугался. А у двери я оглянулся.

— Надеюсь, ты не забыл закрыть ее за собой, — прорычал Сондерсон.

— Не обращайтесь внимания, продолжайте! — вмешался Кеан.

— При входе я закрыл за собой дверь, да, сэр, но когда я собирался открыть ее опять, я быстренько поглядел назад, а лица уже не было! Я вышел и, пока брел по лужайке, все думал, стоит ли вам рассказывать об этом, но тут мне пришло в голову, что я не обратил внимания, торчал ли в двери ключ.

— Вы вернулись проверить? — спросил Кеан.

— Очень не хотелось, — сознался Кромби, — но я пошел туда...

— И?

— Дверь была заперта, сэр!

— И ты заключил, что у тебя разыгралось воображение, — мрачно сказал Сондерсон. — По-моему, ты не ошибся.

Доктор Кean опустился в кресло.

— Все в порядке, Кромби, достаточно.

Садовник, пробубнив «Спокойной ночи, джентльмены», повернулся и вышел из столовой.

— Почему тебя это волнует, — поинтересовался Сондерсон, когда дверь закрылась, — в такое-то время?

— Не бери в голову, — устало ответил доктор. — Я должен вернуться на Хаф-Мун-стрит, но через час опять буду здесь.

Доктор умолк, встал и вышел в коридор. Постучал в дверь кабинета — Роберт тут же открыл. Слова были излишни: в лихорадочно блестящих глазах молодого человека горел вопрос. Доктор положил руку на плечо сына и хрипло произнес:

— Не стану зря обнадеживать тебя, Роб. Я возвращаюсь домой и хочу, чтобы ты отправился со мной.

Роберт отвернулся и громко застонал, но отец схватил его за руку, и они вместе покинули этот дом теней, сели в ожидающую у ворот машину и, не обменявшись по пути ни словом, вернулись на Хаф-Мун-стрит.

Глава XXIV

Цветение лотоса

Доктор Кеан вошел в библиотеку и включил лампу на большом столе. Сын стоял в дверях, скрестив руки на груди и понуриив голову.

Доктор сел, не сводя с него глаз. Неожиданно Роберт заговорил.

— Возможно ли, возможно ли, сэр, — еле слышно произнес он, — что болезнь Майры каким-то образом связана с орхидеями?

Отец задумчиво нахмурился.

— Что конкретно ты имеешь в виду? — спросил он.

— Орхидеи таят немало загадок. Их привозят из мест, кишящих необычными и страшными заболеваниями. Разве не могут они быть связаны...

— С распространением заразы? — закончил за него доктор. — Я тоже подумал именно об этом. Но пока подобных случаев зафиксировано не было. Хотя сегодня вечером я кое-что узнал...

— Что узнали, сэр? — Роберт очень заинтересовался, даже шагнул к столу.

— Пока не скажу, Роб. Мне надо поразмыслить.

Доктор поставил локоть на стол и оперся о руку подбородком. Профессиональное чутье подсказывало ему, что нужно что-то предпринять, иначе Майра умрет в течение четырех часов. Но что именно требовалось делать, не знали даже самые искусные лондонские врачи. С чем-то похожим он уже сталкивался, однако вспомнить не мог. Дикое предположение сына о связи цветов и болезни пробудило какие-то ассоциации и одновременно напомнило о рассказе садовника Кромби — и об Энтони Ферраре. Он чувствовал, что в окружающей его тьме затеплился огонек, но пока что не было ясно, в каком направлении следует искать.

И вот Роберт беспокойно мерил шагами просторную комнату, а доктор сидел, опершись на руку, и пытался ухватить ускользающее воспоминание; стрелки часов уже переползли за полночь, по капле из Майры Дюкен уходила жизнь, а он по-прежнему не понимал причину ее таинственной болезни.

Где-то вдалеке ударили куранты. *Час ночи!* Осталось всего три часа!

Роберт начал нервно бить кулаком правой руки о левую ладонь. Отец не пошевелился, лишь между бровями залегла глубокая морщина...

— Боже мой! — Доктор вскочил и принялся лихорадочно перебирать связку ключей.

— Что, сэр? Что?

Ученый отпер ящик письменного стола и достал внушительный манускрипт, написанный мелким и чрезвычайно аккуратным почерком. Он положил рукопись под лампу и начал быстро переворачивать страницы.

— Надежда есть! — взяв себя в руки, спокойно сказал он.

Роберт обошел стол и склонился над плечом отца:

— Почерк сэра Майкла Феррары!

— Его неопубликованная книга, Роб. Мы собирались завершить ее вместе, но смерть забрала его. Учитывая содержание, я — возможно, из чистого суеверия — отказался от мысли ее опубликовать... Вот!

Доктор указал на аккуратно сделанный набросок, служивший иллюстрацией к тексту. Очевидно, он представлял собой точную копию древнеегипетского рисунка. Несколько жриц с волосами, туго заплетенными в толстые косы, стояли перед служителем храма, вооруженным ножницами. В центре был изображен алтарь, на нем — вазы с цветами; справа располагались в ряд мумии — их было столько же, сколько жриц слева.

— Боже мой! — повторял доктор. — Мы оба ошибались, мы блуждали в потемках!

— Почему, сэр? Ради всего святого, что это значит?

— Этот рисунок скопирован со стены некой гробницы, ныне вновь запечатанной, — ответил ученый. — Мы знали, что захоронение принадлежит одному из самых могущественных колдунов Египта и поэтому полагали, что изображение имеет магический смысл. Знали, что цветы на фреске — вид уже вымершего священного Лотоса. Но нам так и не удалось выяснить, зачем и каким образом выращивались эти растения. Также мы не узнали и значение, — он провел пальцем по рисунку, — ритуала, во время которого у жриц срезал волосы первосвященник богини...

— Какой богини, сэр?

— Богини, Роб, а какой — об этом египтологи не ведают! Некий таинственный культ. О существовании его смутно догадывался один французский исследователь... Но сейчас не время рассуждать. — Доктор вернул рукопись в ящик, запер его и взглянул на часы. — Четверть второго. Нам пора!

Ни секунды не мешкая, они вышли из дома. Их ожидал автомобиль, и вскоре они помчались по пустынным улицам туда, где смерть в странном обличье нависла над Майрой Дюкен. Когда машина тронулась, доктор спросил:

— Ты случайно не знаешь, покупал ли Сондерсон орхидеи, я имею в виду совсем недавно?

— Да, — непонимающе ответил сын, — купил несколько луковиц пару недель назад.

— Пару недель! — возбужденно воскликнул отец. — Ты уверен? То есть покупка была сделана после того, как Феррара...

— Перестал посещать дом? Да. Точно! На следующий день после этого!

Доктор Кean боролся с сильным волнением.

— Где он купил орхидеи? — спросил он, уже спокойно.

— Кто-то пришел прямо к ним, какой-то незнакомец.

Ученый, положив руки на колени, барабанил пальцами.

— Он их высадил?

— Взошли только две. Одна должна вот-вот зацвести, если еще не зацвела. Сондерсон называет ее «Тайной».

Услышав это, доктор окончательно разволновался. Внезапно он высунулся из окошка и закричал шоферу:

— Быстрее! Быстрее! К черту безопасность! Поезжайте на максимальной скорости!

— Почему? — забеспокоился сын. — Боже, почему?

— Ты ведь сам говорил, что цветок, наверное, уже зацвел, Роб!

— Три дня назад Майра, — Роберт громко сглотнул, — сказала мне, что он зацветет к концу недели.

— Как он выглядит?

— Больше метра в высоту, с огромными яйцеобразными бутонами.

— Боже помоги нам, мы не должны опоздать, — прошептал доктор Кеан. — Я вновь поверю в справедливость Небес, если обширные познания сэра Майкла Феррары действительно станут оружием, способным сразить врага, которого мы с ним сами же воспитали, да простит нас Господь!

Роберт ужасно волновался.

— Почему вы молчите? — Он сорвался на крик. — На что надеетесь? Чего надо бояться?

— Не спрашивай, Роб. Через пять минут сам все узнаешь.

Машина, подпрыгивая, неслась на бешеной скорости по темным дорогам городских окраин. Шофер, как заправский гонщик, срезал углы — время от времени два колеса отрывались от земли; несколько раз тяжелый автомобиль заносило, но благодаря мастерству водителя все обошлось.

С диким громоподобным рыком съехали они по уходящей вниз аллее к воротам дома мистера Сондерсона, и пассажиры едва не вылетели из сидений, когда шофер резко ударил по тормозам.

Доктор Кеан выскочил из машины, распахнул калитку и побежал к дому. Роберт старался не отставать. В холле горел свет: миссис Сондерсон, ожидавшая их, открыла дверь, как только услышала приближающийся рев мотора.

Оказавшись внутри, доктор сказал:

— Подожди-ка тут секундочку.

Не обращая внимания на вышедшего из библиотеки Сондерсона, он бросился вверх по лестнице. Минуту спустя, сильно побледнев, он сбежал вниз.

— Ей хуже? — начал Сондерсон. — Но...

— Мне нужен ключ от оранжереи! — сухо потребовал доктор.

— От оранжереи...

— Быстрее. Нет времени. Дай ключ.

По лицу Сондерсона было заметно, что он считает Кеана сумасшедшим; тем не менее, он опустил руку в карман и вытащил связку ключей. Доктор сразу схватил ее.

— Который из них? — рявкнул он.

— С бородкой, но...

— Роб, за мной!

Он побежал по коридору, сын за ним, мистер Сондерсон чуть отставал. Они выбежали в сад и бросились через лужайку к кустарнику.

Оранжереи лежали в полной темноте, но доктор сразу помчался к двери.

— Зажги спичку! — задыхаясь, распорядился он. — Уже не надо, я открыл!

Дверь с грохотом распахнулась. Из теплицы на них обрушился тошнотворный запах.

— Спички, спички! Роб, сюда!

Спотыкаясь, они зашли. Роберт вынул коробок и чиркнул спичкой. Отец уже стоял посреди оранжереи.

— Дай нож, мальчик, скорей! *Скорей!*

Неяркий огонек осветил проход между рядами орхидей, и Роберт увидел искаженное ужасом лицо отца, а за ним — ядовито-зеленое растение в кадке. На голых ветвях красовались четыре огромных и гладких яйцеобразных бутона: два из них набухли, а один почти раскрылся, показав сочные розовые лепестки.

Доктор Кеан выхватил нож из трясущихся рук сына. Спичка погасла. Послышался удар, тихий треск и глухой стук чего-то упавшего на плитки пола.

Когда вспыхнула еще одна спичка, таинственная орхидея, срубленная под корень, выпала из кадки. Доктор топ-

тал набухшие бутоны. Бесцветный сок обильно лился на пол. В теплице запахло не только дурманящими цветами, но и чем-то похожим на кровь.

Спичка потухла.

— Зажигай еще, — прошептал доктор. Дрожащими пальцами Роберт чиркнул спичкой о коробок. Отец вырвал из соседней кадки орхидею поменьше и растоптал ее мягкие стебли. В оранжерее пахло как в операционной. Доктора пошатывало и, когда погасла третья спичка, он вцепился в сына, стараясь не упасть.

— Растение жило за счет нее, мой мальчик! — сказал ученый. — Зацвети оно, и Майра могла умереть в ту самую минуту. Жриц приносили в жертву этому растению... Мне нужен воздух...

Онемевший от удивления Сондерсон вышел им навстречу.

— Ничего не говори, — обратился к нему доктор. — Полюбуйся на остатки своей «Тайны». Внутри каждого стебля ты найдешь прядь волос!

Доктор Кean открыл дверь в комнату больной и жестом подозвал сына, который, изможденный и взволнованный, ждал в коридоре.

— Мальчик, заходи, — тихо сказал он, — и благодари Господа!

Роберт, на цыпочках, вошел. Майра Дюкен, все еще очень бледная, но без ужасной, зловещей тени на лице, подняла грустные глаза на дверь — в них засветилась радость.

— Роб! — Она вздохнула и протянула к нему руки.

Глава XXV

Кеан встречается с Феррарой

За время противостояния с обладающим магической силой врагом Роберт Кеан вынес многое, но не менее тяжким испытанием оказалась необходимость молчать о том, что постоянно занимало мысли и изменило сам ход жизни молодого человека.

Иногда он сталкивался с людьми, которые поддерживали знакомство с Феррарой, но для них тот был всего лишь светским гулякой с весьма сомнительной репутацией. Даже им Роберт не осмеливался рассказать об истинной сущности Энтони: безусловно, они сочли бы Кеана безумцем, заикнись он о тайном знании и деяниях этого жуткого, дьявольского создания. Да и будут ли они слушать его, попытайся он заговорить о логовище пауков в Порт-Саиде, о летучих мышах из Медума, о загадочных благовониях и способе их изготовления, обо всех многочисленных убийствах и мерзостях, сотворенных колдовством приемного сына покойного сэра Майкла Феррары?

Ему было некому довериться, кроме отца, и в первую очередь он был вынужден утаивать правду от Майры Дюкен — от той, что являлась средоточием его мира, от той, что по-прежнему называла ужасное отродье, осмелившееся пробудить магию темных веков, своим братом. Пока Майра оправлялась от коварного удара, нанесенного рукой того, кому она доверяла, Кеан с отцом безуспешно разыскивал Феррару — здесь и там встречая свидетельства, что он находится в Лондоне; каждую ночь ожидая незваного гостя из ада, послушного воле этого современного мага; ежедневно преследуемый страхами, опасениями, сомнениями и догадками, кружащимся дьявольским хороводом в его голове и не дающими ни жить, ни работать. А работать было по многим причинам необходимо, и поэтому он подолгу

просиживал над серией статей о своей недавней поездке в Египет — редактор и так поручил ему задание менее сложное и тягостное, чем те, что выпадают на долю большинства репортеров на Флит-стрит.

Он вышел из дому около трех, намереваясь навести кое-какие справки в читальном зале Британского музея. Денек выдался на редкость теплый, и Роберт не без некоторого удовольствия думал, что нынешняя его работа позволяет расслабиться, не требуя постоянно сохранять респектабельный вид. С трубкой в зубах шагал он по Стрэнду в сторону Блумсбери⁶².

Пока Кean поднимался по лестнице, пересекал холл и шел под сводом, венчающим читальный зал, он размышлял над тем, может ли среди этих гор накопленного человечеством познаний найтись книга о знании тайном, ужасном, том, что доступно Энтони Ферраре.

Вскоре он нашел требовавшиеся для работы данные и, выписав их в блокнот, покинул читальный зал. Проходя по холлу у подножия центральной лестницы, он остановился. Его охватило внезапное желание подняться в залы Египетского отдела. Он неоднократно бывал там, но ни разу не осматривал экспонаты по возвращении из страны, свидетельствами древней цивилизации которой они являлись.

Время не поджимало; он развернулся и неспешно последовал наверх.

В тот день секция мумий пустовала. В первом зале небольшая группа туристов лениво переходила от одной витрины к другой, во втором он и вовсе оказался единственным посетителем. Роберт вспомнил, как отец однажды упомянул, что в этом зале хранится кольцо, принадлежавшее Царице-Ведьме. Он задумался о том, в каком из стендов его искать и каким образом он его узнает.

Склонившись над витриной со скарабеями и амулетами, многие из которых были вставлены в перстни, Кean

⁶² Блумсбери — традиционный центр интеллектуальной жизни Лондона; в этой части города находятся Лондонский университет и Британский музей.

начал читать надписи на бирках под ними, но ни один из экспонатов, имеющих описание или без оногo, не был похож на искомое кольцо. Осмотр второго стенда тоже не дал результатов. Но, подойдя к третьему, стоявшему в углу у двери, Роберт сразу заметил золотой перстень с необычным зеленым камнем и своеобразной гравировкой. Таблички под ним не оказалось. Рассмотрев изделие поближе, молодой человек уже не сомневался, что нашел кольцо Царицы-Ведьмы.

Где же он видел перстень или его копию?

Не отрывая глаз от мерцающего камня, Роберт мучительно вспоминал. Перстень был ему знаком, хотя он никак не мог сообразить, где и при каких обстоятельствах мог с ним сталкиваться. Роберт продолжал стоять, опираясь на витрину и вперив взгляд в странный самоцвет. Он морщил лоб в попытке вспомнить, как вдруг по стеклу скользнула вялая белая рука, застыв перед его глазами. На одном из пальцев красовался перстень — совершенный двойник кольца из стенда!

Роберт отпрянул, вскрикнув от неожиданности.

Перед ним был Энтони Феррара!

— В музее всего лишь копия перстня, дорогой мой Кеан, — раздался хриловато-мелодичный ненавистный голос. — А вот мой — подлинный!

Кеан на собственной шкуре испытал буквальное значение затертой фразы «застыл от удивления»: перед ним стоял самый опасный человек Европы, человек, совершавший убийства и еще более гнусные преступления, демон во плоти. Прищуриw черные миндалевидные глаза, Энтони Феррара наблюдал за Робертом — Робертом, которого еще недавно пытался убить, используя свое дьявольское искусство; но при этом его безупречно слепленное, мертво-бледное лицо ничего не выражало, лишь на кроваво-красных губах играла холодная усмешка.

Несмотря на жаркий день, на нем было теплое пальто, отороченное белым лисьим мехом. В правой руке — левая все еще покоилась на стекле витрины — он держал шляпу. С показным равнодушием он стоял и разглядывал челове-

ка, поклявшегося покончить с ним, а тот застыл, не проронив ни слова, — настолько был ошеломлен.

— Я знал, что ты в музее, Кean, — продолжил Феррара, не сводя с молодого человека холодящего кровь змеиного взгляда из-под полуопущенных век, — и призвал тебя сюда на встречу со мной.

Роберт по-прежнему молчал и не двигался.

— В прошлом ты со мной поступал очень и очень нехорошо, дорогой мой, но моя философия — восхитительная смесь того, что практиковалось в Сибарисе⁶³, с тем, что проповедовал непревзойденный Зенон⁶⁴; иными словами, я готов поселиться в бочке Диогена, но при этом по-прежнему восхищаться ароматом розы и вкусом персика. — Хрипловатый голос гипнотизировал, манил Роберта, подобно песне сирен. — Как в любом человеке, во мне слилось женское и мужское. Меня может переполнять ненависть, но, сам являясь ценителем девичьих алых губ и смеющихся глаз — прежде всего я имею в виду Майру — я могу понять и простить тебя, дорогой мой Кean...

Роберт наконец пришел в себя.

— Ты, белолицый негодяй! — прорычал он сквозь стиснутые зубы и, сжав кулаки, обошел стенд. — Как ты смеешь стоять здесь и насмеяться надо мной...

Феррара вновь отступил за витрину, поставив препятствие между собой и Кeanом.

— погоди, дорогой мой, — спокойно сказал он. — Что ты сделаешь? Веди себя прилично, голубчик; помни, стоит мне позвать зрителя, и тебя с позором вышвырнут отсюда.

— Богом клянусь, я тебя задушу! — хрипло и яростно крикнул Роберт, бросаясь за Феррарой. Однако тот проворно ускользнул от более грузного Роберта и вновь юркнул за стенд.

⁶³ Сибарис — древнегреческая колония, прославившаяся богатством и роскошью; от этого названия происходит слово «сибарит».

⁶⁴ Имеется в виду Зенон Китийский (ок. 334 - ок. 262 до н. э.) — древнегреческий философ, основоположник стоической школы.

— Ах, как ты по-кельтски горяч, Кеан, — насмешливо бросил он. — Сложно не догадаться, что спокойно с тобой дело не обсудишь. Так что, зрителя позвать?

Кеан судорожно сжал кулаки. Даже затуманенным яростью разумом он понимал, что здесь он бессилён. Нельзя напасть на Феррару прямо в музей и удержать против его воли. Феррара просто обратится к властям, и Роберт потерпит полное поражение. Стоя у витрины с поддельным кольцом, Кеан метал пылающие взгляды на заклятого врага, который столько раз тайно преступал закон, но которого этот закон теперь защищал. Феррара вновь заговорил тем же хриловатым мелодичным голосом:

— Жаль, что ты не хочешь внять голосу рассудка, Кеан. Я бы о многом поведал тебе, а я знаю массу интересного. Я же в некотором смысле весьма одарен, так ведь, Кеан? Иногда могу довольно четко вспомнить подробности своих предыдущих воплощений. Видишь ту жрицу, что лежит в соседнем зале прямо у двери? Помню, встречал ее, когда она была совсем юной; какая же это была красавица, Кеан. Вспоминается мне одна ночка на берегу Нила... но я вижу, тебе не терпится уйти! Если не могу быть ничем полезен, давай попрощаемся...

Он повернулся и направился к двери. Роберт бросился за ним, но неожиданно Феррара побежал через Египетский зал и мгновенно скрылся на лестнице — преследователь даже не успел сообразить, в чем дело.

Когда Феррара исчез за углом, Кеан заметил, что тот что-то обронил. Он подошел, наклонился и поднял предмет — плетеный шелковый шнур около метра длиной. Он не стал его рассматривать, а просто сунул в карман и помчался вниз по ступеням вслед за убегающей фигурой. У подножия лестницы Роберта задержал полицейский, схватив его за руку. Кеан удивленно остановился.

— Должен попросить вас назвать свое имя и адрес, — резко сказал констебль.

— Ради всего святого, для чего?

— Поступила жалоба от джентльмена...

— Бог ты мой! — воскликнул Роберт и протянул визитку. — Это он... это он надо мной подшутил. Мы хорошо знакомы...

Полицейский подозрительно смотрел то на карточку, то на Кеана. В конце концов внешность последнего расположила к себе стража законности — либо же мнение его изменилось в лучшую сторону не без помощи полукроны, быстро перекочевавшей из руки нарушителя в его руку.

— Все в порядке, сэр, — сказал он, — это меня не касается. Вас он ни в чем не обвинил, а лишь попросил проследить, чтобы вы не преследовали его.

— Ясно, — раздраженно огрызнулся Кеан и помчался по галерее, все же надеясь догнать Феррару.

Но, как он и опасался, Энтони воспользовался задержкой и сбежал. Его нигде не было видно. Кеану оставалось только гадать, с какой целью Феррара так рисковал, подстроив встречу в Египетском зале: в том, что встреча эта не была случайной, он даже не сомневался.

Погруженный в раздумья, Кеан спустился по лестнице музея. Мысль о том, что они с отцом много месяцев искали этого негодяя, поклялись убить его как бешеного пса, что он, Роберт Кеан, стоял с Феррарой лицом к лицу, говорил с ним, а после отпустил на все четыре стороны, сводила с ума. Хотя, принимая во внимание обстоятельства, мог ли он поступить иначе?

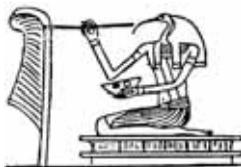
Не заметив, как прошел по лондонским улицам, молодой человек неожиданно для себя оказался под аркой, ведущей во двор его дома; в дальнем углу, в тени платана, там, где старенькая лестница с истертыми железными перилами да стеклышки в окне юридической конторы на первом этаже навевали мысли о Чарльзе Диккенсе, он в изумлении остановился. Его поразило, как в мире, где живет и процветает Энтони Феррара, может быть такой покой и тишина.

Роберт взбежал по лестнице на второй этаж, отпер дверь и вошел в квартиру. На него нахлынули жуткие воспоминания о пережитых в ней ужасах. Сознывая могущество Феррары, он не раз сомневался, стоит ли продолжать жить

здесь в одиночестве, но не давал страхам овладеть собой: он был убежден, что поддаться им означает сдать на милость врага. Иногда по ночам он просыпался и не мог заснуть: лежал и прислушивался к звукам, разбудившим его, воображал зловещий шепот, представлял, что в воздухе витает омерзительный запах таинственных благовоний.

Устроившись у раскрытого окна, он вынул из кармана шнур, оброненный Феррарой в музее, и начал с любопытством рассматривать его. Внимательное изучение предмета так и не пролило свет на его предназначение. Всего-навсего кусок шелковой веревки, очень плотно и необычно сплетенной. Он бросил веревку на стол, намереваясь показать ее отцу при первой же возможности. Прикосновение к шнуру наполнило Роберта отвращением, и он тщательно, будто ощущая на пальцах грязь, вымыл руки. Собрался было поработать, но сразу понял, что ничем не в состоянии заниматься — необходимо было срочно рассказать кому-нибудь о встрече с Феррарой.

Он поднял телефонную трубку и позвонил отцу, но доктора не оказалось дома. Роберт отошел от телефона и опустился в кресло, бездумно глядя в раскрытый блокнот.

Глава XXVI

Мертвенно-бледная рука

Почти час просидел Роберт Кean за письменным столом, ломая голову над загадочными мотивами, двигавшими Феррарой. Но раздумья только запутывали дело.

Перед ним на столешнице лежала вполне осязаемая улика — шелковый шнур. Но она казалась бесполезной: возможно, опытный детектив сделал бы какие-то выводы, но Роберту ничего не приходило на ум. Близились сумерки, и молодой человек осознавал, что его нервы далеко не так крепки, как раньше, до событий, заставивших его отправиться в Египет. Он вновь был в своей квартире, послужившей местом одной из самых гнусных и жутких выходок Феррары; тьма — сообщник злодеев, а самые страшные свои преступления Феррара всегда совершал в темноте.

Но что это?

Кean подбежал к окну и, высунувшись из него, выглянул во двор. Он мог бы поклясться, что слышал голос — голос, обладавший неестественной мелодичностью, с небольшой хрипотцой, ненавистный голос, позвавший его по имени. Внизу никого не оказалось: рабочий день подошел к концу, и юридическая братия давно покинула свои конторы, спеша домой. Под необычно изогнутыми старинными арками лежала тьма, сумерки окутали древние стены. Все это напомнило Роберту оксфордский дворик, где в один судьбоносный вечер он с товарищем наблюдал, как красноватые языки пламени, танцуя, освещают кабинет Энтони Феррары.

Воображение явно подшучивало над Робертом; тем не менее, он прекрасно знал, что нужно быть настороже. В квартире темнело, но Кean, оглядевшись, нашел взглядом таинственный шелковый шнур, затерявшийся в бумагах на столе. Он подумал, не позвонить ли опять, но отказался

от этой мысли, вспомнив, что уже оставил сообщение отцу и тот обязательно перезвонит, когда вернется.

Роберту подумалось, что работа окажется самым подходящим противоядием от кошмарных мыслей, отравлявших его существование. Он вновь сел за стол и начал просматривать записи. Шнур лежал у левой руки, Роберт к нему не прикасался. Он уже собирался включить настольную лампу — стало слишком темно, чтобы писать, но поток воспоминаний снова унес его мысли в даль. Перед глазами стояла Майра, такая, какой он видел ее во время последней встречи.

Она сидела в саду у Сондерсона, все еще бледная после своей страшной болезни, но прекрасная — в глазах Роберта она была красивее всех женщин мира. Ветерок играл ее непокорными локонами, падавшими на глаза; в глазах же искрилась радость, делая счастливым и Роберта. Щекам пока не хватало румянца, а милые губы потеряли прежнюю твердость очертаний. На девушке был короткий плащ и широкополая шляпа, уже не модная, но очень идущая ей. Он подумал, что никто, кроме Майры, не смог бы так изящно носить подобный головной убор.

Увлеченный сладостными воспоминаниями, Кean забыл, что собирался работать: ручка по-прежнему была зажата в руке, вытянутой, чтобы включить свет.

Он неожиданно очнулся, вернувшись в холод и одиночество действительности, и обнаружил нечто странное, с чем никогда до этого не сталкивался — бессознательно он продолжал писать! И вот что он написал: «Роберт Кean, перестань преследовать меня и откажись от Майры, иначе сегодня ночью...» — фраза обрывалась на середине.

Молодой человек смотрел на эти строки, пытаясь убедить себя, что написал их сознательно, желая просто-напросто скоротать время. Но внутренний голос твердил ему, что это не так, и, подавив стон, он пробормотал: «Началось!»

В ту же секунду из коридора послышался шум, и, протянув руку через стол, Кean схватил револьвер.

Ощутимая тяжесть оружия в руке успокоила его. Вторым успокоительным средством послужил табак: Роберт набил

и раскурил трубку, удобно расположился в кресле и начал пускать кольца дыма в сторону закрытой двери.

Все это время он не переставал прислушиваться — и не напрасно: раздалось тихое *шипение!*

Тотчас же молодому человеку показалось, что он различает и другой звук — шорох, с которым какое-то существо ползло по полу.

«Ящерица!» — промелькнуло в голове Роберта, и он сразу вспомнил змеиные глаза Феррары.

Оба звука, казалось, медленно приближались: шипение, видимо, издавала ползучая тварь; наконец Кean понял, что существо, похоже, находится прямо за дверью.

Сжимая револьвер, Роберт вскочил и распахнул дверь.

На красном ковре — ни справа, ни слева — не наблюдалось никаких рептилий!

Возможно, вращающееся кресло скрипнуло, когда он вставал, и звук напугал гада. Приняв это как основную версию, он методично проверил все комнаты, где могла скрыться тварь.

Поиск не дал результатов — загадочная рептилия словно провалилась сквозь землю.

Роберт вернулся в кабинет и вновь сел за стол лицом к двери, которую оставил приоткрытой.

Минут десять тишину нарушал лишь шум городского транспорта за окнами.

Роберт успел почти убедить себя, что из-за пережитых в последнее время необъяснимых событий и страхов шипение ему всего-навсего померещилось, когда все его умозаключения рассыпались в прах: шум повторился.

Роберту было слышно, как внизу ходят соседи, но на эти тихие звуки наложился шорох — негромкий и неясный. Как и в предыдущем случае, он доносился из коридора.

За дверью кабинета горел свет; Кean понимал, что любое существо или человек, приближающиеся к комнате, обязаны будут отбросить тень.

Шши, шши — звучало снаружи, словно ветер колыхал легкие занавески.

Напряжение стало почти невыносимым. Роберт ждал.

Что же это ползет, медленно и осторожно, прямо к приоткрытой двери?

Кеан нащупал пальцем спусковой крючок револьвера.

«Да сойдутся в схватке познания Запада и искусства Востока», — сказал он вслух.

Тень!..

Дюйм за дюймом вползала она в кабинет и уже полностью скрывала порог.

Сейчас кто-то появится.

Кеан поднял револьвер.

Тень продолжала двигаться.

Ее хвост пересек дверной проем — и исчез!

Тень пришла — и ушла... так и не материализовавшись!

«Я схожу с ума!» — вырвалось у Кеана. Он положил подбородок на кисти рук и с силой сжал зубы. Неужели ужасы безумия глядят прямо в его глаза?

Роберту так и не удалось окончательно оправиться от недавнего нервного срыва, не помогла даже поездка в Египет. Отец уверял, что через месяц все будет в порядке, но, возможно, он ошибся и заболевание гораздо серьезнее, чем он подозревал; а теперь этот нескончаемый поток сверхъестественных событий перенапряг и без того ослабленные нервы и привел к бреду!

Где же заканчивается реальность и начинается фантазия? Неужто все это просто иллюзия?

Он читал о подобных расстройствах психики.

Молодой человек сидел и размышлял о том, насколько болен, поглядывая на шелковый шнур. Вот он был настоящим.

На помощь пришла логика. Если он видел и слышал необъяснимые вещи, то их же видел и слышал Сайм в Египте, и его собственный отец и в Египте, и в Лондоне! Невероятные явления и впрямь окружали его — не могли же все они одновременно сойти с ума!

«Я снова погружаюсь в черную меланхолию, — сказал он себе, — выходки Феррары действуют мне на нервы. Именно этого он и добивается!»

Последняя мысль воодушевила его, и, спрятав револьвер в карман, Роберт погасил свет в кабинете и высунулся в окно.

Посмотрев во двор, он, как показалось, заметил человека, стоявшего там и глядящего вверх. Облокотившись о подоконник, Кean долго и пристально вглядывался во тьму.

Определенно, кто-то стоял в тени высокого платана, но было непонятно, мужчина это или женщина.

Человек не двигался, явно наблюдая за домом. Кean выбежал из квартиры во двор и направился к дереву. Там он удивленно остановился: у платана никого не оказалось, впрочем, пуст был и весь двор.

«Наверное, ускользнул через арку», — предположил Кean и направился вверх по лестнице в свою квартиру.

Его вновь заинтересовала шелковая веревка, попавшая к нему при столь необычных обстоятельствах: он сел за стол и, преодолев отвращение, взял ее в руки и внимательно осмотрел при свете лампы.

Сидел он спиной к окну и лицом к двери — и поэтому не сомневался, что никто не проник в комнату незамеченным. Но как только он склонился над шнуром, пристально разглядывая сложное плетение, ему начало казаться, что рядом с креслом кто-то стоит.

Собрав в кулак всю решимость не поддаваться никаким гипнотическим уловкам, направленным против него, и уверенный, что в квартире посторонних быть не может, Роберт откинулся на спинку кресла и положил на колено револьвер. Сам не зная зачем, он смахнул шелковый шнур со стола в ящик и повернул ключ в замке.

И в этот миг на его плечо легла рука — обнаженная женская рука цвета старой слоновой кости!

Роберт застыл от ужаса и не мог оторвать глаз от надежного на указательный палец перстня из тусклого металла, перстня с зеленым камнем, на котором был вырезан искусный узор, напоминающий паука.

До него донесся слабый аромат благовоний — тех самых таинственных благовоний; перстень же был не чем иным, как кольцом Царицы-Ведьмы!

В эту невероятную минуту Роберт утратил железную выдержку, спасавшую его до сих пор. Сознывая это и стремясь вновь обрести власть над собой, Кean понял, что борьба бессмысленна. Он понял, что погиб!

Мрак... чернота без малейшего просвета; глухой гул отовсюду; гул людских голосов. Темнота, наполненная тяжелым запахом.

И голос, а затем абсолютная тишина.

Вновь тот же голос, что-то монотонно напевающий.

Глухой гул мужских голосов в ответ.

Гул отовсюду. Луч, прорезающий тьму и растущий, растущий, принимающий форму... там, далеко-далеко, высоко-высоко стоит облаченная в белое женщина.

Откуда бы ни исходил этот свет, озаряющий фигуру, он не в силах развеять стигийскую тьму вокруг. Женщина купается в слепящих лучах, но обрамлена непроглядной тьмой.

На тусклых золотых волосах обруч из белого металла, похожего на серебро, а на его передней части диск, сияющий, будто маленькое солнце. Над диском украшение — нечто, напоминающее паука.

Яркий свет позволяет четко разглядеть детали. Обнаженные плечи и шея; мерцающая бледность воздетых рук; в длинных тонких пальцах резная шкатулка, но узор почти неразличим на таком расстоянии.

У белоснежных одеяний мерцающая серебристая кромка. Струящееся платье не скрывает обнаженных ступней.

Над ней, под ней, вокруг нее — тьма египетская!

Тишина, удушающий аромат... И доносящийся откуда-то издалека голос: «На колени пред Книгой Тота! На колени пред Мудрой Царицей, бессмертной, но не рожденной, мертвой, но живущей, чья красота покоряет и убивает...»

Невидимый хор подхватывает заклинание, и свет меркнет, оставляя видимым лишь сияющий диск под пауком.

После и он исчезает.

В комнате что-то оглушительно звенело. Звук становился все громче и громче, пока не сделался невыносимым. Кеан выставил вперед руки и спотыкался, как пьяный. Он едва не перевернул настольную лампу, но вовремя подхватил ее, предотвратив падение.

Оказалось, что трезвонит телефон. Значит, он был без сознания — и пребывал под воздействием чар!

Роберт схватил трубку и услышал отцовский голос.

— Роб, ты? — озабоченно спросил доктор.

— Да, сэр, — сразу отозвался Кеан и открыл ящик стола, пытаясь нащупать шелковый шнур.

— Тебе есть что рассказать?

Роберт тут же взволнованно поведал о встрече с Феррарой.

— Шелковая веревка, — закончил он. — Я держу ее в руках и...

— Минутку, — довольно мрачно прервал ученый.

Короткая пауза, а затем:

— Алло, Роб. Послушай-ка, это из свежей газеты: «Сегодня поздно вечером смотрителя Индийского отдела Британского музея ожидало неприятное открытие. Одна из витрин оказалась взломанной. Несмотря на то, что в ней было выставлено множество более ценных экспонатов, пропал лишь один: вор похитил удавку тугов⁶⁵».

— Не понимаю...

— Мальчик мой, Феррара *знал*, что ты найдешь веревку! Помни, он никогда не был у тебя и не знает расположения комнат, а ему при наложении заклятия необходимо *фокусироваться* на чем-то определенном! Он не сомневался, что ты положишь вещь рядом и, возможно, ему кое-что известно об ужасном происхождении предмета! Тебе грозит опасность! Держись. Я приеду, не пройдет и получаса!

⁶⁵ Туги (душители) — средневековая индийская секта служителей Кали, богини смерти и разрушения; просуществовала до первой половины XIX в., когда была уничтожена англичанами.

Глава XXVII

Удавка тугов

Повесив трубку, Роберт ощутил себя отрезанным от всего мира. Вновь начал накатывать ужас: здесь, в его тихой заводи, рукой подать до людных улиц, а он по-прежнему один.

Он вспомнил роковую ночь, когда в точно такой же тиши, как сейчас, ему наглядно показали его бессилие, подвергли опасности рассудок и жизнь; вспомнил, как бежал прочь от кошмаров, насланных на него обладающим сверхъестественными силами врагом.

Тишина двора пугала до жути — другие назвали бы ее покоем, но для Роберта она таила в себе угрозу. Вероятно, Феррара хотел ограничить его передвижения: если бы Кеана арестовали, враг развязал бы себе руки и мог бы свободно действовать в любом направлении. Мысль об этом, при всем ее безумии, показалась Кеану правдоподобной. Тщательно подстроенная встреча в Британском музее, после которой в руках полиции оказалась его визитная карточка; большая вероятность того, что в любой момент в дверь постучит детектив, его задержат и начнут допрашивать... Конечно же, все вполне могло оказаться тонко закрученной интригой, за которой стоял Феррара. Для кого-то подобная цепочка заранее спланированных событий стала бы невероятной игрой ума, для Феррары она была обычным делом.

Что же все это означает? Отец давно предостерегал Роберта, а ужасные вечерние видения только подтвердили мудрость доктора Кеана. Молодой человек стал мишенью для таинственных злых сил, контролируемых Энтони Феррарой!

Время от времени тишину нарушали какие-то шорохи — всякий раз Роберт внимательно прислушивался к ним.

Как же он ждал отца: во всей Англии лишь он один, сильный и спокойный, знал, как справиться с адским отродьем, проникшим в мир людей. На Роберта уже накладывали чары, он даже не сомневался в этом; помня, что однажды поддался им, он сознавал, что мог мгновенно покориться вновь, — эта мысль страшила его!

Кеан собрал волю в кулак, пытаясь сопротивляться: если он растеряется, все пропало; человека испуганного и встревоженного легче сломить, чем пребывающего настороже.

Били часы, но Роберт не посмотрел на них, ему было не до этого. Молодому человеку казалось, что он ведет дуэль с опытным фехтовальщиком — отвлечешься и тут же пропустишь смертельный удар.

Он так и не встал из-за стола. Горела лишь настольная лампа и почти вся комната тонула в полумраке. Шелковый шнур, свернутый кольцами и похожий на змею, лежал у левой руки, справа Кеан положил револьвер. Он слышал приглушенный шум редких машин — час был уже поздний. Но ничто не нарушало покой двора и мертвенную тишину квартиры.

Сделанные днем в музее записи по-прежнему оставались на столе, и Кеан резким движением закрыл блокнот, опасаясь, что и в нем есть что-то способное отвлечь его напряженное внимание. Его жизнь, даже нечто большее, чем жизнь, зависела от того, насколько упорно он станет сопротивляться коварным силам, без сомнения, незримо таящимся в тенях вокруг освещенного стола.

Смелость бывает разная, не только физическая; самому отважному солдату иногда не хватает именно силы духа, которую сейчас призывал на помощь Роберт Кеан. Тот, кому угрожает потустороннее зло, вынужден подчас сталкиваться с ужасами, способными свести с ума многих из тех, что получили медали за отвагу; с другой стороны, неизвестно, как повел бы себя сильный духом оккультный воин в штыковой атаке. Кеан не боялся боли и смерти, но приближение кошмаров из Страны призраков требовало куда большего бесстрашия.

— Кто там? — Голос Роберта звучал громко, но сгущающаяся тьма и пустота комнат придали ему некую потусторонность, что не могло не напугать.

Зажав револьвер в руке, он осторожно и медленно встал, двигаясь как можно тише из опасения, что шум его движений заглушит более опасные шорохи. Что же встревожило его?

Либо на Роберта вновь наслали кошмары, приведшие его некогда с Флит-стрит в тайное святилище в Медуме, либо слух не подвел и он действительно слышал, как кто-то тихонько постучался.

Будучи уверен, что квартира заперта и никого, кроме него, здесь нет, он отчетливо уловил, как костяшки чьих-то пальцев постукивают о полотнище двери, той самой закрытой двери в кабинет, где находился сейчас Кean!

Выпрямившись, он осторожно повернулся и встал лицом к входу.

Свет, лившийся из-под абажура на столе, почти не достигал двери: видны были лишь края нижних панелей, а вся верхняя часть двери тонула в зеленоватой тени.

Роберт напряженно замер, затем шагнул к выключателю, собираясь зажечь лампу над каминной полкой и осветить всю комнату. Шаг вперед... и тихий стук повторился.

— Кто там? — выкрикнул Кean. Голос прозвучал довольно уверенно, и молодой человек воодушевился. Он подскочил к выключателю и нажал на кнопку. Лампочка не зажглась!

«Перегорела», — пробормотал Роберт.

Он боялся все сильнее и сильнее, совсем как ребенок, оставшийся один в темноте. Но ему удавалось сохранять остатки самообладания до тех пор, пока — не внезапно, как обычно гаснут лампы накаливания, а постепенно, жутко, необъяснимо — не начала тускнеть настольная лампа!

В полной темноте Кean повернулся к окну. Ночь выдалась безлунная, и света с улицы падало мало.

В дверь громко стукнули трижды.

Никогда до этого Кean так сильно не пугался: он достиг самых глубин своих страхов и теперь, как ныряльщик, пы-

тался выплыть со дна на поверхность.

Не обращая внимания на темноту, не думая о том, какие сверхъестественные силы могли послужить ее причиной, Роберт распахнул дверь и выставил дуло револьвера в коридор.

Он приготовился к встрече с самими жуткими кошмарами, теми, что описаны в «Маге»⁶⁶. Но не увидел ничего. Повинуясь инстинктам, он смотрел прямо перед собой, ожидая встречи лицом к лицу с врагом в человеческом обличье. Однако коридор оказался пуст. Через окошко над входной дверью проникал тусклый свет лампы, висящей на лестнице, но его было достаточно, чтобы убедиться — в квартире он был по-прежнему один.

Кеан вышел из комнаты. Дверь в подъезд манила его: он только и думал о побеге, отказавшись от мысли сражаться с невидимым противником, но неожиданно прямо на уровне глаз обнаружил две белые руки, цепляющиеся за стену, — было похоже, что кто-то пытается забраться по ней вверх!

Изящные кисти словно принадлежали женщине, а на одном из тонких пальцев тускло мерцал зеленый камень.

Роберт истерически захохотал — разум начал покидать его. Ведь две белые руки скользили по стене, направляясь в комнату, которую только что покинул Кеан, сами по себе, лишённые тела: две мертвенно-бледные руки — *и больше ничего!*

Молодой человек понял, что ему грозит смертельная опасность. Немногим ранее он едва не покорился злой воле Феррары, но тогда телефонный звонок спас его. Теперь же нападение возобновилось!

Вдруг руки исчезли.

Роберт слишком хорошо помнил, при каких обстоятельствах погиб сэр Майкл, и не сомневался, что в этот раз руки явились за ним.

⁶⁶ «Маг» — труд Фрэнсиса Барретта по церемониальной магии, изданный в 1801 г., широко использовался членами Герметического Ордена Золотой Зари.

До него донесся мягкий свист рассекаемого воздуха. На письменном столе что-то задвигалось.

Удавка!

Во время разговора с отцом он достал ее из ящика и оставил лежать на блокноте с промокательной бумагой.

Роберт попятился к входной двери.

Что-то пронеслось мимо лица, заставив его в ужасе повернуться. Жуткие руки без тела ощупывали темноту между ним и выходом!

Кеан смутно осознал, что опасности можно избежать. Он весь покрылся ледяным потом.

Положив револьвер в карман и защищая горло руками, молодой человек начал продвигаться к закрытой двери спальни.

Пока Роберт левой рукой нащупывал ручку, до него дошло — вот тогда-то он и испытал истинный ужас! — что он ошибся. Отступая, потерял свой последний, свой единственный шанс.

Призрачные руки, туго натянув удавку, быстро приближались к нему!

Кеан наклонил голову и с диким криком бросился бежать по коридору.

Натянутая веревка ударилась о подбородок.

Кеан попятился.

Веревка обвилась вокруг его горла!

— Боже мой! — задыхался Роберт, бешено сдирая ее с шеи. Но удавка уже заполучила жертву в свои стальные объятия, сжимая их все туже и туже...

Отчаявшись, Кеан начал сдаваться.

— Роб, Роб, отопри! — послышалось снаружи.

Молодой человек напрягся из последних сил. Скинуть шнур было невозможно. Роберт опустил сведенные судорогой руки, с усилием наклонился и метнулся к входной двери.

Замок оказался прямо над его головой.

Он выпрямился... и его отбросило назад. К счастью, Роберт успел схватиться за дверную ручку.

И когда эта нечеловеческая сила потянула его назад, он сумел повернуть ручку... и упал.

Всем весом тела он налегал на пальцы, цепляющиеся за медный диск, и сам дьявол не смог бы справиться с ним.

Дверь распахнулась, отбросив Роберта в глубь коридора.

Молодой человек безжизненно рухнул на пол. Доктор, переступив через него, вбежал в квартиру.

Роберт открыл глаза и обнаружил, что лежит в кровати, а отец обрабатывает его воспаленное горло.

— Все в порядке, мальчик мой! Слава Богу, все обошлось...

— Руки!..

— Понимаю. Но лично я не видел ничьих рук, кроме твоих собственных, Роб. Если бы дело дошло до суда, я бы ни за что не смог доказать, что ты не покончил жизнь самоубийством.

— Но я же открыл дверь!

— Они бы сказали, что ты внезапно одумался, но было слишком поздно. Хотя кажется невероятным, что человек сам себя задушил таким вот образом, ни один суд присяжных не поверит, что здесь замешан Энтони Феррара.

Глава XXVIII

Верховный жрец Хортотэф

В столовой доктора Кеана на Хаф-Мун-стрит было очень уютно и радостно, несмотря на хмурое утро: на улице свинцовые тучи затянули небо, а вдалеке ворчал гром, предвещающая скорую грозу.

Роберт стоял и смотрел в окно, вспоминая, как в Оксфорде под аккомпанемент таких же гулких раскатов он попал на первый акт дьявольского представления с человеком по имени Энтони Феррара в главной роли.

Рассудок твердил, что развязка драмы уже близка, а чутье, не объяснимое никакой логикой, подсказывало, что они с отцом определяют финал этой пьесы, вступив в решающую схватку, которая закончится победой добра над злом — или зла над добром. Темные силы под командованием Феррары уже начали наступление на дом ученого. Сановные пациенты, ежедневно заполнявшие приемную знаменитого врача и всегда находившие утешение в его безупречном самообладании и уверенности в своих действиях, даже не подозревали, что доктора, к которому они пришли за излечением, постигла беда много более страшная, чем все их телесные недуги.

Опасность, ужасная и сверхъестественная, грозовой тучей нависла над домом. Это хорошо налаженное хозяйство, такое современное, снабженное всеми удобствами и изысками, свойственными двадцатому веку, ничуть не напоминало осажденную крепость, хотя именно таковой и являлось.

Вдали, над Гайд-парком, загрохотало. Роберт взглянул на мрачное небо, словно надеясь увидеть знамение. Ему даже показалось, что из-за туч на него смотрит искаженное яростью мертвенно-бледное лицо дьявола во плоти.

В столовую вошла Майра.

Роберт повернулся к ней: официально являясь женихом, он мог бы сорвать поцелуй с ее манящих губ, но не решился и был вынужден довольствоваться тем, что поцеловал протянутую руку. Ему вдруг подумалось, что для девушки не совсем прилично находиться с ним под одной крышей; да, это продиктовано необходимостью, но может породить разные слухи. Решение о том, что Майра временно поживет у них, принимал отец: подобно средневековому феодалу, при малейших признаках приближения врага дающему пристанище в стенах замка всем своим людям, он собрал в доме тех, кого был призван защищать. Грандиозная, невидимая миру битва разразилась в Лондоне, внешние укрепления уже пали, враг стоял теперь у самых ворот.

Несмотря на бледность, след недавней болезни, Майра явно выздоравливала, и былая красота возвращалась к ней. Было невозможно оторвать глаза от затянутой в простенькое платье фигурки, порхающей вокруг стола, накрытого для завтрака. Роберт стоял рядом и любовался девушкой, глядя ей прямо в глаза, а она счастливо и умиротворенно улыбалась в ответ, заставляя его сердце биться сильнее.

— Что-нибудь сегодня снилось? — как можно неприступнее спросил молодой человек.

Майра кивнула и тут же посерьезнела.

— Все тот же кошмар?

— Да, в некотором роде, — печально ответила она.

Глядя на наручные часы, вошел доктор Кеан.

— Доброе утро! — бодро поздоровался он. — Ну я и соня!

Все сели за стол.

— Майре опять снились кошмары, сэр, — сказал Роберт.

Доктор застыл с салфеткой в руке и вопросительно посмотрел на сына.

— Мы не должны пропустить ни малейшей детали. Майра, подробно опиши, что тебе снилось.

В столовую неслышно вошел Марстон, поставил тарелки и так же бесшумно удалился. Майра начала свой рассказ:

— Я опять очутилась в доме, похожем на амбар, — я уже описывала его вам до этого. Черепица кое-где выпала, и на полу лежали неровные пятна лунного света, проникающего сквозь дыры в крыше. В дальнем конце был вход — из-за темноты я с трудом его видела, только поняла, что это ворота, как в конюшне, и они закрыты на тяжелый засов. Из мебели там были лишь огромный деревянный стол и вполне обычный стул. На столе стояла лампа...

— Какая? — встрепенулся доктор.

— Серебряная, с абажуром, — Майра нервно переводила взгляд с одного мужчины на другого, — похожа на ту, что я видела в квартире у Энтони. Под лампой стоял запертый железный сундучок. Я его сразу узнала. Вы, наверное, помните, он мне снился и вчера.

Доктор, нахмурившись, кивнул:

— Повтори, что именно ты видела тогда. Думаю, это очень важно.

— В предыдущем сне, — продолжила девушка странно изменившимся голосом, словно звучащим откуда-то издалека, — я оказалась в том же доме, только под лампой лежала открытая книга, старинная, древняя, с чудным шрифтом. Казалось, что буквы пляшут у меня перед глазами, прямо как живые. — Майра вздрогнула. — На столе стоял тот же сундучок, только открытый, а вокруг него множество шка-тулок. Все шкатулки разные: некоторые деревянные, одна, по-моему, из слоновой кости, другая серебряная, еще одна из какого-то тусклого металла, возможно, даже из золота. За столом на стуле сидел Энтони. Он пристально смотрел на меня, но с таким странным выражением, что я испугалась и проснулась...

Доктор снова кивнул.

— А прошлой ночью? — подсказал он.

— Прошлой ночью, — взволнованно рассказывала Майра, — по углам стола я увидела четыре небольшие лампы. На полу светящейся краской были нарисованы ряды каких-

то знаков. Они мерцали, гасли, а потом зажигались вновь, словно флуоресцировали. Надписи тянулись от лампы до лампы, окружая стол со стулом.

На стуле сидел Энтони Феррара. В правой руке он держал жезл, обвитый в нескольких местах медными кольцами, левую руку положил на железный сундучок. Я видела мельчайшие детали, но смотрела издали — во сне такое бывает; и одновременно с этим я стояла прямо у стола... не могу объяснить. Я не слышала ни звука, но по губам Энтони поняла, что он что-то говорит или даже читает заклинание.

Майра опасливо посмотрела на доктора Кеана, но продолжила:

— Вдруг с другой стороны стола появилось что-то жуткое. Сперва это было просто серое облако, смутно напоминающее человека, а потом у него зажглись два красных глаза — ужасные! ах, до чего ужасные! Оно подняло призрачные руки, приветствуя Энтони. Тот повернулся и что-то спросил у чудовища. А потом он его отпустил, но с такой злобой — я чуть не умерла от страха! — и начал нервно расхаживать вокруг стола, не выходя за пределы освещенного круга. Он потрясал кулаками в воздухе и, судя по губам, безбожно ругался. Он казался изможденным и больным. Затем я проснулась, и мне показалось, что на меня что-то давит, но это быстро прошло.

Доктор Кеан бросил многозначительный взгляд на сына. Больше за завтраком об этом не говорили. После еды отец пригласил Роберта в библиотеку.

— У меня есть полчаса, — сказал он. — Надо кое-что обсудить.

Они прошли мимо стройных рядов старинных книг, хранящих древнее знание, и доктор указал сыну на красное кожаное кресло. Роберт сел и посмотрел на старшего Кеана, занявшего место за письменным столом, — поневоле вспомнилось, сколько они пережили вместе; библиотека на Хаф-Мун-стрит теперь всегда будет связана с самыми черными страницами в их жизни.

— Роб, ты понял, что происходит? — сразу начал доктор.

— Думаю, что да, сэр. Кажется, это его последний козырь — жуткое, нечестивое Нечто, которое он натравил на нас.

Ученый мрачно кивнул.

— Очень сложно провести границу между тем, что мы зовем внушением, и тем, что зовется колдовством, и бесполезно обсуждать, к какой из областей принадлежит учение об Элементалях, Духах стихий. Памятуя, с кем мы имеем дело, стоит упомянуть, что сто двадцать восьмая глава древнеегипетской «Книги мертвых» называется «Духи Запада». Забудем на время, что на дворе двадцатый век, и посмотрим на ситуацию с точки зрения, скажем, Элифаса Леви, Агриппы Неттесгеймского или аббата де Виллара⁶⁷ — получится, что человек, известный нам под именем Энтони Феррары, направляет против нас Саламандру, или Духа огня.

Роберт не сдержал улыбки.

— Так вот, — невесело улыбнулся в ответ доктор. — Мы привыкли смеяться над средневековой наукой, но как по-другому описать действия Феррары?

— Иногда я думаю, что мы оба стали жертвами одного и того же безумия, — ответил сын и театральным жестом схватился за голову.

— Мы оба стали жертвами одного и того же врага, — сурово поправил отец. — И использует он именно то оружие, за упоминание о котором в наш просвещенный век людей несчастных, но находящихся в здравом уме, как мы с тобой, отправляют в сумасшедший дом! Ну почему же, — неожиданно возбудился врач, — наука упрямо отрицает любые факты, которые она не способна подвергнуть лаборатор-

⁶⁷ Генрих Корнелиус (Агриппа Неттесгеймский) (1486-1535) – немецкий алхимик, натурфилософ, оккультист; Николя-Пьер-Анри де Монфокон де Виллар (1635-1673) – французский священник, писатель, мистик, чьи сочинения касаются, в частности, элементарей.

ной проверке? Неужели ни один ученый так и не попытается понять, каким образом движется стол на спиритических сеансах? Неужели никто не снизойдет до изучения «говорящей доски»? Так и не заинтересуется феноменом мыслеформ, как когда-то Ньютон заинтересовался падением яблока? Вот так-то, Роб, в некотором смысле наш век еще более темен, чем времена, заклеянные этим словом.

Собеседники помолчали, а потом Роберт осторожно произнес:

— Ясно одно, мы в опасности!

— В большой опасности!

— Энтони Феррара понимает, что мы намерены уничтожить его, и стремится нанести последний сокрушающий удар. Я знаю, что вы наложили на окна магические печати и что мы никогда их не открываем после наступления темноты. Я видел, что по вечерам на оконных переплетах всех комнат: вашей, моей, спальни Майры, столовой, везде — появляются отпечатки, напоминающие те, что способны оставить *горящие руки*. Я знаю, что сны Майры не просто пустые кошмары. Замечал я и многое другое. Но старался ни о чем не думать, опасаясь за свой рассудок. Я даже не желаю понимать, зачем все это. Сейчас я хочу знать одно: *кто такой Энтони Феррара?*

Брюс Кean встал, повернулся и посмотрел на сына.

— Время пришло, — сказал он. — Ты много раз задавал этот вопрос. Пора на него ответить. Я расскажу все, что знаю, но толкование предоставлю тебе. Вынужден сразу предупредить — я сам в точности не знаю, кто он такой!

— Вы уже упоминали об этом, сэр. Я жду объяснений.

Доктор начал мерить шагами комнату.

— Зимой 1893 года, — рассказывал он, — его приемный отец, сэр Майкл Феррара... нет, не так... мы с сэром Майклом вели кое-какие изыскания в Файюме в Египте. Более трех месяцев работали мы в лагере у подножия Медумской пирамиды, пытаясь обнаружить место захоронения некоей царицы. Не буду углубляться в детали — они интересуют только египтолога. Скажу лишь, что помимо общеизвестных имени и титула, эта правительница упоминалась в нес-

кольких источниках как Царица-Ведьма. Была она не египтянкой, а азиаткой. Но главное то, что она являлась верховной жрицей культа, запрещенного сразу после ее смерти. Ее тайным знаком — не иероглифом или чем-то подобным для обозначения имени, а именно знаком — был паук. Впрочем, был он и основным символом религии, которую она практиковала. Верховного жреца главного храма бога Ра в правление фараона, бывшего мужем нашей царицы, звали Хортотеф. Эту должность он занимал официально, но тайно являлся первосвященником упомянутой зловещей секты. Их главный храм, если слово «храм» можно употребить, говоря о приверженцах Черной Магии, находился в Медумской пирамиде.

Все это самостоятельно узнал сэр Майкл и вовлек в экспедицию меня. Перед нами стояла задача найти вещественные доказательства существования культа. К сожалению, она оказалась невыполнимой. Мы исследовали каждый фут, каждый дюйм пирамиды и ничего не нашли. Мы полагали, что в пирамиде имеется еще одно помещение, но ни простукивание, ни обмеры, ни тщательнейшие раскопки нам не помогли. Мы не смогли обнаружить гробницу, но уверенность в том, что мумия царицы захоронена где-то внутри, не исчезла. Отчаявшись, мы прекратили поиски, однако раскопки в одной из гробниц близ пирамиды принесли неожиданную находку.

Доктор открыл ящичек с сигарами, взял одну сам и подвинул коробку сыну. Роберт отрицательно покачал головой и нетерпеливо посмотрел на отца. Тот закурил сигару и продолжил:

— Сейчас я понимаю, что нами руководила злая воля, а тогда показалось, что мы случайно наткнулись на гробницу верховного жреца...

— И нашли его мумию?

— Мумию нашли, да. Но по беспечности — и из-за страха — местных рабочих тут же потеряли: они вынесли ее на солнце, и мумия рассыпалась. Лучше бы подобная участь постигла нашу вторую находку!

— Вы нашли еще одну мумию?

— Мы нашли, — доктор Кean осторожно подбирает слова, — папирус. Его перевод есть в неопубликованной работе сэра Майкла, лежащей здесь. — Доктор указал на ящик стола. — Роб, эту книгу нельзя публиковать! Но продолжим. Мы обнаружили мумию ребенка...

— Ребенка?

— Мальчика. Не доверяя туземцам, ночью мы тайно перенесли ее в свою палатку. Но еще до того, как мы начали разворачивать ее, сэр Майкл — что за блестящий ученый он был! — успел расшифровать большую часть папируса и настоял на том, чтобы сперва завершить перевод и лишь затем вернуться к мумии. В манускрипте содержались указания, относящиеся именно к ней.

— Я правильно понял, что...

— Ты уже начал сомневаться! Вижу, вижу! Дай же мне закончить. Не прибегая к посторонней помощи, мы сделали все, как написано. Следуя указаниям мертвого мага — этого проклятого злодея, пытавшегося обрести возможность возродиться, — мы после некоего ритуала положили мумию в погребальную камеру фараона в Медумской пирамиде. Там она оставалась тридцать дней, от новолуния до новолуния...

— Вы охраняли вход?

— Можешь строить любые предположения, Роб, но клянусь тебе, никто в это время в пирамиду не входил. Тем не менее, мы всего лишь люди — возможно, мы обманывались. Добавлю лишь, что в определенный день, вычисленный по древнеегипетскому лунному календарю, мы вновь вошли в камеру и обнаружили там здоровенького шестимесячного мальчика, щурившегося от света факелов, которые мы держали в трясущихся руках!

Доктор Кean сел за стол и повернулся на стуле лицом к сыну. Он сидел, зажав дымящуюся сигару в зубах, и еле заметно улыбался. Теперь уже Роберт, в свою очередь, начал лихорадочно метаться по комнате.

— Иными словами, мы нашли в пирамиде ребенка... и сэр Майкл его усыновил?

— Усыновил, о да. Нанял для него нянек, перевез в Англию, растил, как истинного англичанина, отправил в частную школу, потом в...

— В Оксфорд! Энтони Феррару! Надо ведь! Вы всерьез утверждаете, что такова история Энтони Феррары?

— Клянусь честью, мальчик мой. Вот и все, что я знаю. Тебе достаточно?

— Боже мой! Поверить не могу, — простонал Роберт.

— И вот приемный сын моего несчастного друга вырос, — спокойно продолжал Брюс, — и начал совершать одно преступление за другим. Не понимаю как, но он получил доступ к тайному знанию — впрочем, это лишь подтверждает его сверхъестественное происхождение. Древние египтяне верили, что Ху⁶⁸ (или магические силы) посвященного во все тайны Адепта после его физической смерти может вселяться в любой приготовленный для этой цели сосуд — предмет или тело. Если принять это утверждение на веру, то Ху верховного жреца Хортотефа вселилось в тело ребенка, его собственного сына от Царицы-Ведьмы, и сегодня древнеегипетский маг, вооруженный потерянными знаниями волшебной земли, разгуливает среди нас! Бесплезно обсуждать, что это за знание, ясно лишь одно — он постиг его в совершенстве. Древнейшая и самая могущественная магическая книга называлась «Книгой Тота». — Доктор подошел к дальней полке, выбрал том, открыл его на определенной странице и положил на колени сыну. — **Читай!** — сказал он, указывая на строку.

Слова прыгали перед глазами молодого человека: «Прочтение двух страниц позволит повелевать небесами, землей, бездной, горами и морем, даст знание языка птиц летучих и тварей ползучих... Прочтение второй страницы поднимет из мира мертвых в том же обличье, что и при жизни...»

⁶⁸ Ху — в религии древних египтян одна из составляющих человеческого существа, а также божественная персонификация творящего Слова.

— Боже мой! — прошептал Роберт. — Что за бред сумасшедшего? Разве такое возможно?

Он продолжил чтение: «Книга закована в железный ларец и погребена на дне реки близ Коптоса⁶⁹».

— В железном ларце, — пробормотал он. — В железном сундучке!

— Узнал-таки ларец! — вставил доктор.

Роберт читал: «В железном ларце лежит ларец бронзовый; в бронзовом ларце — деревянный, из сикоморы; в деревянном — ларец из слоновой кости, отделанный эбеновым деревом; в том ларце — ларец из серебра; в серебряном ларце — ларец золотой, в золотом же ларце — книга. И обложена она змеями, скорпионами да прочими гадами...»

— Человек, обладающий «Книгой Тота», — прервал молчание ученый, — владеет силой, доступной лишь Богу. У существа, носящего имя Энтони Феррары, есть эта книга — ты ведь уже не сомневаешься? А поскольку не сомневаешься, значит, знаешь то, что знаю я, и понимаешь, с каким противником мы сражаемся. Это борьба не на жизнь, а на смерть...

Он резко остановился, глядя в окно.

На другой стороне улицы человек с большой фотографической камерой пытался сделать снимок дома!

— Это еще что? — возмущенно пробормотал Роберт, пойдя к окну.

— Смещение науки и магии, — ответил доктор. — Помнишь набор фотографий у Феррары в Оксфорде, ты его еще гаремом назвал? Портреты всех, кого он погубил, были в его коллекции.

— Начинаю понимать!

— Сейчас он пытается направить свои злые чары на наш дом, но результаты пока разочаровывают: Майре просто снятся кошмары, да такие ясные и показательные, что они полезны скорее нам, чем врагу; на оконных переплетах

⁶⁹ Коптос — греческое название египетского города Кифта.

время от времени проявляются следы, не зря же я запечатал окна. Теперь понял?

— С помощью фотографий Феррара каким-то образом концентрирует свою губительную силу на определенных точках...

— Свою волю — да! Человек, полностью контролирующей свою волю, Роб, могущественнее всех, кроме Бога. А Феррара почти что научился это делать. Но прежде чем он овладеет искусством в совершенстве...

— Понял, сэр, — мрачно откликнулся сын.

— Он еще очень молод, едва достиг совершеннолетия, мальчик мой, — полушепотом произнес доктор. — Через год он будет представлять серьезную угрозу для всего человечества. Куда ты?

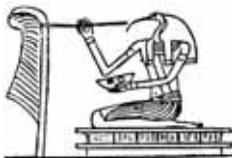
Он схватил за рукав сына, направившегося к двери.

— Человек снаружи...

— Держи себя в руках, Роб! Хитрость против хитрости. Пусть этот человек фотографирует — ему невдомек, кому он помогает. *Потом* проследи за ним. Узнай, где расположена его студия, а далее действуй по обстановке...

— Попытаться узнать, где скрывается Феррара? — воскликнул сын. — Понятно! Вы, как всегда, правы, сэр.

— Доверяю тебе это расследование, Роб. К сожалению, у меня есть и другие обязанности.

Глава XXIX

Логово колдуна

Роберт Кean вошел в фотографическое ателье на Бейкер-стрит.

— Не было ли у вас на днях заказа на виды некоторых домов в Вест-Энде? — спросил он девушку за конторкой. Она немного поколебалась, но все же ответила:

— Был. Мы фотографировали дом одного известного врача для статьи в журнале. Вы желаете сделать подобный заказ?

— Не сейчас, — сказал Кean, улыбнувшись девушке. — Просто хотел узнать адрес заказчика.

— Сомневаюсь, вправе ли я сообщать вам адрес, — проговорила она, — но в одиннадцать он зайдет за пробными снимками. Вы сможете увидеть его лично.

— Не знаю, могу ли я довериться вам, — произнес Роберт, заглядывая девушке в глаза.

— Думаю, в этом нет ничего плохого, — смутилась она.

— Вам не стоит опасаться, — сказал молодой человек, — но, к сожалению, есть в моем деле нечто щекотливое, и я не имею права раскрывать все секреты. Не пообещаете ли мне, что заказчику — видите, я даже не спрашиваю, кто это, — вы не скажете ни слова ни о том, что я был здесь и расспрашивал о нем.

— Полагаю, я могу дать такое обещание, — ответила девушка.

— Премного вам благодарен.

Роберт спешно покинул ателье и начал оглядывать улицу в поисках укрытия, откуда он смог бы наблюдать за студией, оставаясь незамеченным. На противоположной стороне, чуть наискосок от ателье, он увидел лавку антиквара. Роберт взглянул на часы — половина одиннадцатого.

Если ему удастся пробыть в лавке под предлогом поиска какой-нибудь вещицы в течение получаса, он сможет выследить Феррару!

Молодой человек решительно вошел в магазин. Следующие тридцать минут Кean провел, неторопливо прохаживаясь от одного предмета к другому и рассматривая их с видом знатока; при этом он не забывал поглядывать то на часы, то на вход в мастерскую фотографа.

Ровно в одиннадцать подъехало такси, а из него выскользнула стройная мужская фигура. Несмотря на жаркое утро, приехавший кутался в шерстяное пальто; пока он пересекал тротуар, невозможно было не заметить, что походка его до отвратительности жеманна: кошачья грация хороша в женщинах, но в мужчине она противоестественна и, по какой-то не поддающейся логическому объяснению причине, смотрится зловеще.

Это был Энтони Феррара!

На мгновение мелькнуло лицо этого дьявола, этого чудовища под маской человека — бледная кожа, неестественно яркие, красные губы, миндалевидные черные глаза. Роберт с трудом подавил растущее негодование: помня, что все зависит от умения владеть собой, он дождался, пока Феррара войдет в ателье. Извинившись перед антикваром, Кean выскочил на Бейкер-стрит. Теперь все зависело от того, удастся ли ему своевременно найти такси. Прибывшая машина, судя по всему, дожидалась Феррару.

К счастью, как только Роберт вышел на улицу, его окликнул шофер, и Кean, укрывшись от посторонних взглядов за автомобилем, быстро дал указания:

— Видите такси у фотографического ателье?

Водитель кивнул.

— Дождитесь, пока пассажир не выйдет из ателье и автомобиль не отъедет, затем следуйте за ним. Старайтесь не отставать. Когда и где бы он ни остановился, проезжайте мимо, не останавливаясь и не привлекая внимания. Вам понятно?

— Вполне, сэр, — чуть улыбнувшись, сказал шофер. Кean сел в машину.

Они немного отъехали, выбрав удобное для наблюдения место. Через две минуты Феррара вышел из мастерской. Погоня началась.

Преследуемое такси помчалось на юг: через Вестминстерский мост мимо больницы святого Фомы в Воксхолл. Потом они пересекли Стоквелл, Херн-Хилл и направились в Дулвич.

Роберт внезапно осознал, что они едут к дому мистера Сондерсона в Дулвич-Коммон, к тому самому дому, в котором Майра слегла от загадочной болезни, где жила, пока не стало ясно, что ее ни в коем случае нельзя оставлять одну.

— Куда это он? — бормотал Роберт.

Может быть, Феррара по какой-то непонятной причине решил навестить мистера Сондерсона? Но когда такси пересекло парк и миновало аллею, ведущую к особняку, Роберт понял, что ошибся.

Вдруг машина остановилась. Такси, в котором ехал Роберт, не сбавляя скорости, пролетело мимо нее. Молодой человек пригнулся, опасаясь, что его заметят. Ни справа, ни слева домов не было — только открытые поля; поэтому шофер не мог притормозить, не привлекая внимания.

Машина Феррары осталась позади.

— Езжайте дальше, я сам скажу, когда остановиться! — крикнул Кean. Он отвернулся от водителя и стал смотреть в окошко заднего вида.

Феррара вышел из такси, отпер калитку и зашагал по полю справа от дороги. Кean опять обратился к водителю:

— Остановитесь у первого попавшегося дома! Быстрее!

Они как раз подъехали к большой заброшенной постройке, явно нежилой. Автомобиль затормозил, и Роберт выскочил из него. Такси Феррары только что отбыло.

— Вот, — сказал Кean, протягивая шоферу полсоверена, — дождитесь меня.

Молодой человек побежал по дороге. Даже если Феррара что-то заподозрил, видеть его он не мог. Достигнув калитки, через которую прошел Энтони, Кean перешел на шаг и наконец начал осторожно красться вперед.

К тому времени Феррара пересек поле и собирался войти в похожее на амбар строение, когда-то несомненно принадлежавшее фермеру. Он отпер большие ворота и исчез внутри.

«Вот что снилось Майре!» — промелькнуло в голове Роберта.

И в самом деле, даже издали здание напоминало то, что описывала девушка. Красная черепичная крыша давно поросла мхом, и Кean живо представил, как по ночам сквозь дыры, а они, безусловно, в такой развалине имеются в изобилии, внутрь проникает лунный свет. Именно это место являлось Майре во сне или пророческом видении; именно его избрал Феррара для своих нечестивых дел.

Здание идеально подходило для этих целей: стоит на отшибе, вокруг ни души. Роберт даже не мог предположить, под каким предлогом Феррара арендовал участок: впрочем, этот вопрос недолго занимал его. А вот для чего земля понадобилась современному чернокожнику, Кеану — человеку, немало от него пострадавшему, — было совершенно ясно.

Роберт сознавал, что приближаться к амбару чересчур рискованно, и у него хватило мудрости противостоять искушению. Он твердо решил оставаться незамеченным. Пусть Феррара даже не подозревает, что местонахождение его черного логова раскрыто. Удовлетворившись полученным результатом, Кean без промедления отправился назад.

Он быстро дошел до такси, назвал шоферу адрес отца и через сорок пять минут прибыл на Хаф-Мун-стрит.

Доктор Кean все еще принимал пациентов, Майра в компании мисс Сондерсон отправилась за покупками, и Роберт, как ему ни хотелось тотчас же рассказать о том, что узнал, был вынужден ждать. Он нервно шагал по библиотеке, изредка протягивая руку, чтобы взять первую попавшуюся книгу, невидящими глазами просмотреть несколько страниц и поставить обратно, так и не поняв, о чем она. Он попробовал закурить, но трубка постоянно гасла, и когда доктор резко отворил дверь, в камине было полным-полно горелых спичек.

— Расскажешь? — сразу спросил ученый.

Роберт бросился навстречу отцу.

— Я его выследил, сэр! — воскликнул он. — Боже мой, пока Майра жила у Сондерсона, это чудовище обитало по соседству! Его логово было буквально в тысяче ярдов от их забора, со стороны оранжерей!

— А он смел и отчаян, — пробормотал доктор. — Этим выбором он убил двух зайцев: во-первых, место очень удобное; во-вторых, поблизости мы бы его искать не стали. Он действует, как опытный преступник.

Роберт закивал:

— Именно это место снилось Майре, сэр. Даже не сомневаюсь. Нам осталось только выяснить, когда он бывает там...

Отец прервал молодого человека:

— Вряд ли он часто приходит туда днем. Сам знаешь, он съехал с Пикадилли, но помня, как Феррара любит роскошь, сильно подозреваю, что у него есть апартаменты где-нибудь в центре. Я тут провел кое-какое расследование, конечно же, в определенном направлении... — Он замолчал, многозначительно приподняв брови.

— Пополнение в гареме! — догадался сын.

Доктор мрачно кивнул.

— Угадал! Его нельзя осудить по закону — нет улик, но с тех пор как он вернулся из Египта, Роб, список жертв пополнился!

— Подлец! — Молодой человек метал громы и молнии. — Само воплощение зла!

— Точнее было бы сказать «перевоплощение», учитывая его происхождение. Но женщины считают Феррару неотразимым, и это у него семейное. Порочная красота Царицы-Ведьмы сгубила не одну душу, порочная привлекательность ее сына собирает тот же урожай.

— И как быть?

— Сегодня мы вряд ли что успеем. Лучше наведаемся в его берлогу в Дулвич-Коммон рано утром.

— А как же новые фотографии нашего дома? Он опять попытается напасть на нас ночью.

— Да, попытается, — устало подтвердил доктор. — На дворе год 1914 — и тем не менее, когда на Хаф-мун-стрит воцарится тьма, мы подвергнемся нападению, коего мир не видел уже много столетий. Для защиты от врага, которому, как Эросу, нипочем замки и засовы, нам придется прибегнуть к презренной практической магии и наложить заклятья на окна и двери.

— Он не сумеет прорваться?

— Кто знает, Роб, всего не предусмотреть. Чует мое сердце, что сегодня Феррара нанесет решающий удар.

В дверь позвонили.

— Думаю, Майра пришла, — сказал доктор Кеан. — Надо бы ей сейчас хорошенько выспаться, потому что ночью ни ей, ни тебе, ни мне спать не придется. Проведем ночь здесь, в библиотеке, все вместе. Нам ни на секунду нельзя разлучаться, понял?

— Рад, что у вас есть план! — с готовностью откликнулся Роберт. — Я тоже чувствую, что дело подошло к переломной точке.

— Сегодня ночью, — продолжал доктор, — мне придется кое-что предпринять. Приготовления займут весь вечер.

Глава XXX

Элементаль

Доктор, Роберт и Майра встретили сумерки в библиотеке. Девушка казалась очень бледной.

Весь дом пропах благовониями, но запах на этот раз шел из кабинета самого доктора: сразу после ужина он заперся там и просил его не беспокоить. Даже Роберт не знал, чем был занят отец, и спросить об этом не решался — расспросы доктору наверняка не понравились бы. Одно было ясно: Брюс Кеан задумал сражаться с Энтони Феррарой его же оружием, и вот теперь, когда все в доме говорило о том, что враг близко, доктор, как бы противно ему ни было, выступил в новой для себя роли — в роли практикующего мага.

В половине одиннадцатого, по указанию доктора Кеана, слуги были отправлены в свои комнаты. Роберт стоял у камина и любовался Майрой: одетая в скромное платьице, простота которого только подчеркивала ее грацию, девушка устроилась в кресле в дальнем углу комнаты и читала роман. На фоне темных книжных корешков ее красота казалась еще более нежной. Доктор сидел за столом и курил, явно прислушиваясь к чему-то. Он вновь использовал ту же защиту, что и всю предыдущую неделю: всюду — на каждом оконном переплете в доме, на дверях и каминных решетках — он прикрепил маленькие белые печати с изображением переплетенных между собой треугольников.

Случись это несколько лет назад, Роберт подумал бы, что отец сошел с ума, начитавшись трактатов по магии; но теперь молодой человек понимал, что подобные мелочи способны уберечь от большой беды, что в стране, лежащей за границей бытия, действуют иные, не объяснимые логикой законы, которые он сам почти не понимал. Поэтому он

просто признавал превосходство отцовских знаний и принимал происходящее как данность.

В одиннадцать часов на Хаф-Мун-стрит стало относительно тихо. Роберт уже не слышал, как снаружи шумит транспорт; они словно находились не в центре суетливого лондонского Вест-Энда, а в безлюдной глуши; их жилище словно вырвали из средоточия людей и перенесли на необитаемый остров; дом словно окутало невидимое облако зла, призванное колдуном Энтони Феррарой, сыном Царицы-Ведьмы.

Хотя Майра притворялась, что читает, и доктор, придав лицу выражение сосредоточенности, изображал какую-то деятельность, было очевидно, что все они напряженно ждали первого удара. Никто не знал, каким он будет: возможно, как случалось уже не раз, кто-то начнет стелать и постукивать в окна; возможно, призрачная гроза возвестит о себе оглушительным раскатом грома. Им оставалось только гадать, пойдет ли враг в лобовую атаку или нападет исподтишка, тайно проникнув в самое сердце осажденной крепости.

Удар оказался внезапным и непредсказуемым.

Выронив книгу и пронзительно закричав, Майра с безумными глазами упала на ковер и потеряла сознание!

Роберт вскочил, сжав кулаки. Доктор встал так быстро, что перевернул стул, и тот с грохотом упал на пол.

Они глядели туда, куда до этого был направлен взгляд девушки, — на плотно задернутые шторы. Оконный проем светился, горел, и казалось, прямо за ним полыхает адское пламя!

Кананы невольно попятнулись, а Роберт схватил отца за руку.

Портьеры, словно пронзенные лучом прожектора, стали прозрачными, обнажая синий квадрат окна. Библиотека освещалась двумя лампами: торшером в углу — там чуть ранее сидела Майра — и светильником под зеленым абажуром на письменном столе. Передняя часть комнаты тоннула в тени, и от этого голубое потустороннее сияние казалось еще ярче.

— Боже мой! — прошептал Роберт. — Но снаружи Хаф-Мун-стрит, а там нет таких фонарей.

Он тут же замолк, увидев Нечто, так испугавшее Майру.

В самом центре оконного проема клубилось серое мерцающее облако, постепенно обретая все более и более четкие формы!

Оно отдаленно напоминало человека, но в первую очередь в глаза бросались не очертания, а сама ужасная серая субстанция — серая, как туча, как дым из печной трубы. А там, где должно было быть призрачное лицо, как два костра, горели два глаза!

Из окна дохнуло жаром, будто из плавильни, а дымная фигура, уже почти осязаемая, надвигалась на них, нагоняя волны зноя.

Огненные глаза ослепляли, пекло лишало сил. Роберту стало так страшно, как никогда до этого, хотя в последнее время он видел немало ужасов, сотворенных чудовищным Феррарой. Доктору удалось стряхнуть с себя оцепенение, и одним прыжком он оказался у стола.

Молодой человек успел заметить, что там белеет нечто похожее на шарики из воска: так вот что отец делал, запершись в кабинете! Доктор зажал их в левой руке и теперь ждал приближения элементаля, заполнившего собой почти всю комнату: мерзкое создание не двигалось в общепринятом смысле слова, а *росло*.

Один за одним доктор метал шарики в серое облако. Долетая до окна, они с шипением таяли, будто брошенные в огонь, лишь воск оставлял чуть заметные потеки на прозрачном полотне штор.

Бросая очередной шарик, Брюс делал шаг вперед и что-то выкрикивал. Роберт никогда не слышал подобного, но чутье подсказывало ему, что отец говорит на языке Древнего Египта.

Под натиском ученого жуткое существо начало исчезать, как развеивается облако дыма, когда тушат пожар. В общей сложности доктор запустил в создание семь ша-

риков, и последний на лету отскочил от портьер, вновь обретших прежнюю плотность.

Дух огня истаял!

Роберт вцепился в собственные волосы, не отрывая взгляда от зашторенного окна: только бы не сойти с ума! Неужели оно так и выглядело несколько минут назад? Как через такую плотную ткань мог пробиться свет? Проникало ли в комнату Нечто, что он не мог ни назвать, ни описать?

Шторы сами дали ответ.

На них по-прежнему белели разводы, оставленные расплавившимися шариками!

— Давай-ка перенесем Майру на диван! — спокойно, хотя и несколько напряженно сказал доктор Кеан.

Роберт, словно очнувшись, повернулся к лежащей на ковре девушке. Затем он подбежал к невесте, приподнял ее голову и, срываясь на крик, простонал:

— Майра! Майра, поговори со мной!

— Спокойнее, мальчик мой, — строго одернул доктор.

— Пока не придет в себя — не заговорит! Это просто обморок.

— Но...

— Мы победили!

Глава XXXI

Книга Тота

Утренняя дымка плыла над полями, окутывая две мужские фигуры, уверенно идущие по сырой траве к дверям амбара: ночью оттуда был послан несущий смерть дух, едва не погубивший всех собравшихся в библиотеке на Хаф-Мун-стрит.

На больших двустворчатых воротах висел замок, но мужчины предусмотрели это. Десять минут работы — и доктор Кеан распахнул их.

Из помещения удушливо пахло благовониями — как же часто этот смрад досаждал им! В амбар проникали мутные лучи света. Кеаны смело шагнули внутрь.

Все внутреннее убранство состояло из грубого стола и стула. Часть пола застилали доски, и под ними быстро обнаружился небрежно устроенный тайник — там Феррара хранил инструменты своего проклятого ремесла.

Доктор раздвинул две тяжелые половицы, открыв взгляду использовавшийся чернокнижником набор странных предметов. Среди них оказались четыре вычурные старинные лампы и большой серебряный светильник, тот самый, что они многократно видели во всех обиталищах Феррары. Было там и много мелочей, но Роберт даже под дулом пистолета не смог бы описать их: ничего подобного он в своей жизни не встречал и понятия не имел о происхождении и назначении этих вещей.

Самым примечательным в этой любопытнейшей коллекции оказался квадратный железный ларец. Роберт затруднился определить, в какой стране его изготовили. Крышка была покрыта необычайными письменами. Молодой человек уже наклонился, собираясь достать его, но отец закричал:

— Не тронь! Ради Бога, не трогай!

Роберт отпрянул, как от змеи. Оглянувшись на доктора, он обнаружил, что тот натягивает белые перчатки. Присмотревшись, он был немало удивлен, когда заметил на ткани следы какого-то белого порошка.

— Посторонись, мальчик мой, — чуть дрогнувшим голосом приказал отец. — Отвернись и не оборачивайся, пока не скажу.

Недоумевающий Роберт молча повиновался. Он слышал, как отец вытащил и открыл сундучок: младший Кean успел заметить, что тот был не заперт. Потом доктор закрыл крышку и положил ларец обратно в тайник.

— Не поворачивайся, — хрипло прошептал он.

С гулко бьющимся сердцем, затаив дыхание, Роберт ждал, что будет дальше.

— Выйди из амбара, встань в сторонке и, когда выйду я, не смотри. Я позову, когда закончу.

Сын покорно подчинился приказу.

Вскоре отец прошел мимо него, мокрая трава шуршала под ногами. Невыносимо долго тянулись минуты. Неподалеку, у самой стены амбара, послышалось дребезжание и журчание, словно доктор открыл закупоренную склянку и что-то лил из нее на землю. До ноздрей молодого человека донесся едкий запах — слабый и все же различимый в тяжелой волне благовоний, текущей из амбара.

— Запри ворота! — закричал отец.

Роберт быстро замкнул дужку и начал нащупывать в принесенной с собой связке подходящий ключ. Оказалось, что запирать ничуть не легче, чем взламывать. Руки тряслись, очень хотелось оглянуться и посмотреть, что происходит. Наконец щелчок возвестил о том, что дело сделано. Роберт сразу же обернулся и увидел, как ученый маскирует пучками травы дымящийся, почерневший участок почвы. Сын подошел к нему.

— Что вы сделали, сэр?

— Обезоружил негодяя, — серьезно ответил доктор. Лицо его побледнело, глаза горели. — Уничтожил «Книгу Тота»!

— И теперь он не сможет...

— Нет, призвать своего жуткого слугу он еще сможет, Роб. Если он сделал это однажды, то сумеет и повторить, но...

— Что же, сэр?

— Он не сможет им управлять.

— Боже мой!

Ночь прошла спокойно, а когда забрезжил серый рассвет, Кеаны, сами бледные, как два призрака, вновь пробрались по полю к амбару.

Отпертый замок висел на воротах.

— Стой на месте, Роб! — приказал отец.

Он легонько толкнул створку — шире, шире — и заглянул внутрь. В амбаре тошнотворно пахло горелой плотью. Брюс Кean повернулся к сыну и твердым голосом произнес:

— С ведьминым отродьем покончено!

Роман С. Ромера (Артура Генри Уорда, 1883-1959) «Ведьмино отродье» («Brood of the Witch-Queen») впервые вышел в свет в 1918 г. и отразил два увлечения, всю жизнь сопровождавшие писателя – Древний Египет и оккультизм. Перевод романа выполнен по первому книжному изданию (London, 1918). На фронтисписе – иллюстрация Р. Ханта из альбома «Фу Манчу и компания».

Оглавление

От переводчика	7
Предварительное замечание	8
Глава I. Энтони Феррара	9
Глава II. Призрачные руки	18
Глава III. Кольцо Тота	24
Глава IV. В квартире у Феррары	35
Глава V. Жужжащие тени	43
Глава VI. Жуки	53
Глава VII. Пациент сэра Элвина Гроувза	58
Глава VIII. Тайна Дуна	63
Глава IX. Польская еврейка	70
Глава X. Смех	74
Глава XI. Каир	83
Глава XII. Маска Сета	90
Глава XIII. Скорпионий ветер	94
Глава XIV. Прибытие доктора Кеана	105

Глава XV. Царица-Ведьма	109
Глава XVI. Паучья обитель	118
Глава XVII. Рассказ Али Мохаммеда	127
Глава XVIII. Летучие мыши	132
Глава XIX. Антропомантия	143
Глава XX. Благовония	150
Глава XXI. Маг	155
Глава XXII. Майра	159
Глава XXIII. Лицо в оранжерее	164
Глава XXIV. Цветение лотоса	169
Глава XXV. Кеан встречается с Феррарой	175
Глава XXVI. Мертвенно-бледная рука	182
Глава XXVII. Удавка тугов	189
Глава XXVIII. Верховный жрец Хортотеф	195
Глава XXIX. Логово колдуна	206
Глава XXX. Элементаль	212
Глава XXXI. Книга Тота	216

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.